

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 3 | № 1
Volume 3 |

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor) Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

Том 3. № 1. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 3. № 1. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагиц С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

EDITORIAL TEAM:

Editor-in-chief: Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

EDITORIAL BOARD

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Olga B. Buxikova, Doctor of Art study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Mikhail S. Zhironov, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

CONSULTING EDITORS:

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствования и эстетики, Франция

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемьякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Филологического факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, the People's Republic of China, Jiangsu Province

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

*Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year*

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Микешина Л. А. Современные тенденции развития социально-гуманитарных наук в контексте междисциплинарности	4	Mikeshina L. A. Modern trends in social sciences and humanities in the context of interdisciplinarity	4
Числов И. М. «Малый народ – удивительное явление...»	11	Chislov I. M. «Small nation is a strange phenomenon...»	11
Дамьянов С. Б. Сербские литературные войны: от святого Саввы до постмодерна	18	Damjyanov S. B. Serbian literary warfare from Saint Sava to postmodern	18
Павлович Б. М. Специфика национального музыкального творчества Косово и Метохии и важность его использования в преподавании музыкальной культуры в начальной школе	25	Pavlović B. M. Specifics of national musical creativity of Kosovo and Metohija and the importance of its use in primary school teaching of music culture	25
Петрович Я. С., Шувакович У. В. Социальные цели студентов в Сербии	35	Petrović J. S., Šuvaković U.V. Social goals of students in Serbia	35
Мальцева О. П. Некоторые особенности стратегического курса Ким Чен Ына	41	Maltseva O. P. Some features of the strategic policy of Kim Jong-Un	41
АРХИВ		ARCHIVE	
Московкин В. М., Шатохин И. Т. Выпускник Белгородского учительского института 1897 г. Рыбалкин Михаил Михайлович: биография и творчество	48	Moskovkin V. M., Shatokhin I. T. Mikhail Rybalkin, a 1897 graduate of Belgorod Teachers' Institute: biography and achievements	48
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Памятное: наследие Н.Н. Страхова в интеллектуальной истории XIX–XXI вв. Материалы «круглого стола». Участники: Т.И. Липич, П.А. Ольхов, Е.Н. Мотовникова, Р.А. Лопин, И.Ф. Салманова, И.В. Денисова, Л.К. Сагитова, Е.И. Шило, Н.Б. Маляр, Чжу Цзяньган, В.А. Абрамова, В.А. Монастырева, В.Н. Черкесов	59	Ad Memoriam: the heritage of Nikolai Strakhov in the intellectual history of the XIX–XXI centuries. Materials of a “round table”	59
Цицович-Сарайлич Д. Научная конференция «Традиционное и современное в искусстве и образовании»	71	Cicović-Sarajlić D. Scientific conference “Traditional and contemporary in art and education”	71
Милькович М., Ситарича А. Эпистемическая модальность в политическом дискурсе	75	Milkovich M., Sitarica A. Epistemic modality in political discourse	75
Спасич Н. Гармония звучания и смысла на примере «Весенней поэмы» Десанки Максимович	80	Spasić N. A. “Spring poem” by Desanka Maksimovic. Harmony of sounding and meaning	80

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 13(082.1)

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-4-10

Микешина Л. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, г. Москва, 119991, Россия.
E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

Аннотация. В статье дан обзорный анализ основных современных тенденций в эпистемологии и философии социального и гуманитарного знания; актуализируются категории истины и субъекта, научной intersubjectivity и социальной коммуникации в междисциплинарном (герменевтико-реконструктивном) контексте. Рассматриваются проблемы ценностных оснований научного познания, «интеллектуальной истории», «истории понятий» и акторно-сетевой теории научного знания и других новейших методологических направлений, их приложений в образовательном процессе. Показаны перспективные моменты интегративной общности и национальной специфики отечественной философии.

Ключевые слова: эпистемология и философия социального и гуманитарного знания; исторические науки; методология; история идей; коммуникативная рациональность; intersubjectivity; ценности; познавательные практики.

Mikeshina L. A.

MODERN TRENDS IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARITY

Moscow Pedagogical State University, 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia.
E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

Abstract. The article presents an overview analysis of the main trends of the modern world and domestic philosophy of science and epistemology, in which the categories of knowledge, truth, and the subject of scientific intersubjectivity and social communication are re-conceptualized and historically reconstructed. The author considers the problems of the epistemological interpretation of current interparadigmatic research and value bases on scientific knowledge, as well as «intellectual history», «history of concepts» and other new methodological trends, and also the actor-network theory of scientific knowledge and its application in the educational process. Some moments of international and national specificities of Russian philosophy are shown in terms of problems and prospects of the analyzed areas.

Keywords: epistemology and philosophy of social knowledge and humanities; historical sciences; methodology; history of ideas; communicative rationality; intersubjectivity; value; cognitive practices.

Сегодня очевидно, что основные принципы и категориальный аппарат философии познания за последние десятилетия претерпели существенные изменения и требуют как критического и содержательного переосмысления, так и дальнейшего развития. Изменилось понимание традиционной роли философии и ее соотношения с наукой, которое господствовало в XX веке, а в нашей стране не преодолено в полной мере еще и сегодня. Отечественная философия науки

сегодня необходимо исследовать не только особенности развития отдельных социальных и гуманитарных наук, но понять новые тенденции в их взаимодействии друг с другом и в их эпистемологии. Сегодня особого внимания требуют категории трансцендентального субъекта и современные представления об эмпирическом субъекте, снижающие уровень абстракции, но не выходящие за рамки философии. Идут дискуссии не только о базовых категориях субъекта и

объекта, но и о самом понятии знания. Как известно, со времен Платона есть бесконечные рассуждения о знании, но нет бесспорного формально-логического его определения. Поппер просто принимал «для работы» знание как «индивидуальное состояние сознания субъекта» и знание как его эпистемологические формы – метод, теория и др. – для передачи в обществе. Видимо, речь должна идти в целом о специфике определений и создания понятий в гуманитарном знании, в том числе философском, где часто неприменимо традиционное формально-логическое определение, а если оно применяется, то утрачивает важнейшие содержательные компоненты, что выявляется, скорее, интуицией опытного исследователя. Именно в этом случае речь идет об идеации, которую надо вспомнить как «категориальное созерцание сущности» (Э. Кассирер, М. Хайдеггер), либо о типологии, как это обосновывал Г. Шпет в работе «Сознание и его собственник».

Важнейшей философской категорией сегодня становится *интерсубъективность*, особенно с выходом на первый план и активизацией междисциплинарных диалогов и синтезов, усложняющихся коммуникаций, прежде всего в самой современной науке, нарастающей свое влияние на общество. В этом контексте возникает необходимость философского видения социокультурных и цивилизационных ориентиров, обоснования единства рациональности и гуманитарных ценностей. Одна из предпосылок этого – современное понимание различных форм когнитивных практик, построение моделей их диалога, что предполагает более глубокое понимание природы и роли научных коммуникаций как особого вида *интерсубъективности* и формирования *коммуникативной рациональности*. В свою очередь это понимание стало основанием и условием осмысления новой формы *трансцендентальности* в науке: не только как уровня предельной абстракции, но и как феномена совместной деятельности научного сообщества и условия получения истинного знания.

Именно коммуникативная рациональность лежит в основе новых типов методологий, таких, например, как мультипарадигмальность в социологии (Дж. Ритцер и др.), а также создание и апробация теорий среднего уровня в контексте различных парадигм (Р. Мертон) вместо прежнего идеала всеобщей теории. Невозможность достижения этого «идеала» и, по сути, отсутствие в этом необходимости осознается сегодня как учеными, так и философами науки. В социально-гуманитарном

знании также всё более определенной становится тенденция сочетания различных когнитивных практик, их взаимодополнительность, а также «соревновательность» и взаимодействие в форме диалога и критического осмысления.

Необходимо продолжить работу с самим понятием коммуникации, различать историю его семантики и вариативность смысла, не зафиксированного однозначно в виде термина; опираться при этом можно на два центральных подхода – интеграционно-коммуникативный и медиа-коммуникативный. На первый план здесь выходят эпистемологические и конструктивистские аспекты теории коммуникаций, ее генетический аспект, средства и медиа коммуникации, которые делают возможным человеческое общение во всем его многообразии, в том числе и его когнитивные формы. Обстоятельное исследование этих проблем проведено, в частности, А.Ю. Антоновским, ведущим специалистом по данной проблематике в нашей стране, разработавшим теорию «перехода» от теории коммуникативных медиа к социальной эпистемологии и философии науки [2]. Понимание коммуникации как *интерсубъективности* и особого рода когнитивного процесса создает также возможность выхода за пределы как редукционизма, так и универсализма¹.

Очевидно, что эти исследования должны отразиться на современной эпистемологии и философии науки. Я вижу это прежде всего в том, что сегодня в целом происходит переосмысление ведущих категорий теории познания, в частности, субъекта и объекта. Следует отметить, что часто в популярных философских текстах исходят из того, что чуть ли не изначально, а не с XVII века от Декарта, в философии существовали категории субъект и объект и основанное на них учение о познании. В ряде случаев это приводит к онтологизации данных категорий, особенно в «обыденном» философском знании или в околофилософских текстах, а также в различного рода методологических пособиях за их пределами. Возникла необходимость учитывать временной контекст применения этих понятий и принимать во внимание определенное изменение содержания и характера взаимосвязи и взаимодействия субъекта и объекта в

¹ Замечу, что не только эти две базовых операции со знанием недостаточно изучены в эпистемологии социально-гуманитарного знания, но недостаточно исследуется сама природа этого типа знания.

современном познании. Иными словами, понимание этих категорий познания, в первую очередь истины и ее определений (в частности, в корреспондентской теории), а также практики, рациональности – всегда имеет *исторический*, а не абсолютный характер. Современное понимание этих категорий существенно изменилось, развиваясь вместе с культурой, наукой и самой философией. Новым стало применение понятия «неклассической эпистемологии», выявление ее «разновидностей», в частности, наряду с социальной эпистемологией как самостоятельную стали рассматривать культурно-историческую, появилось много прикладных эпистемологий, имеющих отношение к конкретным областям науки.

Сегодня различные типы эпистемологий исходят из того, что человек познающий обладает системой ценностей, представленных не только в обыденном, но и в специализированном знании, вписан в культурно-исторические и социальные отношения. Соответственно в качестве форм «конкретизации» знания субъекта сегодня рассматриваются различные формы предпосылочного знания – научной картины мира, стиля научного мышления, парадигмы, методологических и мировоззренческих принципов, а также факты присутствия неявного знания и «интегральной телесности». Как проявление конструктивности и нелинейности познания, изучаются различные виды ценностей и такие формы их включения и переосмысления, как фундаментальные операции репрезентации, интерпретации, конвенции, категоризации, редукции и др. Это, в свою очередь, позволило расширить понятие трансцендентальности, выявить ее новые формы, сформулировать проблему дальнейшего развития философии познания в целом, конкретных эпистемологий как важнейших ее составляющих, в частности.

Новый этап в развитии эпистемологии существенно приблизил ее к решению проблем конкретного научного, в частности, социального и гуманитарного знания. Так, в исторической науке в XX веке появилось направление «интеллектуальной истории», во многом опирающееся на идеи и принципы современной эпистемологии. Как показывают исследования, в том числе отечественных ученых, в середине XX века одним из первых во Франции появляется новое направление – «историческая эпистемология науки». Оно разрабатывается, в частности, Ж. Кангилемом, следующим антипозитивистским традициям, хотя и признающим значимость позитивизма в истории

научной культуры и образования. Как отмечал В.П. Визгин, особое значение для Кангилема имеет теоретическая рефлексия историка науки над своими целями и задачами, предметом и методами, то есть речь идет не о навязывании эпистемологии, но о союзе с ней. Для развития непозитивистского понимания истории науки существенны и более ранние работы К. Бернара, Э. Мейерсона и А. Койре, – таким образом, антипозитивистские эпистемологические исследования истории науки создали во Франции, как представляется, благоприятную ситуацию в становлении и развитии общей исторической эпистемологии в целом [4; 1; 16]. У отечественных представителей «интеллектуальной истории», насколько можно об этом судить, сложилась определенная традиция учиться, в частности, «эвристической мысли у французских историков», что специально отмечают исследователи со ссылкой на ее начало в трудах А.Я. Гуревича. Известно, что это один из методологических моментов, позволивших ему, как отмечает З.А. Чеканцева, которая систематически и давно исследует развитие интеллектуальной истории во Франции [15; 16 и др.], «создать оригинальный российский вариант антропологически ориентированной истории».

Отечественное направление «интеллектуальной истории» существенно обогатило как проблематику, подключив богатый материал российского историковедения, так и собственно *эпистемологию истории*, разрабатываемую не только в традиционных, но и в принципиально новых разделах. Тому пример изучение дореволюционных российских научных школ в исторической науке как форм коммуникации, выявление самостоятельных эпистемологических направлений, или «поворотов», к исследованию, в частности, феномена «образа» и его функций в историческом знании, методологии «истории понятий», мемориальный, лингвистический повороты и другие [11; 5 и др.]. Материалы этих исследований публикуются, в частности, в альманахе «Диалог со временем». Как объявлено на обложке, он «посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты»² – таковы его девиз и программа, которые принципиально обозначили направление в развитии исторической эпистемологии.

² См.: <http://roii.ru/publications/dialogue>

Не меньшее значение для развития эпистемологии гуманитарного и социального знания имеют возникшие в Германии (60-е гг. XX в.) «история понятий» (Р. Козеллек и др.) [17; 12], а также Кембриджская школа History of concepts, исследующая «лингвистическое устройство политического» – два самостоятельных направления социально-исторического исследования. Сегодня и российские историки с успехом осваивают исследование отечественной истории с помощью методов семантического анализа понятий. Об этом говорят многие статьи, начиная с работ А.И. Миллера, А.Н. Муравьева, В.А. Куренного и других о понятиях «народ» и «нация» в Европе и в России в журнале «Отечественные записки» (2012, № 1); позднее многие статьи стали базой монографических исследований на основе семантики понятий, либо «метода исторической социологии понятий» [10; 3; 13].

Новые проблемы и новые подходы к историческому знанию как одному из ведущих направлений гуманитарных наук предполагают необходимость нового осмысления понятия *истины*. Так, одна из наиболее зрелых и четко выраженных сегодня – позиция историка К.В. Хвостовой, опирающейся на базовые понятия современной неклассической эпистемологии и преодолевающей подходы предельно абстрактной гносеологии и наивного реализма. «Историк интересуется индивидуальными, неповторимыми фактами, поступками людей и результатами их социального поведения. <...> С одной стороны, подобные понятия и... концепции подразумевают события и факты, воспроизводимые на основе исторических источников, а с другой стороны, они отражают идеальные модели, обобщающие представления историка о типичных чертах изучаемых пространственно-временных тенденций... неформализованных исторических концепций, представляют собой как эмпирические, так и теоретические истины» [14, с. 28-29]. Сведения из источников в значительной степени «конструируются воображением историка», он их с необходимостью «домысливает», результат и значимость чего зависит от профессионализма историка. К.В. Хвостова настаивает, что «именно субъективизм исторических источников есть основа наличия субъективного компонента в структуре исторического знания. Историк, со своей стороны, также субъективно, заинтересованно относится к прошлому, интерпретирует, т.е. осмысливает прошедшее и

его ценности с позиций современности и в рамках соответствующих неформализованных исторических концепций» [14, с. 30].

Существенно также утверждение К.В. Хвостовой о том, что «историк имеет дело не с онтологией, то есть не с реальностью прошлого как таковой, а с феноменологией, исторической памятью, отраженной в исторических источниках», что происходит из-за влияния ценностей, интересов, общественно-политической ситуации в целом. Она ставит проблему возникновения «плюрализма исторической истины», что может быть объяснено, в частности, различиями культурологических позиций, полисемантической, существующих в мировых культурах и выводящих историка в проблемы «предпосылочного внеисточникового знания» – в проблемы герменевтики и интерпретации смыслов. Обсуждая определение истины, К.В. Хвостова справедливо отмечает, что «аристотелевское понимание истины как соответствие мысли предмету изучения, т.е. соответствие исторического высказывания данным источников, не следует рассматривать как всеобъемлющее. <...> Для характеристики исторической истины в целом имеют значение идеи конструирования и когерентности научной истины, распространенные в современной эпистемологии. Названные представления предполагают соответствие истины имеющемуся уровню научного знания, а также допускают плюрализм истин...» [14, с. 35].

Очевидно, что проблема истинности исторического знания требует дальнейшего исследования и обращения к позициям других ученых, и не только отечественных. Наибольший интерес представляет то, что сами историки – историографы, историки-теоретики думают об истине. Разумеется, их ответ на вопросы, что есть истина, как существует истина в познании истории, существенно разнятся в зависимости от эпохи, направления (концепции, парадигмы), специализации. Прежде всего очевидно, что, как и другие ученые естествоиспытатели или гуманитарии, историки испытали на себе влияние фундаментальных идей и критериев классической науки и гносеологии. Фундационистские принципы познания являются господствующими и по сей день в нашей стране, истина рассматривается с позиций теории соответствия знания и действительности, как объективная, независимая от субъекта познания, в диалектическом единстве абсолютной и относительной истины, проверяемой на основе практики как критерия истины.

Как своеобразная форма коммуникаций в науке, широко обсуждается за рубежом и в определенном виде представлен сегодня в ряде отечественных исследований новый «сетевой проект социальных наук» – акторно-сетевая теория научного знания Б. Латура, Дж. Ло и других [7; 9]. Не ставя задачу описать в полной мере особенности данного подхода, я лишь обозначу некоторые принципиальные наблюдения авторов концепции – моменты, в первую очередь предлагающие нетривиальное видение процесса исследования и в этом смысле значимые для современной эпистемологии и философии науки. В центре теории – «научная лаборатория», понимаемая как определенная модель-структура-организм, представляющая суть научной деятельности. Это базовый образ современной науки, вбирающий в себя не только виды и специфические методы, процессы исследования, но главное – определенные трактовки *природы самого метода и объекта исследования, его онтологии*. Некоторые соображения авторов по этому поводу могут, как мне представляется, позволить увидеть по-новому методы и объекты исследования. Уточняя понятие «социального», Латур подчеркивал, что это «не вещи среди других вещей, а *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными»; «социальное не та вещь, которую можно видеть или постулировать. Происходит пересборка социального» [7, с. 16, 19, 23] Как представляется, такое понимание уже присутствует в эпистемологии, однако в полной мере осознание этого факта осуществлено именно в акторно-сетевой теории.

Не менее важным (и не сразу нами осознанным) является понятие «метод-сборка», которую детально объяснил с позиций «пересборки социального», в частности, принадлежащий к этому направлению Дж. Ло, по-новому рассматривающий суть научного метода. «Метод... не набор более или менее успешных процедур, сообщающих о данной реальности. Скорее, метод перформативен. Он способствует производству реальности, явленных отсутствий, Иного, уже созданных резонансов и паттернов, и метод не может всё это игнорировать. В то же время он созидателен. Метод переделывает и повторно связывает компоненты... пересоздает реальности, порождая новые версии мира» [9, с. 293]. Это и получило название «метод-сборка». И далее Ло высказывает важную для понимания онтологии познания мысль: именно так понимаемый метод «предполагает, что внешнее неисчерпаемо, избыточно, активно, что оно – множество колеблющихся потенциальностей и в конечном счете абсолютно неопределенный поток»

[9, с. 296]. Итак, именно избранная или созданная метод-сборка «усиливает и ретранслирует некоторые из них, погружая другие в зону тишины». Постоянство, универсальность, присутствие или отсутствие свойств, отношений утверждаются (или опускаются) именно методом-сборкой. Реальность представлена нам так, как ее создает метод, но, возможно, он ограничен материально или на основе некоторых конвенциональных утверждений, либо способов репрезентации, господствующих методологических практик, а «множество практик создает множество реальностей». Очевидно, что в этом контексте метод, его возможности и значение понимаются существенно иначе, чем в традиционной методологии. Ло вводит понятие «онтологической методологии», но если «реальности создаются, то многие методологические очевидности социальных и естественных наук оказываются подорванными, и мы должны обсудить, что делать дальше. Забота об истине не будет и не должна быть устранена» [9, с. 317]³. По-видимому, мы должны учитывать эти новые, современные изменения в понимании феномена социальности, а также осмыслить в контексте современной эпистемологии понятие «метод-сборка», которая уже входит в тексты, написанные отечественными исследователями [см., напр.: 8].

В целом значимым и ведущим «мировым трендом» является сегодня направление «science and technology studies» (STS), куда входит и акторно-сетевая теория научного знания как система идей о современных социальных технологиях, а также весь спектр дисциплин социальных и гуманитарных наук, которым обучают учащихся. При этом исследуется и учитывается, как они взаимно формируют друг друга. В целом STS является одним из ведущих мировых трендов в философско-междисциплинарных исследованиях и программах обучения, что обстоятельно показано в известной монографии С. Сисмондо (Sismondo S.) [18]. Анализ и оценка этого направления постоянно осуществляются в последние годы, в частности, в отечественном журнале «Эпистемология и философия науки», а в 2016 году вышла монография редактора журнала, члена-корреспондента РАН И.Т. Касавина «Социальная философия науки и коллективная эпистемология», где обстоятельно

³ Для нас это ново, но если сегодня обратиться к лекциям, которые читает известный отечественный социолог В.С. Вахштайн, то можно выяснить, как далеко ушли Б. Латур, Дж. Ло и их последователи.

рассматриваются эти проблемы. Отмечу некоторые из них. Принципиальна сама постановка проблемы: прежде всего, автор обнаруживает явные параллели с российской традицией философии науки и науковедения с тем лишь различием, что в них «снижается технологизм, свойственный STS». Возникает своего рода дилемма: приоритеты философского видения науки в демаркации от специально-научных подходов или натурализация СТС как взгляд «поверх дисциплинарных барьеров»? Другая дилемма: формирование мировоззрения учащихся или усвоение ими технического приложения и способов технократического управления? [6, с. 57–63].

В целом можно прийти к выводу, что сегодня отечественная философия науки, а также эпистемология, заново осмысливающая категории субъекта, интерсубъективности и роли феномена коммуникации, движутся в русле не только национальной, но и мировой традиции. Трудности и проблемы вместе с тем состоят в том, чтобы новые «тренды», идеи, методы и результаты стали как можно скорее достоянием широкого круга преподавателей и студентов, а также ученых и философов страны.

Статья написана в рамках работы, поддержанной грантом РГНФ № 16-03-00826 Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания.

Литература

1. Антонова, О.А., Чеботарева, Е.Э. Философия и история науки во Франции от О. Конта до А. Койре // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 193–206.
2. Антоновский, А.Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М.: ИФ РАН, 2015. 168 с.
3. Бикбов, А.Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом ВШЭ., 2014. 432 с.
4. Визгин, В.П. Образ истории науки в трудах Жоржа Кангилема // Современные историко-научные исследования (Франция). М.: ИНИОН, 1987. С. 104–140.
5. Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. 405 с.
6. Касавин, И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь Мир, 2016. 264 с.
7. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

8. Лепский, В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: «Когито-Центр», 2015. 107 с.

9. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. под ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. 352 с.

10. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х томах. Под ред. Миллера А.И., Сдвижкова Д.А., Ширле И.М. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

11. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 561 с.

12. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / Пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

13. Тимофеев, Д.В. Методология «история понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 116–138.

14. Хвостова, К.В. Особенности истинности и объективности в историческом знании // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 27–37.

15. Чеканцева, З.А. Историческое событие и время в контексте «ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 14–27.

16. Чеканцева, З.А. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 16–30.

17. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-socialien Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek. Stuttgart: 1972-1993. Bd. 1-8.

18. Sismondo, S. An Introduction to Science and Technology Studies. Second Edition. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2010. 244 p.

References

1. Antonova, O. A., Chebotareva, E. E. Philosophy and History of Science in France by Auguste Comte to A. Koyre. (in Russ.) *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. XXXIII. No. 3. 2012. Pp. 193-206.
2. Antonovsky, A. Yu. *Communicative Philosophy of Knowledge: from the Theory of Communication Media to the Social Philosophy of Science*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, 2015. 168 p. (in Russ.)
3. Bikbov, A. T. *Grammar of Order: Historical Sociology Concepts that are Changing our Reality*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 432 p. (in Russ.)
4. Vizgin, V. P. The Image of the History of Science in the Works of Georges Canguilhem. *Modern historical and scientific studies (France)*. Moscow: INION, 1987. Pp. 104-140. (in Russ.)

5. *Historical Knowledge and Historiographic Situation at the Turn of XX – XXI Centuries*. Moscow: The Russian Academy of Sciences, The Institute of World History, 2012. 405 p. (in Russ.)

6. Kasavin, I. T. *Social Philosophy of Science and Collective Epistemology*. Moscow: Ves Mir, 2016. 264 p. (in Russ.)

7. Latour, B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (in Russ.)

8. Lepsky, V. E. *The Evolution of Ideas on the Management (Methodological and Philosophical Analysis)*. Moscow: «Kogito-Tsentr», 2015. 107 p. (in Russ.)

9. Law, J. *After Method: Mess in Social Science Research*. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar, 2015. 352 p. (in Russ.)

10. «The Concepts of Russia»: *The Historical Semantics of the Imperial Period*. In 2 vols. Ed. Miller A., Sdvizhkov D. & Shirle I. Moscow: New Literary Review, 2012. (in Russ.)

11. Repina, L. P. *Historical Science at the Turn of XX-XXI Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*. Moscow: Krug, 2011. 561 p. (in Russ.)

12. *Glossary of Key Historical Concepts: Selected Articles in 2 Vols*. Ed. Yu. Arnautov. Moscow: New Literary Review, 2014. (in Russ.)

13. Timofeev, D. V. The Methodology of the «History of Concepts» in the Context of the History of Pre-Revolutionary Russia: Prospects and Principles of Application (in Russ.) *Dialogue with Time*. Iss. 50. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World History, 2015. Pp. 116–138.

14. Khvostova, K. V. The Peculiarities of Truth and Objectivity in Historical Knowledge (in Russ.) *Voprosy filosofii*. No. 7. 2012. Pp. 27-37.

15. Chekantseva, Z. A. Historical Event and Time in the Context of the «Rhythmic Paradigm» (in Russ.) *Dialogue with Time*. No. 49. 2014. Pp. 14-27.

16. Chekantseva, Z. A. Between the Sphinx and the Phoenix: a Historic Event in the Context of the French Reflexive Turn (in Russ.) *Dialogue with Time*. No. 48. 2014. Pp. 16-30.

17. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-socialien Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek. Stuttgart: 1972-1993. Bd. 1-8.

18. Sismondo, S. *An Introduction to Science and Technology Studies*. Second Edition. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2010. 244 p.

ОБ АВТОРЕ:

Микешина Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, г. Москва, 119991, Россия. E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophy, Institute of Social Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia. E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

УДК 130.2:930.2:347.78.034

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-11-17

Числов И. М.

«МАЛЫЙ НАРОД – УДИВИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ...»

Аннотация. В статье исследуются метафизические корни сербской традиции. «Малый народ» кажется удивительным явлением. Для объяснения этого феномена за исходную позицию принимается суждение Исидоры Сикулич о том, что малый народ сербов лишь выглядит таковым, а «на самом деле является консервативной, смиренной и долготерпеливой составляющей некоего великого народа или целой расовой общности. И он осознает это <...> осознает себя как закваску и расовую сущность чего-то большого и вечно создаваемого» [7, с. 45]. С этой точки зрения анализируется ряд аспектов, касающихся языка, исторической и культурной традиции, включая проблему поэтического перевода. Автор обращает внимание на огромный интерес к национальной традиции сербов, проявляющийся со стороны русской и европейской молодежи.

Ключевые слова: Сербия; сербы; сербский язык; сербская традиция; молодежь; поэзия; проблема перевода.

Chislov I. M.

«SMALL NATION IS A STRANGE PHENOMENON...»

Abstract. The article examines the metaphysical roots of the Serbian tradition. «Small nation» seems to be a strange phenomenon. To explain this phenomenon, the author takes a starting position of Isidore Sikulich's judgment that the small Serb nation only seems to be small, however, it «is indeed a conservative, humble and long-suffering part of a greater nation or a whole racial group. And people know it <...> the nation is aware of themselves as a leaven and racial essence of something big, a nation that breeds a nation» [7, p. 45]. From this point of view the author analyzes some aspects of the language, historic and cultural traditions, including the problem of the poetry translation. The author speaks about the great interest in Serbian tradition taken by a younger generation of Russians and Europeans.

Keywords: Serbia; Serbs; the Serbian language; Serbian tradition; younger generation; poetry; the problem of translation.

В последние годы огромный эмоциональный интерес российского общества к сербской теме начинает отчасти спадать, отчасти же – трансформироваться в некое «объективное» отношение, с попыткой беспристрастного научного (что само по себе похвально) анализа и современного подхода к актуальным вопросам славянского единства и векового братства. Данная тенденция одновременно и радует, и настораживает. Попытаемся же разобраться, что является стержневой составляющей сербской национальной традиции, и выяснить, почему она и по сей день обладает столь притягательной силой для русского человека, в том числе для юного поколения, представители которого с особой радостью участвуют в русско-сербских культурных мероприятиях.

Так, в частности, в 2015 году торжественно отметил свой пятилетний юбилей поэтический конкурс «Сербия в сердце моем...», регулярно проходивший в последние годы в Посольстве Сербии в Москве. Размышляя о пройденном пути и подводя некоторые итоги, организаторы с удовлетворением констатировали, что полностью

достигли своей цели: «пробудили у русских школьников и студентов живой, неподдельный интерес к культуре братского славянского народа, а значит, не просто приблизили сербскую литературу к юному читателю, но и сделали ее частью его духовного и душевного мира. Причем произошло это самым естественным образом, при горячем отклике и искреннем сопереживании молодых участников большого и серьезного проекта, который буквально с первых же дней вышел далеко за рамки славянских отделений специализированных столичных вузов и нескольких московских школ с программным изучением сербского языка». Было подчеркнуто, что «дети и их наставники приезжают на праздник сербской поэзии даже из других городов, в том числе и из тех русских земель, что находятся сегодня за пределами российской государственной территории» [12, с. 3]. С другой стороны, среди молодых выступающих можно было увидеть старшекурсников МГУ и СПбГУ, аспирантов и преподавателей, возглавлявших студенческие коллективы. Все это заставляет задуматься о причинах несомненного успеха,

пристальнее всмотреться в образ славянской Сербии, сформировавшийся в последние десятилетия у наших соотечественников.

Уже в 90-е годы прошлого столетия слова *сербы* и *Сербия* стали для многих людей в России символом жестокой боли и страданий ближнего – и в то же время – удивительной стойкости и мужества, катастрофически недостающего, если говорить словами святителя Николая Сербского, современному человеку. После крушения коммунистической системы в нашей стране эхо от падения советского колосса прокатилось по всему миру. Но с особой силой отозвалось на древней земле европейского континента. Грандиозные перемены, произошедшие в Восточной Европе, привели к повсеместному слову, разброду и смятению. И одновременно, в горниле разрушений, при тотальном крахе прежнего порядка вещей, еще недавно казавшегося незыблемым, ясно обозначились контуры *исконного* и действительно вечного. Раньше других славянских и европейских народов это увидели и поняли наши православные братья – сербы.

Сейчас мы и сами начали, наконец, осознавать суть происходящего. Страшные события на Украине заставили нас пересмотреть многие недавние штампы «перестроечной» демократии и задуматься не просто о национальных интересах, но и о сохранении самого естества нашего. Последнее, естественно, невозможно без бережного и уважительного отношения к собственной истории и культурно-исторической самоидентификации, частью которой является родовое славянское и индоевропейское наследие, равно как и духовные и кровные связи в рамках сей широкой человеческой общности.

Сербы – самый западный из православных славянских народов. И не только географически удалены они от нас. Начиная с 1917 года обычный русский человек у себя на родине практически ничего не знал о них (хотя во времена Пушкина и славянофилов, например, ситуация была совсем иная). На протяжении многих десятилетий мы говорили почти исключительно о Югославии и югославах, тогда как сербы даже СССР называли Россией. В их представлении это была прежняя Держава – *удерживающий*, пусть и под богоборческим и чужеродным гнетом. Именно так воспринимал нашу Родину в годы Второй мировой войны святитель Николай Сербский, еще ранее предрекавший русскому народу «огненные

испытания», из коих он выйдет «более светлым, могучим и славным» [11, с. 42; 9, с. 150].

Социалистическая Югославия не входила в единый социалистический лагерь. С точки зрения рядового советского обывателя, она была скорее буржуазной и прозападной страной, что, казалось бы, полностью подтверждала внешняя сторона ее повседневной жизни. Отголоски того прежнего, поверхностного, восприятия с новой силой звучат сегодня на постсоветском пространстве. Демократия сознательно углубляет пропасть между единокровными и единоверными народами. И вот уже вступление России в Первую мировую войну и поддержка братской Сербии объявляется самоубийственным шагом, чуть ли не главной причиной революции и последовавшей за этим русской трагедии. Странники различных социальных и «евразийских» («суперэтнических») теорий называют анахронизмом исконные этнические связи (они же и подобные им деятели, выступая на словах за христианские ценности, «выражают обеспокоенность» по поводу «наметившегося сращивания церкви и государства»). Либерализм и «просвещенный» светский патриотизм оказываются едины в своем отношении к национальному вопросу. Некоторые такие деятели договариваются даже до того, что отказывают сербам в праве на Косово. Несостоятельность данных провокационных заявлений сегодня уже всем очевидна. Однако для полного преодоления подобных взглядов и реального «обновления сербистики» [5, с. 229] необходимо преодолеть многие ложные стереотипы, успевшие укорениться в сознании определенной части современного российского общества. В том числе и такие, что восходят еще ко временам свободного и беспрепятственного, не отягощенного идеологическими догмами русско-сербского диалога, когда некоторые заблуждения проистекали скорее из неведения, нежели от злого умысла.

Так, например, где-то со второй половины XIX века русская общественно-философская мысль стала впервые замечать в тех же балканских славянах не только не подвергаемое сомнению кровное родство, но и некую вступающую в явное противоречие со вселенским духом Православия узкую «младобуржуазность». Вспомним, как определял внешние признаки последней Константин Леонтьев в своей знаменитой работе «Византизм и славянство»: «У болгарского патриота в комнате, рядом с иконой православных Кирилла и Мефодия, обучавших болгар славянской национальной грамоте (это главное для них, а не крещение), вы видите

обыкновенно язычника царя Крума, которому подносят на мече голову православного греческого царя» [4, с. 162]. Как ни прискорбно, через призму подобного отношения нередко смотрят и на сербскую традицию. Между тем даже применительно к византийско-болгарскому противостоянию конкретного периода данный вывод, как нам кажется, будет не совсем правомочен¹. И уж тем более необоснованным выглядит, на наш взгляд, заключение о некоем балканском субстрате. Всем известен хрестоматийный пример «царя сербов, греков, болгар и арбанасов» Душана Сильного (1331-1355), при котором Сербия стала могущественнейшей державой в Юго-Восточной Европе. Но все ли помнят о том, как остановил свои победоносные рати на границе собственно эллинских владений беспомощной уже тогда Византии дед Душана – король Милутин, взявший лишь славянские земли в качестве приданого за греческой принцессой Симонидой, чей лик на известной фреске в Грачанице вызвал такую темную ярость в груди одичавшего албанского вандала, выцарапавшего глаза изображению? Или о том, как грезил о свободных и единых Балканах простой неграмотный гайдук Георгий Черный, достойный наследник «златокудрой и белолицей сербской властельи» [13, с. 664], подло преданный австрийским евреем на русской дипломатической службе Карлом Нессельроде – по-своему тоже «достойным» предшественником Козырева, Черномырдина и прочих наших дипломатов-«общечеловеков», чья деятельность нанесла немалый ущерб как русским национальным интересам на Балканах, так и самому имиджу России в регионе.

Опять же оговоримся, главное для нас – не противопоставить сербскую, изначально славянскую аристократию, «синеоких Неманичей», смуглым тюркским ханам (таким, как «царь» Крум и др.), заложившим основы ранней болгарской государственности. Не зафиксировать лишний раз ущербность албанской «традиции», коя зиждется в первую очередь на отступничестве – и от христианской веры, и от своих же собственных, исконно европейских и иллирийских, как они утверждают, истоков – ради стяжания призрачных сиюминутных выгод, оборачивающихся в итоге адскими путями,

которые лишь крепнут от судорожной ненависти к народам, не осквернившим себя грехом коллективного предательства. (Эти моменты почему-то упускает из виду Леонтьев, верно замечающий, что «начало истории кладет всегда неизгладимую печать на всю дальнейшую роль народа; и черта, по-видимому, не важная, не резкая вначале, разрастаясь, мало-помалу принимает с течением времени все более и более грозный вид» [4, с. 163]). Мы хотим просто напомнить, что сербская традиция была всегда теснейшим образом связана как раз с «византизмом» как основой всей духовной и державной жизни этого крупнейшего южнославянского народа, чьи правители в эпоху наивысшего расцвета сербского средневекового государства сознательно принимали на себя соответствующие титулы, возлагая на рамена почетное и нелегкое бремя. Душан Сильный был именно «государем сербов, греков и болгар» и именно в этом качестве вошел в балканскую и мировую историю. Болгарская держава Симеона и Самуила, существовавшая несколькими столетиями раньше, не уступала по своим размерам Душановой Сербии, однако, несмотря на входившие в ее состав сербские и иные земли, она была «болгарским царством» – и только. Ибо не вдохновлялась имперской, царской идеей, но, наоборот, укреплялась во многом за счет сознательного (или подсознательного) противостояния ей. Душан же стремился возродить Византию – Второй Рим, и его с радостью встречали прежде всего сами греки, уставшие от собственных склочных претендентов, приводивших на землю православной Эллады бесчисленных иноверцев и даже азиатов-турок в качестве союзников в борьбе за власть. Ведь что такое Царство? Подлинное царство в его традиционном понимании, как мы все хорошо знаем, всегда есть заветное отражение, далекий отблеск желанного Царствия Небесного. Оно служит в первую очередь вневременным и наднациональным целям, освященным свыше, исполняет на земле роль *удерживающего* (2 Фес. 2.7).

Не племенным, не узко государственным интересам служили сербские правители, но каждый раз стремились воплотить в несовершенном земном устроении недостижимый небесный идеал. Свидетельство тому тысячи монастырей и храмов по всем Балканам («Где задушбины соседних народов и правителей на сербской земле?» — спрашивает святитель Николай Сербский, и продолжает: «И хотя болгары предъявляют права на Македонию и

¹ Язычник Крум действительно повелел сделать чашу из черепа византийского императора Никифора Арапа. Однако сей последний был вовсе не «православным греческим царем», а узурпатором ближневосточного происхождения и притеснителем церкви.

Фракию, нигде в этих землях мы не увидим ни одной задушбины болгарских правителей, тогда как греческая Фессалия и все окрестности болгарской столицы украшены святынями, воздвигнутыми сербами-ктиторами» [6, с. 64]). Вселенский настрой и космическая гармония сербской души, что сродни древней гармонии сербской речи, сохраняющей праславянскую и протоевропейскую мелодику, полностью или частично утраченную другими славянскими языками (современный сербский язык, обладающий четырьмя типами ударения, в просодическом плане признается многими лингвистами «древнее» древнегреческого – И. Ч.)... Историческая роль Сербии уже в новое время, связанная прежде всего с высокой жертвенностью, отпечаток которой невольно несло на себе даже сербское югославянство... Всё это позволяет нам с полным правом говорить о сербах как о подлинно державном народе. Враг, кстати, также ясно понимает сие. Показательно заявление, сделанное в роковом и судьбоносном 1999 году американским представителем в ОБСЕ: «То, что происходит сейчас на Косове и вообще в бывшей Югославии, это вовсе даже не конфликт сербов с албанцами или иными их соседями, но столкновение Уолл-Стрит с Византией»².

«Малый народ – удивительное явление. Иногда он вовсе даже и не малый. Просто кажется таковым. Тогда как на самом деле является консервативной, смиренной и долготерпеливой составляющей некоего великого народа или целой расовой общности. И он осознает это, <...> осознает себя как *закваску* (выделено нами – И. Ч.) и расовую сущность чего-то большого и вечно созидаемого» [7, с. 45], – в этих словах ученицы святителя Николая Сербского, образованнейшей сербской женщины XX столетия, Исидоры Секулич, заключена, на наш взгляд, самая суть понятий *сербство* и *сербскость*. «Через борьбу личную, национальную, расовую, природную мы приподнимаемся над грехом и смертью»³, – писал сам Святитель. Малая балканская родина была для великого апостола Европы и Славянства краеугольным камнем явственно ощущаемого древнего единства, обретшего свой подлинный смысл во Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Сербию часто называют сердцем Балкан. Есть, безусловно, определенный чисто географический символизм в самом ее срединном, доминирующем

положении в регионе. Здесь сходятся главные водные артерии: Тиса, Морава, Сава. Драва впадает в Дунай в его среднем течении, а Дрина – в Саву. Здесь пролегли важнейшие транспортные пути в Центральную Европу, как когда-то проходили древние римские дороги, связующие части единой необъятной Империи. Есть символизм и метагеографический – символизм исторического и сакрального пространства. Там, где расположен сегодня полумиллионный сербский город Ниш, на пересечении древних путей, в граде-крепости Наиссусе, родился император Константин Великий – повелитель Первого и основатель Второго Рима (а на крайнем западе, на территории современного государства Хорватии, будет чуть позднее воздвигнут на самом берегу Адриатического моря роскошный уединенный дворец, где в постоянном страхе и ожидании возмездия станет доживать последние дни жестокий гонитель христиан Диоклетиан, проклятый царь *Дуклянин* сербских легенд и преданий, которого – с подачи заокеанских покровителей – уже давно стараются реанимировать и реабилитировать в новое время как либеральные слависты, так и политики-сепаратисты).

Белград – не единственный *Белый город* на сербской земле. Белым Скадаром называли когда-то албанский Шкодер, который на самом деле был славянским. Был свой белый город и в Приморье: далматинский Белград, Белград-на-Море. Были и другие. Но самым известным всегда оставался тот первый и главный Белград на Дунае, коему в XV веке суждено было стать столицей Сербии.

Синеокий богатырь Дунай фигурирует в древнерусских былинах. Имя этой великой славянской реки, более полноводной и могучей, чем германский Рейн, хорошо известно у нас, хотя она и не течет по Русской равнине. Крупнейший современный ученый-славист Олег Николаевич Трубачев (1930-2002), в чьих трудах убедительно доказывается исконность славянского присутствия на древней земле Европы – общей родины всех индоевропейских народов, считал, что речь идет об *этнической памяти*: «Степень интимности образов и мотивов Дуная, характерная для русских народных песен, едва ли вообще сравнима с чем-нибудь аналогичным и едва ли объяснима чужим заимствованием. Достаточно полистать собрание народных песен П.В. Киреевского, где на Дунай ходят по воду, в нем мочат холсты, почтительно величают его на чисто русский манер „по батюшке» Дунай, сын Иванович, более того – смешивают его в своих представлениях с Доном („За Доном, за Доном, за тихим Дунаем», „С Дону, с Дону... с-за

² Светигора, бр. 83, 1999, с. 27.

³<https://srpskapravoslavnacrkvalion.files.wordpress.com/2014/12/iznad-greha-i-smrti-nikolaj-velimirovic.pdf>

Дунаю!»»)» [10, с. 11]. Среднедунайская теория прародины славян академика Трубачева удивительно промыслительным образом согласуется со свидетельством Нестора Летописца («сели суть Словени по Дунаеви») и лишней раз подтверждает неслучайность многих древне-современных параллелей. О.Н. Трубачев хорошо знал и по-настоящему любил Сербию. Не в последнюю очередь потому, что явственно видел в сербах ту старинную основу национальной славянской жизни, коей так недостает сегодня всем нам.

В самом сербском имени (ср. лат. *servare* «охранять», «спасать», «сберегать» и др.) заключено это значение крайнего славянского форпоста, ставшего с веками западным рубежом Православия. Не зря лужицкими сербами, «сорбами» до сих пор именуют самых западных уроженцев славянского мира, проживающих ныне на территории Германии. Впрочем, сербство, как мы уже отметили, есть не просто синоним широкого распространения и порубежья. Сербство – это «закваска», концентрированное выражение славянской этнической памяти, сведение воедино, казалось бы, навеки разобщенного и разъединенного. И не только славянского.

«Над Льештанским, с Ливаницы, / словно туча грозовая, / сквозь зеницы певчей птицы / смотрит Босния седая», – скажет современный поэт Милосав Тешич (р. 1947). Здесь, среди скал, переходящих в лесистые горы, теряющиеся за горизонтом, струится по острым камням, бурлит, ныряет в ущелья и вновь вырывается на голый простор стремительная, пенная Дрина. Как и на Дунае, многие ее теснины могли бы быть названы Железными Воротами. Дрина, река-рубеж, некогда граница между Восточной и Западной Римской империей, стала исторической границей между Востоком и Западом.

Для традиционного русского сознания Восток и Запад, как правило, являются взаимоисключающими понятиями. Святая Русь, подножие Престола Господня, в принципе, и не нуждается в географической локализации. Но серб всегда осознавал себя частью Европы. «Шрамы кровных разрывов» прошли по его живому телу. И хотя он, не колеблясь, сделал правильный выбор, беспощадно отсекая пораженные грехом члены (Мф. 18. 8-9), дерзновение и надежда подсказывали ему, что не всё еще потеряно и для его единокровных падших братьев, еще способных очнуться на краю пропасти и отомкнуть железные ворота покаянной молитвой. «У Христа Спасителя было изначально две дочери, – пишет святитель Николай Сербский, – Азия и Европа. Азия представляла собой старшую дочь, а Европа младшую. И

сильно возлюбил Христос младшую дочь Свою, и младшая дочь любила Христа и тысячу лет жила с Ним, не помышляя о разделе» [1, с. 145]. Неужели безумные столетия отчуждения навсегда перечеркнули ту прежнюю органическую жизнь европейского человека, спрашивают святитель Николай и преподобный Иустин – и выражают надежду, что примет еще Европа истинное крещение и обратится ко Христу, «и отпадет чешуя с очей ее» [1, с. 112]. Да и кто такие славяне, русские, сербы, если не европейцы? Конечно, по большому счету, человеческая история есть процесс апостасийный. И все же исконные связи не рвутся в одночасье. Тем более не рвут их в минуту разора и великих испытаний. Когда-то Н.Я. Данилевский противопоставлял Россию и Славянство Европе. И был прав. Ведь тогда речь шла о цивилизации. Об укладе и державном пространстве, сократившемся сегодня до сгустка крови, до вспышки памяти о единой некогда вере и судьбе, с особой ясностью постигаемой в час утраты.

«От Индии праотцы сербские восприняли множество слов, древнеиндийских и санскритских. Но еще важнее этого – вера в судьбу... Глубочайшая вера сербского народа есть вера в судьбу. Не в слепую судьбу, но в судьбу промыслительную, плановую и праведную», – пишет владыка Николай (Велимирович) в своей работе «Сербский Народ как Раб Божий», – «...История сербов – вся трагична. Путь сербского народа ведет по опасной крутизне над бездной. Если бы сербы смотрели вниз, в пропасть, над которой грядут, они устрашились бы и скоро упали и пропали. Но они глядели ввысь, в небо, на судьбоподателя Бога, с верою в Него <...> поэтому они смогли преодолеть путь по отвесным скалам, какими ни один народ белой расы доселе не проходил» [6, с. 8, 90-92]. Европейский (и индоевропейский) выбор сербского народа, по мнению величайшего сербского мыслителя XX века, не есть выбор человеческий. Се есть судьба, «промыслительная, плановая и праведная». Царский путь...

С учетом этого выбора по-иному воспринимается и непокорная бурливая Дрина, и Динарский хребет, отделяющий лазурную Адриатику от суровой Боснии. Величайший сербский поэт XX столетия Йован Дучич (1876-1943), чей прах уже в наше время был перенесен на родину и погребен в стенах храма в Новой Грачанице (Требинье), сам уроженец славной Герцеговины и королевский дипломат, видел в них символ не разъединяющего, но связующего и укрепляющего начала:

*И Дрина, навсегда связавшая два берега,
Как два предсердия в груди одной,*

*Два ангельских крыла, как два побега
Из корня одного молитвы неземной.*

Связуя сегодня собственно Сербию и героическую Республику Сербскую – первое православное государство в новейшей истории Европы (в не обозначенной на политических картах мира, но при этом реально существующей полуторамиллионной Республике Сербской, в два раза превышающей по территории Черногорию, Православие официально является государственной религией, а Закон Божий – обязательным школьным предметом – И.Ч.), расположенное к западу от древней «границы цивилизаций», – Дрина питает всю кровеносную систему Балкан, в чьей груди мерно бьется сербское сердце, посылая свои импульсы сквозь пространство и время как ближним, так и далеким частям некогда единого целого.

Подобно тому как сербская традиция всю сербскую историю рассматривает через призму Косовской жертвы и Косовского завета («Главное, чтобы Косово не исчезло в сербском сознании, – сказал мне однажды один сербский епископ, – в этом случае вернуть его с Божией помощью не составит большого труда»), так и мы, говоря о сербском вопросе, должны постоянно иметь в виду это архетипическое присутствие великого в малом, которое, благодаря не разорванным до конца исконным связям, в какой-то момент само становится великим. «Закваска» и «расовая сущность», духовные основы жизни и вера народная вновь созидают древнее единство – в противовес и вопреки тленному, «общечеловеческому» и «вавилонскому» искусственному объединению, будь то бывшая интернациональная теократия римских пап, просвещенческая либеральная демократия или сегодняшний «глобализм».

Заставит ли сербский пример очнуться тех европейцев, что еще способны преодолеть гипноз «современного мира» и увидеть в балканских славянах – сквозь мутную пелену собственного сытого (но призрачного) благополучия – свою былую свободу? Как бы то ни было, Сербия в нашем понимании не просто мост между европейским Востоком и Западом, но одновременно и мост между нашим общим прошлым и настоящим, а возможно – и мост в будущее. Во всяком случае, когда сербы смело и честно заявили о своем неотъемлемом праве жить по собственным законам, многие русские люди увидели в этом пример для себя. Особенно – молодежь, впервые, быть может, столкнувшись с подобным проявлением национального достоинства. (Любопытно, что в то же самое время на Западе, в Германии, в разгар так называемого балканского кризиса, школьники

младших классов с наивным простодушием заявляли во время телеанкеты, что хотят «стать сербами, когда вырастут», «потому что сербы никогда не лгут и никого не боятся» [3, с. 74]).

Сей героический архетип не утратившего исторической памяти народа в значительной мере отражает и современная сербская культура. Последнее необходимо учитывать и отечественным славистам и сербистам, зачастую подходящим к сербам с «общими» мерками и упорно не замечающим их национального естества за «эмансипированным» югославянством, которое на поверку оказывается фикцией. Перед глазами у нас вопиющий пример беспомощности отечественной сербистики, до сих пор не определившейся даже с лингвистической терминологией (сербский язык, сербскохорватский или «какой-то еще, а может, даже и не один»). А ведь давным-давно опубликована «Декларация о сербском языке» (1998)⁴, ставшая достойным филологическим, культурологическим и правовым ответом на вызовы псевдонаучной агрессии, подпитываемой давними ненавистниками славянской и европейской цивилизации. Автор этих строк еще десять лет назад предупреждал о том, что наши «югослависты», не способные видеть дальше переводных инструкций титоистского пропагандистского аппарата, активно действующего, к сожалению, и после смерти Тито, «уже сейчас готовы признать право на существование за «боснийским языком», а в перспективе – и за «черногорским»» [8, с. 20]. В скором времени это и произошло. И происходит до сих пор, принимая порой анекдотические формы, когда о сербской языковой ситуации берутся судить люди, не способные даже толком читать по-сербски. Еще более плачевная ситуация складывается в области художественного перевода, особенно – перевода поэтического. Когда-то, еще в советские времена, переводы сербской поэзии – в целях пресечения «реакционной славящины» – были отданы на откуп ремесленникам, практически не знавшим языка и творчества авторов, которых они «переводили», глядя на это дело, прежде всего, как на удобную кормушку. А потому не утруждали себя постижением идейно-эстетического смысла конкретных произведений, не стремились вникнуть в поэтику славянской традиции, о коей с восхищением отзывались Гёте и Якоб Гримм, Пушкин и Мицкевич.

Есть в сербском языке такое слово и понятие – *понорница*. Река, скитающаяся среди скалистых

⁴ Слово о српском језику. Фонд истине о Србима. Београд, 1998. 73 с.

теснин, уходящая под землю – под гнетом каменных громад, но потом снова вырывающаяся на поверхность. Иногда десятки километров течет она в толще горной породы и кажется, что никогда уже не пробиться ей к древнему солнцу, не увидеть ярко-синее, как глаза славянских детей, балканское небо.

Кому-то, безусловно, хотелось бы, чтобы славянская родовая память никогда не вырвалась из-под спуда условностей века сего. Однако времена меняются. Сербские «глубины праотцовства» (выражение крупнейшего современного поэта Мати Бечковича) влекут к себе новое поколение исследователей и читателей, лучшим подтверждением чему служат массовые манифестации, подобные поэтическому конкурсу, о котором речь шла в самом начале настоящей статьи. «Мой сербский народ, по своему устройению духа и идеалам, есть величайший христианин меж народами, – с гордостью писал уже цитированный нами Йован Дучич, – прежде всего, он более, чем кто-либо, обожествил героизм и мученичество, один идеал – греческий, а другой – арийский, и оба – воплощенные в Христе...» [2, с. 80]. Традиции сербской классической литературы, всегда органически сочетавшей в себе православную духовность и славянское смиренномудрие с европейским волевым порывом и деятельным началом, оказались близки и понятны русским людям в XXI веке. Тем из них, кто неравнодушен к судьбе собственной Родины и славянства в целом.

Литература

1. Владика Николај Велимировић. Српском народу кроз тамнички прозор. Цетиње, 1996. 253 с.
2. Дучић, Ј. Највећа фигура дванаестог века // Венац Светога Саве. Библиотека „Глас Цркве“. Посебна издања, књига VII. Шабац, 1988. С. 80-81.
3. Kalajić Dragoš. Američko zlo (2). Ogledi 1993-1998. Beograd: IKP „Nikola Pašić“, 1998. 298 с.
4. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007. С. 127-237.
5. Милосављевић, П. Српско питање и србистика. Бачка Паланка, Ваљево: Књиготворница Логос, 2007. 250 с.
6. Св. Николай Сербский. Сербский Народ как Раб Божий / Пред. и пер. с серб. И. Числова. М.: Паломник, 2004. 143 с.
7. Sekulić, I. Balkan. Beograd, 2005. 82 с.
8. Српско питање и србистика. Реферати и саопштења. Зборник радова 1. Приредили П. Милосављевић, М. Суботић. Бачка Паланка, Ваљево: Књиготворница Логос, 2007. 530 с.
9. Творения святителя Николая Сербского (Велимировича) / Под общ. ред. И.М. Числова. Т. X. Миссионерские письма. М.: Паломник, 2012. 541 с.
10. Трубочев, О.Н. Slavica Danubiana Continuata. Продолжение разысканий о древних славянах на Дунае. Сербский лексикограф. Белград, 1996. 38 с.

11. Числов, И.М. Апостол Европы и Славянства. Вступительная статья. // Творения святителя Николая Сербского (Велимировича) / Под общ. ред. И.М. Числова. Т. I. Библиейские темы. М.: Паломник, 2005. С. 5–50

12. Числов, И.М., Бондаренко, Н.А. Сербия в сердце моем... Юбилейный выпуск к пятилетней годовщине конкурса сербской поэзии и песни. М.: Паломник, 2015. 32 с.

13. Ђоровић, В. Историја Срба. Подгорица: Октоих: Нова књига; Ријека: Леокомерц, 2005 (Нови Сад: Артпринт). 924 с.

References

1. Bishop Nikolaj Velimirović. *The Serbian People Through the Prison Window*. Cetinje, 1996. 253 p. (in Serb.)
2. Ducic, J. The highest figure of the twelfth century. *The Crown of Saint Sava*. Special editions, Book VII. Sabac, 1988. Pp. 80-81. (in Serb.)
3. Kalajić, D. *American Evil (2). Hits 1993-1998*. Belgrade: IKP «Nikola Pasic», 1998. 298 p. (in Serb.)
4. Leontiev, K. N. Byzantium and the Slavs. *East, Russia and the Slavs*. Moscow: Eksmo, 2007. Pp. 127-237. (in Russ.)
5. Milosavljević, P. *Serbian Question and Serbistics*. Backa Palanka, Valjevo: Logos, 2007. 250 p. (in Serb.)
6. St. Nicholas of Serbia. *Serbian People as Servants of God*. Transl. I. Chislov. Moscow: Palomnik, 2004. 143 p. (in Russ.)
7. Sekulić, I. *Balkan*. Beograd, 2005. 82 p. (in Serb.)
8. *Serbian Question and Serbistics*. The papers and press releases. Collection 1. Ed. by P. Milosavljević and M. Subotić. Backa Palanka, Valjevo: Logos, 2007. 530 p. (in Serb.)
9. *Proceedings of St. Nicholas Serbian (Velimirovic)*. Ed. I. M. Chislov. Vol. X. Missionary Letters. Moscow: Palomnik, 2012. 541 p. (in Russ.)
10. Trubachev, O. N. *Slavica Danubiana Continuata. Continuation of Researches about the Ancient Slavs on the Danube. Serbian Lexicographer*. Belgrade, 1996. 38 p. (in Russ.)
11. Chislov, I. M. Apostle of Europe and Slavdom. *Proceedings of St. Nicholas Serbian (Velimirovic)*. Ed. I.M. Chislov. Vol. I. Biblical Themes. Moscow: Palomnik, 2005. Pp. 5-50. (in Russ.)
12. Chislov, I. M. and Bondarenko, N. A. *Serbia in My Heart ... The Jubilee Edition for The Fifth Anniversary of the Competition of the Serbian Poetry and Songs*. Moscow: Palomnik, 2015. 32 p. (in Russ.)
13. Corovic, V. *History of the Serbs*. Podgorica: Oktoih: New book; Rijeka: Leokomerc, 2005 (Novi Sad: Artprint). 924 p. (in Serb.)

ОБ АВТОРЕ:

Числов Илья Михайлович, кандидат филологических наук, председатель Общества Русско-Сербской дружбы, член Союза писателей России и Союза писателей Сербии. E-mail: i.chislov@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ilya M. Chislov, PhD in Philology, Chairman of the Society of Serbian-Russian Friendship, a member of the Russian Union of Writers and the Union of Writers of Serbia. E-mail: i.chislov@bk.ru

УДК 821.163.41

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-18-24

Дамьянов С. Б.

**СЕРБСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОЙНЫ: ОТ СВЯТОГО САВВЫ
ДО ПОСТМОДЕРНА**

Государственный университет в городе Нови-Сад, ул. Д-ра Зорана Джинджича, д. 2, 21000, г. Нови Сад, Республика Сербия. E-mail: koderdam@nscable.net

Аннотация. Реализация всех крупных новаций в сербской литературе начиная со средневековых (в эпоху династии Неманичей) до тех, которые пришлись на конец XX века (эпоха постмодерна), представляла собой своеобразную борьбу против старых культурных образцов. Такая борьба носила характер полемики и, хотя иногда в ней присутствовала идея определенной преемственности поколений, в отдельные периоды была поистине «военной» и тяготела к полному отрицанию всех явлений, имевших место до нее или вне ее самой. Основную идею данной работы лучше всего иллюстрирует сам факт того, что, исходя из того, что в литературе не бывает *действительно* выигранных «битв», то есть что тут все победы имеют скорее функциональный характер (как и природа самого языка искусства), в текущем контексте термин «война» мы ставим в кавычки.

Ключевые слова: история сербской литературы; культурные образцы; литературные полемики.

Damjyanov S. B.

**SERBIAN LITERARY WARFARE FROM SAINT SAVA
TO POSTMODERN**

University of Novi Sad, 2 Dr Zorana Đinđića, Novi Sad, 21000, Republic of Serbia. E-mail: koderdam@nscable.net

Abstract. The implementation of all major renovations in Serbian literature, beginning with the medieval time (at the time of Nemanjić), up to those taking place at the end of the XX century (in postmodernity), was a kind of struggle against the existing cultural patterns. This struggle represented a kind of dispute and, although it sometimes possessed an idea of certain continuity of generations, in certain periods this dispute became «militant» and was prone to a total rejection of all previous and extraneous phenomena. The main idea of this work is better illustrated by the fact that literature cannot concentrate on winning battles, in other words, all victories in literature are more of a functional character (as the nature of the language of art), thus, in the current context, we place the term «war» between quotation marks.

Keywords: history of Serbian literature; cultural patterns; literary polemics.

Идея культурных войн, ясно выраженная посредством приведенной нами выше синтагмы, присутствует в западной общественной мысли уже более века в разных ее вариациях, но всегда с одинаковым сущностным значением: столкновение разных культурных моделей, или в широком смысле цивилизаций, связанное со стремлением самоутверждения одной из них в качестве доминирующей [1]. Литературные конфликты как часть данной парадигмы являются неизбежным явлением в процессе кристаллизации, а затем и канонизации новых ценностей, поэтому они никогда не носят исключительно художественно-эстетический (или в еще более узком смысле – поэтический) характер. В зависимости от того, какой общественно-цивилизационный код возобладает

в конкретном случае и в конкретный период времени, чаще всего складывается мнение потомков относительно его «чистоты», «идеологии» и т. д.: конечно, необходимо помнить, что применительно к данной теме все эти понятия весьма абстрактны, поэтому они и даны в кавычках. В тех случаях, когда этот код очевиден и ярко выражен, не сложно определить истоки и истинный контекст определенного «литературного конфликта»; если же это не так, то довольно долго может казаться, что дело касалось лишь сугубо творческого и литературного сведения счетов восставших окраин и господствующего центра (как сказали бы представители школы формализма в России), то есть что борьба ведется преимущественно вокруг утверждения неких новых

художественных и литературных концепций в целях вытеснения старых образцов в музей истории, где им и место.

Первая большая литературная война, которую помнит история сербской культуры, была начата династией Неманичей, и ее вполне обоснованно связывают с самой значительной личностью, задействованной в этом процессе, – со святым Саввой. Действительно, слово *помнит* в предыдущем предложении лучше всего говорит о природе битвы, которую вели Неманичи во главе со святым Саввой; результатом ее стало то, что сегодня почти ничего не известно о сербском творчестве до прихода к власти Неманичей (не только в сфере искусства, но и в области духовной деятельности в целом), а оно несомненно имело место, ведь сербы прошли этап родоплеменной организации общества и создали государство (даже королевство) намного раньше начала владычества этой самой славной сербской династии. Таким образом, литературная война, которая прихлала на конец XII и начало XIII века, представляла собой не только становление новой редакции сербскославянского языка в качестве (официального) богослужебного и литературного феномена, но и уничтожение предшествующей традиции или традиций; неважно, относилась ли она к языческим, альтернативно-христианским (например, богомилским) или православным движениям в период власти других династий. Можно сказать, что уже тогда была создана парадигма, которой сербская культура будет в максимально возможной степени следовать и в будущем, – парадигма, которую мы могли бы художественно выразить изречением *историю пишут победители*, парадигма ревизии истории современниками. Интересно и весьма характерно, что в эпоху Неманичей народная литература также находится вне официальной культурной системы, и это продолжается вплоть до начала деятельности Вука Стефановича Караджича, когда она, может быть, именно в силу исторических причин (своего рода обратный эффект), переживает преувеличенную ценностную и всевозможную иную абсолютизацию.

Очевидно, что святой Савва (в миру Растко Неманич) руководствовался державно-созидательными мотивами во время борьбы за автокефальность сербской православной церкви, а также за книги, которые были бы свидетельствами этой автокефальности, будучи написаны в сербской редакции старославянского, и главные их герои – это, в основном, личности из сербской политической истории (эпохи династии Неманичей) или связанные с сербскими

территориями святители. С другой стороны, подобная реформа языка позволила сделать религиозную мысль близкой не только элите, но и широким слоям населения, поскольку была действительно направлена на «осовременивание» старого (периода Кирилла и Мефодия) литературного языка на основе народного наречия того времени. Благодаря проработанности, бескомпромиссности и эффективности литературной войны святого Саввы, как и борьбы, которую его владетельная семья вела против разных «ересей», сербам в наследство осталась прекрасная средневековая литературная традиция, но также и неясные догадки о традиции, которая наверняка существовала до нее, той, чье наследие последующие поколения реконструировали с большим трудом и в основном опосредованно. В то же время в ходе данного процесса сербская культура установила глубокие и устойчивые связи с византийским цивилизационным окружением, что сделало ее частью самых прогрессивных европейских течений эпохи, лелеявших античную традицию, благодаря которым в Средиземноморье и Западной Европе в конце средних веков зародился и распространился Гуманизм и Ренессанс.

В любом случае остается открытым вопрос об истинном лице сербской литературы до XII века, причем не только той, что была написана в духе христианской культурной системы, но и устной (народной), которая в гораздо большей степени вобрала в себя и сохранила аутентичные дохристианские корни; в конце концов, дефицит относящихся к данному вопросу ранних сербских текстов, тематически или каким-то другим образом связанных с язычеством, не означает, что в тот период их не существовало! Византийские источники (самые достоверные из них – документы царя Константина VII Порфирогенита), в которых уже в конце IX века упоминается «крещеная Сербия» [8, с. 152], не дают определенных свидетельств о ее культурной и литературной жизни (что, возможно объясняется миссионерской идеологией, которую как раз в это время Кирилл и Мефодий укореняли среди славян), хотя такая жизнь должна была присутствовать хотя бы в меру, обусловленную самим христианством (а мера эта была весьма существенной). Также более чем ясно, что настолько эффективное литературное (и не только литературное) *обновление*, которое проводили Неманичи, а с конца XII века – настоящая «литературная (и культурная) война» – не были бы возможны, если бы в предыдущем периоде христианский цивилизационный код не

проник так глубоко в сербское национальное существо; подобно этому, и византийская буквенная система в то время никоим образом не могла бы так прочно соединиться с существующим наследием – неважно, посредством ли продуктивного синтеза или посредством конфликтной («военной») парадигмы. В подтверждение данному тезису еще раз озвучим факт, что после святого Саввы именно народное (устное) литературное творчество было нежелательно и маргинализировалось всеми возможными способами. Скорее всего, это происходило именно потому, что в ранних веках такое творчество имело большее влияние и большую популярность по сравнению с так называемым церковным (то есть письменным, основанным преимущественно на восточно-христианском каноне, который станет существенной чертой всего сербского средневековья) [2, с. 32-51].

И хотя сегодня не представляется возможным рассмотреть свидетельства другой стороны, потерпевшей поражение (или нескольких потерпевших поражение сторон), все же некоторую информацию о *первой сербской литературной (и культурной) войне* можно получить опосредованно, путем изучения богомильских литературных памятников, апокрифов и, в целом, через посредство скрытой и явной (озвученной) полемики, которую духовная элита эпохи Неманичей вела с инакомыслящими. В самой ранней фазе из жития самого основателя династии Стефана Неманя и его сына святого Саввы видно, что действительно суровая борьба велась с богомилами, чье духовное присутствие – как письменное, так и устное – было весьма сильно выражено в сербских землях; позднее им на смену пришли другие виды «ереси» (такие как исихазм и другие), но в тот период литературно-религиозные компании уже не имели своего первоначального жесткого характера, так как святосавский канон стал институтом и крепко укоренился в сербской культуре (переплетаясь даже с «нежелательным», народным). Масштаб реформаторского движения, которое святой Савва (Неманич) организовал в конце XII и начале XIII века, стал очевиден (как в литературном смысле, так и в более широком значении) именно в период, когда сей неприкосновенный канонический образец подвергся сильнейшему давлению при столкновении с полностью чуждой ему исламской матрицей, которую принесло с собой турецкое освоение Балкан. Сербская средневековая литературная и культурная традиция преодолели эту угрозу и даже

продолжили свое развитие (хотя оно уже скорее было анахроничным, по большей части сводившимся к переписыванию, и лишь в незначительной степени креативным) благодаря непоколебимому фундаменту, заложенному теми самыми спорными основами – идеологией, которая в «литературной войне» Неманичей носила *религиозный характер*.

Следующим серьезным (но и намного более радикальным) испытанием станет совершенно иная, нежели прежде, угроза вытеснения этих фундаментальных основ не некоей чуждой идеологией, имеющей *между тем* такой же (религиозный) код, как, например, в ситуации с расширяющимся исламом, по отношению к которому естественным образом развилась устойчивая позиция самозащиты, причем весьма успешной, принимая во внимание то, что неприятельская цивилизация также имела конфессиональную ориентацию (нужно напомнить, что Коран признает Иисуса пророком). Намного большую угрозу и намного более деструктивный процесс представляла собой секуляризация культуры и общества, которой после Великого переселения сербов подвергнутся, хотя и почти неприметно поначалу, сами ее основы. Тогда, в самом конце XVII и начале XVIII века, большая часть сербской элиты впервые окажется за пределами византийского цивилизационного круга или, по крайней мере, за пределами того круга, который в коллективной памяти идентифицировался как таковой: средневропейское и западноевропейское пространство после Возрождения уже давно имело отличные культурологические шифры, в которых религия отнюдь не была доминантой (особенно по сравнению с тем, как она доминировала в восточном христианстве). Тогда сербская литература, искусство и общество в целом удивительно быстро и качественно приспособились к новым условиям, не отказавшись при этом от преемственности с предшествующей традицией (в качестве примера мы можем привести Венцловича или первых сербских художников, работающих в стиле барокко), при этом данная традиция с течением времени все больше воспринималась как *непродуктивно-респектабельное* прошлое, которому суждено быть стертым волнами необходимого осовременивания. Йован Скерлич в начале прошлого века назовет этот процесс необходимой *модернизацией* и будет рассматривать его как интенцию, стабильно актуализированную у сербов в период от барокко и Просвещения до его времени.

Так путем диахронного анализа мы неминуемо приходим к Доситею Обрадовичу:

нельзя сказать, что он первым сделал решительный шаг в сторону секуляризации литературы и культуры (в данной области внес заметный вклад и разработал серьезную концепцию его великий предшественник Орфелин, сохранились свидетельства и о более ранних попытках в этом направлении), однако деятельность Доситея Обрадовича осталась в истории как наиболее успешная, поскольку он последовательно, даже в частной жизни, до самой своей смерти был полностью независим от церкви. Его публикой и его меценатами были представители сербского городского класса XVIII века, а его культурная идеология была сообразна потребностям и идеалам данного социального слоя. «Война», которую вел Доситей Обрадович, прежде всего была направлена против конфессиональной концепции образования, культурной идеологии и художественного творчества: вопреки основанным на стереотипах, сложившихся в научной литературе, утверждениям, устная народная традиция не была ему чужда (что мы видим на примере его поэзии), хотя, в соответствии с духом актуальной в то время *критической этнологии* просветительского движения, он имел предубеждение по отношению к некоторым аспектам данной традиции [6, с. 545-555.]. Однако проистекающее из рациональной философии Просвещения дистанцирование от феномена «народного» не сделало Доситея Обрадовича чрезмерно большим его противником; даже больше: его программа во многом подразумевала специфический *общенародный* характер – начиная от образования, затем через литературу и язык, всё, до самых глобальных реформ институтов общества. Можно даже утверждать, что «литературная война» Доситея Обрадовича (в которой его союзниками и последователями были лучшие представители той эпохи) представляла собой идеальную подготовку к грядущей и гораздо более радикальной войне Вука Караджича; несмотря ни на что, их подходы являлись «...двумя дорогами, которые к одной цели ведут...», как поэтически выразился (хотя и совсем по другому поводу) Лукиан Мушицки, с большим уважением относившийся к обоим упомянутым нами культурным реформаторам.

Вопрос о преемственности, или, вернее сказать, об отсутствии преемственности с предыдущим культурным и литературным наследием, и здесь, как злой рок, навис над программой Доситея Обрадовича, в остальном весьма прогрессивной. Подразумевало ли новаторство этой программы необходимость острого разрыва с частью того наследия, которое

уже было *историческим* и, говоря искренне, представленным фрагментарно (преимущественно в церковных кругах) – в отличие от народной культуры, которая всё еще была *живой традицией*, целостно присутствующей в сербском обществе, и не только в сельской, но и в городской среде: вспомним, например, феномен «гражданских» рукописных песенников, которые внесли весьма значительный вклад в дело сохранения песен, пословиц и т. д.? В любом случае, хотя Доситей Обрадович не руководствовался теми же самыми мотивами, что и его великий предшественник святой Савва, однако с типологической точки зрения их намерения были идентичны: дать «новое цивилизационное начало», причем один из самых знаменитых сербских просветителей это осуществил именно посредством развенчивания святосавской идеологии, противопоставляя ее поздним (относящимся к XVIII веку) течениям актуальные тогда ценности западноевропейской философии. Мы говорим: *противопоставляя и поздним* (таким образом, не актуальным для *нового* времени) течениям, так как в понимании секулярного духа культуры Доситея Обрадовича отрицаются не былые ценности, значение и смысл святосавства как доминирующего духовного кода периода Неманичей, а анахронизм в Век Разума; поэтому он и сам объявил, что реформа направлена на *развенчивание*, а не на возможное отрицание того, что воспринимается как *исторически* целесообразное.

Поскольку вся эпоха Просвещения преимущественно связана с Западной Европой, то и «литературную войну» Доситея Обрадовича мы можем рассматривать как первую попытку *европеизировать* сербскую культуру – в том смысле, как это понимали интеллектуалы раннего модерна в начале XX века (Богдан Попович, Скерлич и другие) и их последователи в конце XX и начале XXI века. Именно тогда сформировалось противоречие, которое в Сербии остается не разрешенным и сегодня: понимание «европейского» как западного способствовало перманентной духовной провинциализации, так как маргинализировало ту старую европейскую традицию, носителем которой была Византия и которая была актуализирована «Византийским Ренессансом» (частью которого была и Сербия). С другой стороны, современный Запад свои начала берет именно оттуда (из византийской культурной сферы), о чем мы уже говорили выше и что в последние десятилетия в мировой науке является неоспоримым. Рассматривал ли Доситей Обрадович это наследие как основы западноевропейской модернизации, принимая во внимание то, что известнейшие корифеи

Просвещения (например, французские энциклопедисты) воспринимали Античность как свою прародину, и притом он и сам имел весьма важные труды в этой области [7]? Каков бы ни был *настоящий* ответ на данный вопрос, он никоим образом не является простым и однозначным (в отличие от преобладающего канонического и идеологического). Тут фактом остается то, что реформы Доситея Обрадовича являются настоящей «литературной войной» против церковной культуры, а в какой-то степени и против доминирования духа религии в целом, и в этом смысле она была уникальна и, наравне с предыдущей «литературной войной» Неманичей (святого Саввы), намного интенсивнее детерминировала литературную и цивилизационную прерывистость, чем усиливала линию сербской исключительно устойчивой приемственности в данном контексте.

Вскоре после этого Сербию потрясет новая великая *литературная война*, и здесь мы опускаем кавычки или какое-либо другое указание на использование этого термина в необычном значении, ибо такое название дали сами участники продолжавшейся в течение нескольких десятилетий борьбе идей и реформ Вука Стефановича Караджича [3]. В отличии от стереотипной и недалекой (но при этом канонизированной) точки зрения о ярко выраженной автохтонности и национальных основах деятельности Вука, они базируются на идеях ведущих культурологических движений Западной Европы того времени (как немного раньше и основы движения Доситея Обрадовича); поэтому оно также может рассматриваться как своеобразное «европеизирование» сербской литературы, но такое, которое на первый план вместо концепции ученого просветительства ставит теорию Жан-Жака Руссо и Джона Хейдера о «природной», т. е. *народной* культуре. О том, какое влияние оказали на Вука Караджича данные концепции, известно достаточно (особенно о роли словенского лингвиста Ернея Бартола Копитара в начале) [4], хотя вплоть до наших дней исследователи большее внимание уделяли именно европейской направленности его миссии – без которой не было бы самой миссии! В то же время от схожих интенций романтизма в других культурах его отделяет радикальный разрыв с традицией, который сербской литературе до крайности сузил горизонт обозрения собственного прошлого, так что наши писатели (и читатели) долгое время не воспринимали в качестве собственного наследия авторов, которые в действительности были их предшественниками и которые были создателями

романтизма периода Вука Караджича, а в какой-то мере и позднего Просвещения. Общепринятая точка зрения здесь и сегодня существенно не изменилась, кроме взглядов тех, кого отличает незаурядная эрудиция (например, Црнянского, Настасиевича или Павича в минувшем веке); вред этого очевиден, поскольку в части и частного, и коллективного литературного опыта сербская культура лишилась интенсивной связи с креативной мощью старых языковых слоев, художественных моделей и стилей, которые они сформировали. Таким образом, из-за того острого сечения, которое реформа Вука Караджича произвела в области языка и в области литературы, сербы оказались лишены целостности собственной традиции в культурном (под)сознании, что совершенно немыслимо для других народов: к примеру, любой итальянец без сомнений отнесет к своему наследию и Данте, и Петрарку, и Боккачо, и Таса, и Марина, как и романтиков, и произведения, относящиеся к народному (устному) творчеству...

С другой стороны, очевидный вклад литературной и культурной войны Вука Караджича заключается в том, что впервые *народное* у сербов получило наивысшую и актуальнейшую цивилизационную легитимность, что позволило ему в течение следующих десятилетий прочно войти в самые широкие сферы общественной жизни Сербии. Необходимо обратить внимание на тот факт, что после Вука Караджича и его последователей «вуковцев», которые, используя алиби филологической критики, радикализировали идеи своего учителя, феномен народного к концу XIX века приобретает смысл намного шире литературного и художественного и становится в большей степени идеологическим (даже в политическом смысле данного понятия), что продлится вплоть до новейшего времени [5]. Возможно, введение народного языка и не является самым устойчивым результатом этой реформы, особенно если принять во внимание, что сама практика довольно быстро превзошла идиому Вука Караджича (как разговорную, так и литературную); образно выражаясь, данная война сделала *народ* и *народное* основной мерой явлений, прежде всего лингвистических, но также и эстетических, затем общественных, культурологических и т. д. Именно так необходимо понимать точку зрения о том, что секуляризация сербского общества, начатая трудами Доситея Обрадовича, завершилась победой движения Вука Караджича, последствия которой были революционными, в отличие от последствий первой сербской «литературной

войны» (Неманичей), хотя эффективность устранения предшествующих и параллельных течений была несравнимо меньшей, но не в силу толерантности самих деятелей, а из-за модернизации цивилизационных парадигм, которые больше не позволяли с такой легкостью «стирать следы» чего-либо... По меньшей мере, галактика Гутенберга уже давно стала реальностью, так же как и положительная роль сербской православной церкви в деле сохранения национальной идентичности на протяжении веков, проведенных под чужой властью (турецкой, австро-венгерской и т.д.), стала неоспоримой, поэтому любая секуляризация могла иметь лишь ограниченный характер, как будет иметь и в современности.

Поствуковские культурные и литературные войны в идеологическом смысле получили продолжение в виде враждебного противостояния движений «Сербия на Восток» – «Сербия на Запад» (Светозар Маркович, Богдан Попович, Скерлич и другие), однако они не имели таких глубоких поворотных последствий, как описанные выше. Как и раньше, главная проблема заключалась в том, что заключенные в кавычки направления воспринимались как неразрешимый конфликт, при этом считается, что исключительно форсирование его западного аспекта приведет к прогрессу, модернизации, «европеизации». Нужно признать, Вук Караджич прекрасно сумел встроить национальную идентичность, хотя и не полностью, а лишь преимущественно фрагменты, относящиеся к народной устной культуре, в главные европейские цивилизационные течения своего времени (эпохи романтизма). Однако последователи понимали его идеи еще более фрагментарно и не толерантно по отношению ко всему Иному; поэтому вопрос преимущества с традицией периода времени до реформ Вука Караджича не поднимался всерьез в следующие сто лет. Может быть, это является причиной того, что «литературные войны» в конце XIX и начале XX века имели ограниченный масштаб и эффекты, строго говоря, не совсем внешние, но в действительности актуальные только в узкой сфере литературы, искусства и культуры. Это не означает, что их идеологическая подоплека не была жестока, но по сравнению с тремя предыдущими сербскими «литературными войнами» (святого Саввы, Доситея Обрадовича и Вука Караджича) доминантно она существовала вне и помимо матрицы языка и культуры, то есть не была прочно интегрирована в нее.

Однако в период Второй мировой войны произошли значительные перемены, и искусство и

идеология снова оказались связаны прочными узами (почти как в средние века, за тем лишь исключением, что теперь речь шла не о религиозной, а об исключительно политической идеологии). Затем, начавшись в 30-х годах прошлого века и достигнув кульминации в 50-е годы, знаменитый конфликт среди левых, хотя и был инициирован югославскими коммунистами, повлек за собой судьбоносные последствия для сербских писателей и интеллектуалов – тогда, после знаменитого третьего съезда Союза писателей Югославии в городе Любляна в 1952 году, официально (на государственном уровне) было провозглашено, что искусство не обязательно должно выполнять политическую и идеологическую функцию (данное решение официально считается основой значительной либерализации культуры и литературы). Вопрос преимущества или ее отсутствия после этого предстал совершенно в новом свете: именно «либертарианское», проевропейское (то есть прозападное) течение вернуло сербской культуре наследие, которое было «временно» забыто на волне литературно-филологической революции Вука Караджича! В 60-е и 70-е годы писатели и историки, такие как В. Поп, М. Павлович, М. Селимович, М. Павич, М. Попович, Д. Богданович и другие, серьезно переоценили и по-новому интерпретировали (в эссе, антологиях и научных трудах) сербскую средневековую литературу, литературу барокко, классицизма и романтизма и представили полный, целостный и комплексный взгляд на сербскую литературную традицию и ее цивилизационный контекст. Возможно, именно тогда путь синтеза национального и универсального, основы которого частично были заложены еще святым Саввой и Вуком Караджичем, в полной мере продемонстрировал свой продуктивный потенциал, благодаря чему появились поэты, писатели и драматурги поистине мирового значения? Во всяком случае, период, о котором идет речь, является одним из самых выдающихся (а можно сказать и, без сомнения, самым *представительным*) во всей истории сербской литературы...

Новая глава в истории «литературных войн» начнется на изломе тысячелетий полемикой постмодернистов и «традиционалистов»: тут кавычки указывают на относительность данного определения, хотя противники постмодерна с удовольствием сами себя так называли. Серия эссе и текстов в «Литературной газете» в 1996 году открыла ясную политическую (а также широкую идеологическую) подоплеку сугубо поэтической, на первый взгляд, борьбы; тогда, и особенно впоследствии, позиции ее участников не были

просты, хотя культурологический регресс данного процесса был весьма предсказуем: синтез, который сербскую литературу в предшествующий период вывел в ранг мировой, отошел на второй план, в то же время выявился недостаток понимания и практики использования этого самого креативного, самого аутентичного и единственно *реального* (универсального, а не локального) наследия в ХХI веке. Политически и поэтически выражаясь, ни постмодернисты не были убежденными сторонниками мондиализма и цивилизационными апатридами, ни «традиционалисты» не были истинными хранителями национальной идентичности и наследия (того, которое переоценено в предшествующем периоде). Всё это стало еще очевиднее, когда в свете нового миллениума данная «литературная война» (конечно, не только она) породила культурное и идеологическое противостояние так называемых Первой и Второй Сербии, то есть тех, кто старается позиционироваться как евроскептики, и сторонников евроинтеграции, которые западные ценности ставят во главу угла. В этой борьбе, которая всё еще продолжается, литература сама по себе всё больше материализуется, а взаимоисключаемость позиций делает невозможным какой-либо новый синтез, в рамках которого культивировалось бы уважение к сербской литературно-художественной и культурной традиции именно как к важной части европейской и мировой (что на самом деле так и есть). Существует ли какой-либо иной *действительный*, а не воображаемый путь сегодня, в эпоху галактики Гейтса, когда основная часть мира в большей или меньшей степени превращается в «глобальную деревню» Мак-Люэна? Или же сербы обречены целиком повторять урок тысячелетней истории, для того чтобы вернуться к ее истокам, которые позволили им так мощно заявить о себе как об аутентичном народе и не только стать украшением большой мировой сцены, но и дать ей некоторых из важнейших актеров драмы под названием История Цивилизации...

Перевод Ряпухиной В. Н.

Литература

1. Антониц, С. Введение в социологию культурной войны // Летопись Матицы Сербской. 1890. Кн. 492. Ч. 4. С. 439-445.
2. Богдановић, Д. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.
3. Даничић, Дж. Рат за српски језик и правопис. Београд, 1847.
4. Добрашиновић, Г. Труд Копитар и Вук. Београд, 1980.
5. Јовановић, М. Језик и друштвена иапорија. Културно историјски оквири полемике о српском књижевном језику. Београд, 2002.

6. Павић, М., Рађање нове српске књижевности (Историја српске књижевности барокног доба, класицизма и предромантизма). Београд, 1983.

7. Стојановић, М. Доситеј и Античност. Београд, 1972.

8. Чиркович, С.М. История Сербского народа. Ч. I. Белград, 1981.

References

1. Antonic, S. Introduction to the Sociology of Culture War. *Annals of Matica Srpska*. 1890. Kn. 492. Part 4. Pp. 439-445.
2. Bogdanović, D. *History old Serbian Literature*. Belgrade, 1980.
3. Daničić, Dz. *The war for Serbian Language and Spelling*. Belgrade, 1847.
4. Dobrašinić, G. *Trud Kopitar and Vuk*. Belgrade, 1980.
5. Jovanović, M. *The Language and Social Contradictions. Cultural and Historical Frameworks of Disputes over the Serbian Language*. Belgrade, 2002.
6. Pavic, M., *The Birth of the New Serbian Literature (History of Serbian Literature of the Baroque Era, and of Pre-Classicism)*. Belgrade, 1983.
7. Stojanovic, M. *Dositej and Antiquity*. Belgrade, 1972.
8. Chirkovich, S. M. *The History of the Serbian People*. Part I. Belgrade, 1981.

ОБ АВТОРЕ:

Дамьянов Сава Б., доктор филологических наук, профессор, кафедра сербской литературы, Философский факультет, Государственный университет в городе Нови-Сад, ул. Д-ра Зорана Джинджича, 2, 21000, г. Нови-Сад, Республика Сербия, E-mail: koderdam@nscable.net.

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра стратегического управления, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, ул. Костюкова, 46, г. Белгород, 308012, Россия; кафедра культурологии и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: viktorer_r@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sava B. Damjanov, Doctor of Philology, Professor, Department of Serbian Literature, Faculty of Philosophy, University of Novi Sad, 2 Dr Zorana Đinđića, 21000, Novi Sad, Republic of Serbia. E-mail: viktorer_r@mail.ru

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia; Department of Cultural Studies and Political Science, Belgorod State University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: viktorer_r@mail.ru

УДК 371.38:372.878

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-25-34

Павлович Б. М.

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА КОСОВО И МЕТОХИИ И ВАЖНОСТЬ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Приштинский университет (Северное Косово), учительский факультет в Призрене – Лепосавиче, ул. Неманина, г. Лепосавич, 38218, Республика Сербия. E-mail: biljana.pavlovic@yandex.ru

Аннотация: При рассмотрении особенностей национального музыкального творчества этнической области Косово и Метохии применяется аналитический метод и выявляется обучающее значение и воспитательный потенциал музыки в преподавании музыкальной культуры в начальной школе. Исследуется специфика традиционных народных песен, танцев и традиционных музыкальных инструментов, характерных для данного этнического региона. Указывается на необходимость практического использования музыкального фольклора Косово и Метохии в системе образования. Тщательно подобранный к уроку музыкальной культуры фольклорный материал формирует у учащихся чувство национальной принадлежности, развивает музыкальный вкус и способствует формированию духовной культуры и этических ценностей, приобщает детей к фольклорным источникам. В специфических условиях жизни сербского народа в этническом анклав Косово и Метохии у учеников формируются представления об истории и сербских традициях в данной этнической среде, воспитывается интерес к культурным достижениям своего народа, возрождается чувство национальной гордости и патриотизма. Так мы морально поддерживаем сербское население, проживающее в регионе Косово и Метохии, укрепляя его волю в борьбе за выживание. В статье приводится этномusicological и музыкально-педагогическая литература для использования в начальной школе, в которой анализируется национальное музыкальное творчество региона Косово и Метохии.

Ключевые слова: национальное музыкальное творчество; Косово и Метохия; начальная школа; преподавание музыкальной культуры.

Pavlović B. M.

S SPECIFICS OF NATIONAL MUSICAL CREATIVITY OF KOSOVO AND METOHİJA AND THE IMPORTANCE OF ITS USE IN PRIMARY SCHOOL TEACHING OF MUSIC CULTURE

University of Priština in Kosovska Mitrovica, Teachers' Faculty in Prizren – Laposavić, Nemanjina bb, Laposavić, 38218, Republic of Serbia E-mail: biljana.pavlovic@yandex.ru

Abstract: The paper uses analytical methods to discuss the specifics of national musical creativity of Kosovo and Metohija, as well as the educational significance and meaning of its use in primary school teaching of music culture. It examines the specifics of traditional folk songs and dances, as well as traditional musical instruments typical of this area. It points to the possibility and the need to use the contents of musical folklore of Kosovo and Metohija in the teaching process. When carefully selected and used in the classroom, these contents can be the foundation on which a teacher can confidently build a sense of national belonging, educate musical taste and foster ethical values. The use of musical folklore of Kosovo and Metohija has enormous pedagogical and national significance in working with students who live in enclaves in the province of Kosovo and Metohija. By applying its contents in the conditions specific to the life of the Serbian people in Kosovo and Metohija, pupils form notions of continuity and rootedness of the Serbian entity and tradition in this environment, developing a sense of belonging to the state and nation, patriotism and love towards the homeland. Thus we provide a strong moral support to the Serbian population living in the province, strengthening their will and the desire to stay and survive in these areas. The paper lists ethnomusicological and musical-pedagogical literature suitable for use in elementary school, which deals with national musical creativity of Kosovo and Metohija.

Key words: national musical creativity; Kosovo and Metohija; primary school; teaching music culture.

Введение

Национальное музыкальное творчество – *музыкальный фольклор* – охватывает народные песни, танцы и традиционные музыкальные инструменты. В более широком смысле фольклор включает в себя народные песни и обычаи, музыкальные игры, обряды, верования, пословицы и другие духовные и материальные достижения культуры. Сербский музыкальный фольклор Косово и Метохии является исключительно ценной и весомой частью культурного и духовного наследия сербского народа и характеризуется многочисленными особенностями.

Различные антропогеографические, исторические и социально-экономические факторы оказали влияние на формирование культурной и национальной самобытности сербского народа и, следовательно, на музыкальный фольклор этого региона. Для того чтобы в полной мере ощутить и понять национальное музыкальное творчество Косово и Метохии со всеми его особенностями, учащиеся должны ознакомиться с обстоятельствами, в которых оно создавалось и развивалось, о чем будет идти речь в первой части этой статьи. Затем мы обсудим особенности традиционных народных песен, танцев и музыкальных инструментов из этого региона и важность их использования в преподавании и изучении музыкального фольклора.

Условия развития народного музыкального творчества Косово и Метохии

Регион Косово и Метохия расположен в центральной части Балканского полуострова и окружен высокими горами, образующими два просторных бассейна рек Ибар и Бели Дрим. Этот район является южной провинцией Сербии. Регион был местом пересечения водных и сухопутных военных и коммерческих транспортных путей, точкой пересечения чрезвычайно своеобразных и колоритных культур. Данное положение создало целый ряд характерных отличий, которые нашли отражение в этнических особенностях и красочном фольклоре, с четко выраженными локальными особенностями музыкального выражения. Населявшие эту территорию славяне приносили свою культуру и языческие ритуалы и обычаи, в которых музыка играла ведущую роль. Следы древней музыкальной культуры находим в *додолских, лазарицких, коледарских и водичарских* песнях и обычаях, которые и в настоящее время сохранились в Косово и Метохии. В результате принятия христианства как государственной религии произошла адаптация народных песен и

обычаев сообразно требованиям и законам новой веры. Например, *додолские* песни, которые пелись во время засухи, были превращены в *крстоношке*. Они выполняли эту же роль, но вместо припева *Oj, dodo, dodole*, исполнялось *Господи, помилуј нас*. Аналогичная ситуация возникла и с *крестным именем* – славой, которая в то время представляла собой языческую дань предкам. Христианская церковь принимает ее, но «уважая и христианских святых» [3]. Слава является одной из наиболее хорошо сохранившихся традиций в этом этническом регионе. Старинные обычаи, которые со временем бесследно исчезли во многих районах Сербии, до сих пор живут здесь, проявляясь во всей своей красе и самобытности. Это свидетельствует о самобытности сербского народа, проживающего в Косово и Метохии, его изначальной привязанности к этой земле и уважении к собственным исконным традициям и культуре. Обширный бассейн двух рек, отделенный высокими горами, создал специфические условия жизни населения данной области. Вследствие географической изоляции и влияния других факторов, некоторые районы составляют отдельные этнические и культурные целостности с характерными национальными костюмами, обычаями, диалектом, песнями, танцами и инструментальной музыкой. В горных районах, где развивалось животноводство, до сих пор сохранились песни пастухов, а в гористых пределах Сириничкой и Средачкой жупы сохранились вучарские обычаи и сопровождающие их песни [2].

Равнинная местность Косово и Метохии лежит на плодородных землях, и местное население занимается, в основном, сельским хозяйством. В связи с этим в этой части региона большое значение уделялось языческим магическим обрядам, посвященным повышению плодородия почвы. Предполагалось, что эти продуцирующие обряды призваны способствовать увеличению плодородия почвы, плодovitости и богатому урожаю (*додоле, крстоноше, лазарице, люляшке* и т. д.). Первые описания народных обрядов этой области мы находим в трудах русского консула Ивана Ястребова [20] и Бранислава Нушича [14].

Разделение между городом и деревней также повлияло на развитие музыкального фольклора области. Население патриархальной сельской общины жило изолированно, при таких обстоятельствах можно было сохранить характер старой сербской музыкальной традиции (обрядовые песни с простой, монотонной ритмическо-мелодической структурой, с элементарным

содержанием), в то время как города стояли на пути розничной торговли и различных коммивояжеров, что неизбежно привело к их культурной ассимиляции. Турки в течение пяти веков пребывания на территории Балкан большую часть времени проводили в городах, и их культура оказала большое влияние на формирование локальных особенностей культурно-бытовых традиций. Атмосфера повседневной народной жизни данного периода отражается в народных песнях и танцах. Призрен, в отличие от Печи, был оплотом турецких властей, что нашло отражение в танцах в форме большей или меньшей свободы движения в танце. Любича и Даница Янкович, которые были одними из первых исследовательниц национальных танцев Косово и Метохии, отметили, что «большая свобода в выражении веселого настроения в танце позволялась Печанкам, которым в групповом пении разрешено лихо плясать, подпрыгивать и выкрикивать слова припева» [9].

Призренки в групповом танце двигались сдержанно, размеренно и спокойно, что, согласно с мнением сестер Янкович, говорит о характере Призренцев и об осознании собственного происхождении, так как Призрен был когда-то важным местом в сербской средневековой истории (царский город). В стремлении быть ближе друг к другу сербы в Призрене жили в домах с общими внешними стенами – дома достраивались один к другому. Такой образ жизни отразился в танце, где танцующие двигаются, плотно боком прижавшись друг к другу и держась за руки. Восточные влияния заметны в народных костюмах, особенно в городских, а также в стиле танца, где при использовании мелодий появляется ориентальная мелизматика. Во время турецкого вторжения население этой части Сербии угнеталось и турками, и албанцами. Похищения сербских женщин и их обращение в ислам не были единичными случаями [19], о чем сообщается в некоторых народных песнях и сопровождающих их танцах. В народных песнях северной части Косово и северо-западной части Метохии (район города Печ), где население иммигрировало из соседней Черногории, представлены элементы черногорского фольклора и диалекта, в то время как в регионе, который граничит с Сербией (северная часть Косово), заметны элементы фольклора, прежде всего в исполнении танца и в стиле национального костюма.

Учитывая условия, в которых сформировалось этническое музыкальное творчество Косова и Метохии, мы по-прежнему восторгаемся самыми красивыми песнями и танцами, созданными в то

время, которое по праву можно назвать тяжелейшим периодом жизни сербского народа. Народная музыка Косово и Метохии представляет собой сложный культурный феномен, в котором сохранено представление о жизни сербского народа из давних времен. Музыка излучает особенный колорит, который отражается не только в разнообразии ритма, нежных мелодиях и гармоническом богатстве, но и в простых и архаических песнопениях, пробуждающих в нас истинное эстетическое чувство. Знакомство с народными песнями способствует лучшему пониманию характера и особенностей национального музыкального творчества этнического региона Косово и Метохии. По словам учителя музыки Нади Иванович, «это ведет к пониманию внешнего мира и постижению того, что мы любим. Знакомясь с культурой собственного народа, мы уважаем универсальность человеческой психики и уникальность, оригинальность и неповторимость способа, в котором выражается эта психика и которая определяется именно специфической культурой народа» [8, с. 31]. Народная музыка Косово и Метохии удивительно разнообразна, богата и характеризуется непосредственностью и силой музыкального выражения. Она восприимчива и сама притягивает слушателя. Ее сила в потрясающей красоте и зрелости, так как она создавалась и развивалась на протяжении веков, сохраняя национальную музыкальную память.

Специфика народных песен этнической области Косово и Метохии

Изучая сербские старинные народные мелодии, этномузыковед, композитор и музыкальный педагог Милое Милоевич подчеркнул ее оригинальность, связанную с национальной музыкальной идентичностью [12]. Существует мысль, что народную песню создает «безымянный» сочинитель. Сербский народ, проживающий в этническом регионе Косово и Метохии, бесспорно, принадлежит к числу самых талантливых народных сочинителей. Возвысив уровень наивного творческого потенциала до музыкально-художественного уровня, он заложил основы характерного музыкального выражения, которое усматривается в вокальной, вокально-инструментальной и традиционной народной танцевальной культуре. В народных песнях отражается высокая, чистая мораль, внутренний мир, «желания, чаяния и надежды сербского народа». Они представляют собой созданное на протяжении многих веков ценное традиционное музыкальное наследие, которое передается от поколения к поколению.

Как истинное выражение души народа и достоверный индикатор национального характера, песни дают возможность осознать собственную культурную и национальную идентичность. Народные песни и танцы, которые входят в программу по музыкальной культуре и изучаются в начальной школе «в прошлом были единственным источником мудрости и знания для новой генерации. Передавая их из поколения в поколение, берегли отраженный в народных традициях жизненный опыт народа и искусство предыдущих поколений, выработанную уникальную систему моральных ценностей, а их эстетические свойства основаны на философском понятии прекрасного и кодексах национальной философии» [15].

При аналитическом рассмотрении народных песен Косово и Метохии мы прежде всего обращаем внимание на их поэтическое содержание. Известно, что традиция сопровождает человека от рождения; каждое большое семейное событие (рождение, крещение, свадьба, похороны) общественное событие (работа, охота, война), природное явление (ураганы, засуха) вызывали в человеке чувства и мысли, которые он высказывал способом, отличающимся от обычной, повседневной речи. Наиболее распространенным средством выражения была народная песня. Многие песни Косово и Метохии описывают тяжелую жизнь сербского населения в прошлом. Вместе с тем в песнях поется, что народ не утратил веру в радость жизни, многие песни пронизаны юмором, шутками и забавными остроумными выдумками. Обычай шутить даже на свой собственный счет в трудные времена имеет свои корни в ряде магических ритуалов и традиционных верований сербов. В частности, считалось, что юмор может защитить от злых сил. Свои высокие представления о любви как о глубоком чувстве народ выражал трогательным, утонченным, но вместе с тем и серьезным образом, особенно чувство горести из-за неразделенной или безвозвратно утраченной любви. В песнях воспеваются природа утонченной женской красоты в соответствии с уникальным эстетическим вкусом населения данной этнической среды. Во многих песнях выражены родственные чувства – любви к брату и сестре и наоборот, в то время как любовь и забота матери к ребенку передается в колыбельных, пестушках и потешках и календарно-обрядовых песнях (жнивные песни), в которых часто проявляется мифологический контекст. Чувство любви к Родине, отношение к природе и ее красота, исторические и повседневные события обычной жизни также служили вдохновением для народных сочинителей региона Косово и Метохии.

В языке песен региона Косово и Метохии внимание привлекает говор местного населения, который характеризуется целым рядом диалектов, тюркизмов, междометий и восклицаний: *оф, аман, море, джан'м*. В песнях северного Косово, Ибарского Колашина и области города Печ исследователи находят элементы черногорского фольклора и диалекта. Население в основном состоит из иммигрантов из Черногории, так что не удивительно, что во многих песнях этой области преобладают элементы черногорской народной музыки [1].

Изучая народные мелодии Косово и Метохии, исследователь Милоевич предложил следующий подход к их систематизации: „мелодия нижнего слоя» и «мелодия верхнего слоя», или мелодии «древней сельской традиции» и «новейшей традиции города». Первая систематизация представляет «примитивное содержание и отражает нечто наше изначальное, расовое, которое скрывают в недрах своих наши словенские особенности» [12, с. 18]. Эти мелодии являются модальными структурами лада (звукоряда), где замкнутый мелодически амбитус от двух до пяти тонов, мерная ритмическая поступь и воплощенное в музыке настроение аскетической строгости представляют существенные отличия старых народных обрядовых песен. Говоря о сельских песнях Косово и Метохии, исследователь Девич отмечает, что большинство из песен нижнего слоя в основном связаны между собой, но имеют различные исторические и географические факторы (миграция из гористой неплодородной местности в равнинную плодородную), а также отличительное типологическое выражение. Когда народный певец подсознательно искал технические возможности для расширения мелодичного выражения своего сознания, он «находил их в синтезе того, что содержит его собственный изначально музыкальный инстинкт, и того, что он обнаружил в среде, в которой обосновался» [12, с. 19], сохранив ведущие черты фольклорного оригинала. Народный фольклорный вокал характеризуется преимущественным использованием вокальных приемов глоссандо с восклицанием, прерыванием мелостиха паузой и использованием тремоландо как наиболее распространенного способа исполнения песен, которые, по мнению этномузыковеда, являются частью обряда, ритуала или элементов лирики словенской нации. Интересно, что сельские и городские песни региона Косово и Метохии поются одногласно, хотя многие произведения включают в себя отличительное восклицание «и» в конце строфы.

Заметив эту песенную особенность, Мокраянц отметил, что в конце почти всех легких для исполнения песен исполнители добавляют долгое «и» в конце строфы. Для выполнения долгого «и», как правило, берут из заключительного тона строфы октаву, малую септиму, малую сексту и часто фальцетным ладом уменьшенную квинту, а затем из этого высокого тона постепенно спускают вниз на одну терцию или кварту. Это долгое «и» встречается в середине стихов и, вследствие положения, разделяет слоги, не заботясь о том, что слово становится непонятным. Это похоже на цокание и заменяет бачванское «ию-ю», или мачванское или шумадийское «ю» [18]. Городские песни Косова и Метохии более широкого амбитуса, с развитыми богатыми мелодиями и ритмом; часто содержат чрезмерные мелизмы и чрезмерную секунду. Большое количество песен этой этнической области принадлежит гипомиксолидийскому ладу и балканскому минору, но встречаются и модальные ряды как принципы лада.

Очень важным компонентом, который, в частности, привлекает внимание к песням региона Косово и Метохии, является ритм. Многие мелодии основаны на метаритме, так называемом народном ритме, который основывается на неравномерной ритмической пульсации [4]. Отличительными характеристиками ритма являются восьмые или шестнадцатые ноты, в группах по три и по две. Исследователь Зора Васильевич признает, что характерными отличиями ритма являются неравномерные пульсации, ритмы востока и в некоторой степени и нашей национальной музыки; не отношения длины, которые характеризуют европейские ритмы, но отношения акцентов, в то время как длительность отстает на задний план. В процессе интерпретации этого ритма исследовательница ввела термин *мета*. Этот термин используется в качестве контраста префиксу *изо* и противоположно традиционным европейским ритмам, где акценту подчиняется продолжительность [5].

Пример 1

Народная песня Косово и Метохии, *Симбил цветы*¹

Example 1

A folk song from Kosovo and Metohija, *Simbil flowers*

Симбил цвеће

Забележио: М. Васильевић
Призрен

Осећајно

Сим - бил цве - ће, мо - ре, сим - бил цве - ће, Ма - ви
и зе - ле - но, Ма - ви и зе - ле - но.

*Симбил цвеће, море, симбил цвеће
Мави и зелено,
Моје срце, леле, моје срце,
Јадно и чемерно.
Мерак имам, море, мерак имам,
На прву којшику,
Ама ми гу, леле, ама ми гу,
Другар запрочија.*

*Па ме вика, море, па ме вика
Девер да му биднем.
Да л' да идем, леле, да л' да идем,
Да ли да не идем?
Ће да идем, море, ће да идем,
Макар да не дођем.*

Пример 2

Шалива косовско-метохијска народна игра са певањем *Да вам кажем браћо моја*²

¹ Из сборника: [6]. Диалектне слова в песне: *симбил* (метох.) – гиацинт; *мави* (тур.) – голубой; *мера* (тур.) – страсть, желание, прихоть; *којишија*, *комишија* (тур.) – сосед.

² [9. с. 166].

Example 2

Funny Kosovo-Metohija folk dance with singing *Let me tell you my brothers*

Да вам кажем, браћо моја

Умерено

Забележиле: Љ. и Д. Јанковић
Призрен

1. 2.

Да вам ка, да вам кажем, браћо моја, браћо моја.

*Да вам ка, да вам кажем, браћо моја,
Овако, овако се бибер туче:
С петицом, с петицом се бибер туче!
Да вам ка, да вам кажем, браћо моја,
Овако, овако се бибер туче:
С коленом, с коленом се бибер туче!
Да вам ка, да вам кажем, браћо моја,
Овако, овако се бибер туче:*

*С лактом, с лактом се бибер туче!
Да вам ка, да вам кажем, браћо моја,
Овако, овако се бибер туче:
Са главом, са главом се бибер туче!
Да вам ка, да вам кажем, браћо моја,
Овако, овако се бибер туче:
Са брадом, са брадом се бибер туче!*

Особенности косовско-метохийских народных танцев с пением

Танцевальное этническое музыкальное наследие в учебно-образовательном процессе имеет неопределимое значение в духовном развитии учащихся, формировании системы ценностей и чувства собственного достоинства. Традиционные танцы региона Косово и Метохии, в силу их красоты и специфичности хореографии, богатства мелодии и ритма, являются самыми красивыми танцами сербского музыкального фольклора, поэтому им необходимо уделить большое внимание в процессе обучения.

Танцевальная музыкальная традиция Косово и Метохии довольно многослойна и архаична с точки зрения некоторых хореографических компонентов. В народных танцах региона этнохореологи наблюдают элементы словенского, ориентального, черногорского, сербского и герцеговинских танцев [13]. Наиболее распространенные танцы с сопровождающими их песнями – *орские*. Многие древнего происхождения и основываются на словенской музыкальной традиции. С точки зрения хореографии, традиционные народные танцы этого региона разнообразны и интересны. Наиболее распространенным видом народного танца является хоровод, который представляет основной вид славянского танца, в сочетании с выполнением сольного танца в центре открытого или закрытого круга. Есть игры с ограниченным количеством танцующих. В Вучитрне существует оро, которое обычно выполняют четыре девушки, в то время как другие стоят в стороне и наблюдают. В некоторых приштинских танцах

танцующие разделены на две группы, которые находятся напротив друг друга. Они движутся навстречу и проходят в промежутках между играющими. Известны танцы, в которых группа игроков образует сплетением рук дугу, под которой проходят остальные танцующие. Некоторые танцы исполняются в парах. В качестве примеров сольного танца можно назвать *додоле* или *лазарице*, в которых танцует только одна девушка.

Женский народный танец в Косово выполняется легкими и умеренными движениями, девушки не поднимают опущенных глаз. Двигаются поступательно и равномерно в сопровождении песни. Ведущая девушка женского ора отделяется, продолжая танцевать. Танцует живо, с поднятой правой рукой и держа в ней носовой платок. Исполнители часто держатся под руку правой рукой. В левой руке держат носовой платок. Если к танцующей девушке подходит мужчина, с которым она не желает танцевать, она ему протягивает платок, чтобы он взялся за него, а не за руку. Если это мужчина, с которым она хочет танцевать, дает ему руку [9].

Мужское оро значительно энергичнее. Движения выразительнее, танец сопровождается танцевальными элементами-прыжками и возгласами. Танцующие в хороводе, как правило, держатся за руки, хотя они могут держаться за плечо или пояс соседнего танцующего. Особенно выдающимися мастерами народного танца в прошлом, чье исполнительское мастерство дошло до совершенства, являлись танцевальные группы из Гуштерицы, Лаплего Села, Грачаницы и Кривой Реки [7].

Призренские танцы характеризуются особенными элементами стиля. Танцующие выполняют движения с гордой осанкой и спокойными, выдержанными и мягкими жестами рук и шагами неодинаковой длины, которые призренцы также выполняют уравновешенно и спокойно [9]. В призренских танцах девушки и женщины танцевали отдельно от мужчин. Характерным является «положение танцующих, тесно прижатых боком друг к другу, держась при этом за руки, которые также тесно прижаты одна к другой от ладони до локтя» [9]. Танцующие мужчины иногда держатся за плечо или пояс играющего рядом. В Гнилане и Призрене девушки и женщины играют отдельно от мужчин. Согласно с мнением исследовательниц Любицы и Даницы Янкович, это был один из способов сберечь сербских девушек от притязаний турок: «серб воздерживался от желания подойти в танце к девушке, которую любит, чтобы турок не обратил на нее внимание и не отобрал для своего гарема» [10, с. 52].

На территории центрального Косова стиль народного танца также отражает общую атмосферу жизни населения и его подчиненного положения. «Женские сельские танцы на Косово выполняются умиротворенно, мирно, что ошибочно наводит нас на мысль о невозмутимой и безмятежной жизни исполнителей. Но, независимо от ритмической разновидности песни, танца или мелодии (веселый, быстрый, медленный ритм), косовские девушки танцем повествуют о тяжелой жизни сербского народа под турецкой оккупацией в течении многих веков. В частности, характерное длинное „и“ представляет единственную возможность почувствовать себя свободной, но только на короткое мгновение при исполнении песни» [9, с. 42]. Характерные особенности танцев Метохии достаточно близки к особенностям танцев региона Косово. В городах Печ и Призрен пересекаются призренские, косовские и черногорские особенности народных танцев. Любица и Даница Янкович заметили, что на Пасху в Печской Патриархии жители исполняли народные танцы данного региона, в то время как поселенцы из Черногории исполняли танцы своего народа. В городах во время сватаний или свадеб исполнялись сербские танцы. В городе Печ, в отличие от призренских танцев, танцевался смешанный хоровод, в котором ощущалась большая свобода в выражении веселого настроения. «Призренские народные танцы исполнялись поступательными, спокойными и равномерными движениями с гордой осанкой и выдержанным чувством меры, а

танец печанок темпераментный, энергичный и непосредственный» [9, с. 125].

Поэтические элементы в народных танцах с песенным сопровождением довольно разнообразны и крепко связаны с общественной деятельностью населения. В них преобладают любовные, свадебные и семейные мотивы, в то время как в призренских танцах встречаются и элементы юмора. В сельских танцах преобладают элементы драмы и уменьшается роль хореографии, что представляет собой довольно частое явление у южных славян. Мелодии отражают архаические славянские обертоны. Они просты, бесхитроутны и часто содержат характерное восклицание «и» в середине или в конце танца. Городские мелодии более развиты, с элементами ориентальной музыки. Исполнение танцев было обусловлено многочисленными событиями: церковные праздники, рождение, крещение, свадьбы и т. д. Этнопедагоги подчеркивают, что фольклорный танец с сопровождающим его пением имеет огромное значение как средство воспитания. Народные танцы «своим содержанием способствуют радостному настроению детей, их эмоциональному сближению, побуждают к психо-физической активности и всестороннему развитию» [21, с. 19]. Созданы как гениальные и непреходящие народные творения, эти танцы «подтвердили учебно-воспитательную значимость применением в семейном образовании и воспитании в течении веков» [21, с. 19]. Согласно результатам исследований Любицы и Даницы Янкович, ознакомление учащихся с данным видом народного музыкального творчества «следует начать как можно раньше, желательно в детских садах; оно должно охватить все ступени образования – от дошкольного до высшего. Основная цель состоит в отыскании средств, связывающих обучение с жизнью, землей, народом и использовании его для укрепления и развития эстетических, социальных, национальных и этических чувств. Национальный фольклорный танец может стать мощным инструментом в достижении этих задач» [9, с. 18]. Примеры народных песен региона Косово и Метохии и танцев с сопровождающим их пением, которые изучаются на уроке музыкальной культуры, можно найти в сборниках³

³ [12]; [9]; [10]; [6]; Васильевић М. Музичка традиција за наше најмлађе. Дечији хорови / Приредиле сестре Васильевић и Десанка Тракиловић. Српско Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства. 2004; Васильевић М. Путем наше традиционалне музике. Песме са аранжманима, двогласи и вишегласи / Приредиле сестре Васильевић и Десанка Тракиловић.

Традиционные народные музыкальные инструменты Косово и Метохии

Инструментальная музыкальная традиция Косово и Метохии очень богата и разнообразна. На этих просторах широко известны аэрофоны – духовые музыкальные инструменты. Флейта – самый распространенный вид аэрофона и в зависимости от величины и конструкции в народе называется *кавал*, *гуделка*, *шупелька*, *билбил*, *дудук*, *кафол*, *свиралица*. Эти инструменты активно используются и в настоящее время. Из язычковых деревянных духовых инструментов, в которых воздух выдувается через язычок в верхней части инструмента и является возбудителем колебаний, в прошлом использовались *зурлы*, *гайды* и *волынка*. Из группы хордофонных – струнных инструментов были использованы скрипки и виолончели: *бузука*, *шаргия*, *чителия*. В прежнее время в северной части Косово широко использовались щипковые инструменты – *гусли* и *цитра*. Наиболее известные мембранофоны представлены ударными инструментами – барабанами, литаврами и бубнами, в народе называются *тапан*, *дарабука*, *дайры* и *деф*. Городские игровые песни и танцы в последнее время сопровождаются оркестром *чалгие*, который состоит из *скрипки*, *кларнета* и *бубна*. Идиофонные инструменты, которые производят немusикальные неорганизованные звуки, используются для сопровождения танцев в различных видах: *стержневые идиофонные погремушки*, *колокольчики*, *тарелки*, *бубенцы*, *маракасы*, *кастаньеты*. В некоторых районах Косово и Метохии существовал обычай, когда во время свадебного ритуала исполнение песен сопровождается вращением круглой алюминиевой формы для выпечки – *тепсии*. Женщина, которая вращает форму, носит кольца на фалангах пальцев и в процессе кругового вращения, сопровождая ритмы и такты музыки, перстнями стучит по дну круглой формы, производя при этом характерный звук. Вращение *тепсии*, сопровождаемое ритмическими звуками, было популярно на различных сельских народных собраниях и манифестациях или посиделках *прях*. В форму для выпечки удар производили и целой ладонью в сопровождении некоторых идиофонных инструментов. Этот увлекательный обычай в настоящее время утратил свою популярность [16]. Ознакомление учащихся с народными музыкальными инструментами необходимо осуществить посредством визуального и слухового

восприятия «и подчеркнуть исторический момент и пути ассимиляции инструментов <...>, которые связаны с граничащими государствами Албанией и Македонией, а также ударными инструментами – мембранофонами» [12, с. 33].

Интересную информацию об импровизированных детских музыкальных инструментах, которые использовались в прошлом детьми в Косово и Метохии, предоставил этнолог Татомир Вуканович [7]. Он отмечает, что в Косово и Метохии, укладывая ребенка спать, женщины подвешивали на колыбельки бронзовые или стальные звоночки. Колыбелька плавно покачивалась, и колокольчик производил приятные звуки – звенел, сопровождая пение колыбельных мелодий. Этот обычай долго сохранялся на территории Рогозне, Ибарского Колашина и Копаоника. Звон колокольчиков сопровождал песни пастухов. В северных районах Косово и Метохии пастухи снимали колокольчики или бубенцы с домашних животных и исполняли тематические песни, сопровождая их звоном бубенчиков.

Детские песни исполнялись в сопровождении звуков, которые издавались от ударов пастушеских посохов. Самым необыкновенным способом музицирования детей в прошлом в регионе Косово и Метохии считается трение большого пальца или ладони о запотевшее оконное стекло. Под звуки, издаваемые таким образом, дети исполняли песни и танцевали. Довольно часто песни исполнялись под интересные звуки, которые производили различные предметы. Таким предметом могла быть чашка, о которую постукивали какой-то металлической вещью: ключом, вилкой и т. д. Некоторые орские песни, в основном, носившие церемониальный характер, исполнялись под звуки, издаваемые скрежетом ножей друг о друга. В некоторых селах региона Косово и Метохии существовала традиция исполнять песни, употребляя деревянные ложки в качестве музыкального инструмента. Под эти звуки исполняли в основном шуточные песни. Еще один интересный аспект детского музицирования – использование щетки для волос в качестве музыкального инструмента. На гребни зубцов щетки накладывали бумагу или целлофан, через который необходимо подуть. При правильной технике этот способ музицирования может быть интересным сопровождением для пения или танца. Детские песни исполнялись в сопровождении тархтящих или гремящих звуков, вызванных встряхиванием мешков с фундуком или грецкими орехами, что создавало радостное и озорное настроение у детей.

Српско Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства. 2004; [16].

Выводы

Ознакомление учащихся младших классов с исконным музыкальным наследием своего народа является важной задачей музыкального воспитания и образования. В данной статье наше внимание сосредоточено на изучении характеристик народных песен, танцев и традиционных музыкальных инструментов региона Косово и Метохии. Музыка этой этнической области свойственны специфические отличия и оригинальное музыкальное выражение самобытности, построенное на фундаменте исконно-генетической музыкальной памяти. Проникнутая элементами старой славянской музыкальной традиции, христианским субстратом и сегментами ориентальной музыки, она выделяется уникальной красотой, богатством тем и мотивов, непреходящей художественной ценностью.

Традиционное народное музыкальное творчество воспитывает у учащихся чувство национальной принадлежности, формирует музыкальный вкус и поощряет этические ценности [11]. Ознакомление и изучение национального музыкального творчества этнической области Косово и Метохии – это прямой путь к сохранению традиций, этнических особенностей и преумножения культурного наследия региона. Применение этих материалов в учебном процессе знакомит с традицией песенного фольклора сербского народа и формирует основу для этического фундамента, ответственность за музыкальное наследие своего народа.

Работа является результатом исследования в рамках проекта III 47023 «Косово и Метохия между национальной идентичностью и европейской интеграцией», финансируемого Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербии.

The paper is the research result within the project III 47023 "Kosovo and Metohija between national identity and European integration", funded by the Ministry of education, science and technological development of Republic of Serbia

Литература

1. Арсић, Н. Неке карактеристике певања у Ибарском Колашину // Гласник «Баштина». Приштина: Институт за проучавање културе Срба, Црногораца, Хрвата и Муслимана. Св. 4. 1993. С. 131-141.
2. Арсић, Н. Вучарски обред у Средачкој жупи // Гласник «Баштина». Приштина: Институт за проучавање културе Срба, Црногораца, Хрвата и Муслимана. Св. 6. 1995. С. 159–163.
3. Бован, В. Лирске и епске песме Косова и Метохије. Београд: Институт за Српску културу. 2001.

4. Васиљевић, З. Методика музичке писмености. Београд: Завод за уџбенике, 2000.
5. Васиљевић, М. Народне мелодије с Косова и Метохије. Београд: Београдска књига; Нота, Књажевац. 2002.
6. Васиљевић, З. Теорија ритма. Београд: Универзитет уметности у Београду, 1999.
7. Вукановић, Т. Срби на Косову II. Врање: Нова Југославија, 1986.
8. Ивановић, Н. Приручник за учитеље уз уџбеник музичке културе за 3 разред. Београд: Едука, 2006.
9. Јанковић, Љ. и Јанковић, Д. Народне игре II. Београд: Просвета, 1937.
10. Јанковић, Љ. и Јанковић, Д. Народне игре VI књига. Београд: Просвета, 1951.
11. Мандић, Б. Народно музичко стваралаштво као подстицај развоја духовног «зрачења» ученика // Иновације у основношколском образовању. Београд. 2009. С. 334-340.
12. Милојевић, М. Народне песме и игре Косова и Метохије / Приредио др. Драгослав Девић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004.
13. Младеновић, О. Коло и Јужних Словена. Београд: САНУ. Етнографски институт. 1973.
14. Нушић, Б. Косово: опис земље и народа. Београд: Просвета, 1986.
15. Павловић, Б. Васпитне вредности традиционалних народних песама и игара у настави музичке културе // Настава и васпитање. Београд. Бр. 4. 2013. С. 668–682.
16. Павловић, Б. Традиционално народно музичко стваралаштво Косова и Метохије у настави музике. Лепосавић: Учитељски факултет у Призрену–Лепосавићу. 2013.
17. Петровић, Р. Народна музичка традиција у комуни Лепосавић // Гласник Етнографског музеја. Приштина. VII–VIII. 1964. С. 435–447.
18. Стојановић, С. М. Записи народних мелодија. Београд: Музиколошки институт. 1966.
19. Цвијић, Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства. 1966.
20. Јстребов, И. Обычаи и песни турецких сербов. Санкт-Петербург, 1886.
21. Cicović-Sarajlić, D., Pavlović, B. Bjelobrč Babić, O. Music games with tactile contact and their importance in the work with children aged up to three years. Activities in physical education and sport // Skopje: Federation of the sports pedagogues of the Republic of Macedonia. 2015. Vol. 5. No. 1. Pp. 18–23.

References

1. Arsic, N. Some Features of Singing in Ibarski Kolasin. (in Serb.) *Bulletin, Bashtina [Heritage]*. Pristina: Institute for the Study of Culture of Serbs, Montenegrins, Croats and Muslims. Sv. 4th. 1993. Pp. 131-141.
2. Arsic, N. Vučarski Ritual in Sredačka. (in Serb.) *Bulletin, Bashtina [Heritage]*. Pristina: Institute for the Study of Culture of Serbs, Montenegrins, Croats and Muslims. Sv. 6th. 1995. Pp. 159-163.

3. Bovan, V. *Lyric and Epic Poems of Kosovo and Metohija*. Belgrade: Institute of Serbian Culture. 2001 (in Serb.)
4. Vasiljevic, Z. *Methodology of Musical Literacy*. Belgrade: Institute for Textbooks, 2000. (in Serb.)
5. Vasiljevic, Z. *The Theory of Rhythm*. Belgrade: University of Arts in Belgrade, 1999. (in Serb.)
6. Vasiljevic, M. *Folk Melodies from Kosovo and Metohija*. Belgrade: Beogradska knjiga; Nota, Knjaževac. 2002. (in Serb.)
7. Vukanović, T. *Serbs in Kosovo II*. Vranje: New Yugoslavia, 1986. (in Serb.)
8. Ivanovic, N. *Manual for Teachers with Music Textbook for Grade 3^d*. Belgrade: Eduka, 2006. (in Serb.)
9. Jankovic, L. and Janković, D. *The National Games II*. Belgrade: Prosveta, 1937. (in Serb.)
10. Jankovic, L. and Janković, D. *The National Games*. Book VI. Belgrade: Prosveta, 1951. (in Serb.)
11. Mandic, B. National Musical Creativity as an Incentive for the Development of Spiritual Sight of Pupils. (in Serb.) *Innovations in Primary Education*. Belgrade. 2009. Pp. 334-340.
12. Milojevic, M. *Folk Songs and Dances of Kosovo and Metohija / By dr. Dragoslav Devic*. Belgrade: Institute for textbooks and teaching aids, 2004. (in Serb.)
13. Mladenovic, O. *Kolo and South Slavs*. Beograd: SANU. Ethnographic Institute. 1973. (in Serb.)
14. Nušić, B. *Kosovo: A Description of the Country and Nation*. Beograd: Prosveta, 1986. (in Serb.)
15. Pavlović, B. The Educational Value of Traditional Folk Songs and Dances in the Teaching of Music Culture. (in Serb.) *Nastava i vaspitanie [Teaching and Education]*. Belgrade. No. 4. 2013. Pp. 668-682.
16. Pavlović, B. *Traditional Folk Musical Creativity of Kosovo and Metohija in the Teaching of Music*. Leposavić: Faculty of Education in Prizren-Leposavić. 2013. (in Serb.)
17. Petrović, R. Folk Music Traditions in Leposavic Commune (in Serb.) *Bulletin of Ethnographic Museum*. Priština. VII–VIII. 1964. Pp. 435-447.
18. Stojanović, S. M. *Folk Melodies Records*. Belgrade: Institute of Musicology. 1966. (in Serb.)
19. Cvijic, J. Balkan Peninsula and the South Slavic Countries. *Fundamentals of Human Geography*. Belgrade: Institute for textbooks and teaching aids. 1966. (in Serb.)
20. Jastrebov, I. *The Customs and Songs of the Turkish Serbs*. St. Petersburg, 1886. (in Russ.)
21. Cicović-Sarajlić, D., Pavlović, B. Bjelobrck Babić, O. Music Games with Tactile Contact and Their Importance in the Work with Children Aged Up to Three Years. *Activities in Physical Education and Sport. Skopje: Federation of the sports pedagogues of the Republic of Macedonia*. 2015. Vol. 5. No. 1. Pp. 18-23.

ОБ АВТОРЕ:

Павлович Биляна Миомир, доктор музыки, профессор, Университет в Приштине с временным местонахождением в Косовской Митровице, Факультет теории и методики начального обучения, ул. Неманина, г. Лепосавич, 38218, Республика Сербия E-mail: dsarajlic@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Biljana Miomir Pavlović, Doctor of Musical Sciences, Professor, University of Priština with temporary seat in Kosovska Mitrovica, Teachers' Training Faculty in Prizren with temporary seat in Leposavić, Nemanjina bb, Leposavić, 38218, Republic of Serbia. E-mail: dsarajlic@gmail.com

Petrović, J. S.¹
Šuvaković, U.V.²

SOCIAL GOALS OF STUDENTS IN SERBIA

¹University of Niš, 2 Ćirila i Metodija, Niš, 18000, Serbia. E-mail: jasmina.petrovic@filfak.ni.ac.rs

²University of Priština with temporary Head Office in Kosovska Mitrovica, Filipa Višnjića bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia. E-mail: uros-s@eunet.rs

Abstract. The results of the survey of Serbian students' preferences of social goals are presented in the paper. The survey was conducted in November 2014 on the population of students of the Serbian State University in Kosovska Mitrovica (UKM) and the University in Belgrade (UB). It is the part of a wider longitudinal research of social attitudes of students in Serbia, conducted by the Faculty of Philosophy in Kosovska Mitrovica (Serbia). The relation was researched to relatively general social goals, in this paper considered as goals whose fulfillment is not related only to the personal welfare of respondent, but is important for the whole society. Statistical importance of differences in preferences was tested among the offered social goals among the students studying at the two Universities in Serbia. It was established that such the difference exists in 5 out of 11 goals from the offered list.

Key words: students; social goals; Serbia.

Петрович, Я. С.¹,
Шувакович, У. В.²

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ СТУДЕНТОВ В СЕРБИИ

¹Университет в Нише, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия.

E-mail: jasmina.petrovic@filfak.ni.ac.rs

²Университет Приштины с временным размещением в Косовской Митровице, ул. Филипа Вишничича бб, Косовская Митровица, 38220, Республика Сербия. E-mail: uros-s@eunet.rs

Аннотация. В статье представлены результаты исследования предпочтений в социальных целях сербских студентов. Исследование проводилось в ноябре 2014 г. среди студентов Университета в Косовска-Митровице (УКМ) и Белградского университета (УВ). Оно представляет собой часть более широкого лонгитюдного исследования социальных позиций студентов в Сербии, проводимого Философским факультетом в Косовска-Митровице (Сербия). Исследовались отношения к относительно общим социальным целям, под которыми в данной статье подразумеваются те цели, чье осуществление не связано исключительно с личной выгодой респондентов, а имеет значение для всего общества. Мы тестировали статистическую значимость различий в предпочтениях между предлагаемыми социальными целями среди студентов, обучающихся в двух университетах в Сербии, причем было установлено, что такие различия существуют в отношении к пяти из одиннадцати целей предлагаемого списка.

Ключевые слова: студенты; социальные цели; Сербия.

Introduction

Although the research of social goals belongs to the field of value and value orientations, as certain authors notice, especially when they are formulated in a general manner, considering the idea that relatively stable and permanent orientation of individuals is the issue [1, p. 568], the authors in this paper consider primarily the preferences of individuals related to the current goals directed to welfare of community as an entity, liable to changes. Namely, the accomplishment of certain goals implies erasing from the list of priorities of individuals and groups (for example, admission of Serbia to the European Union (EU) or establishing a strategic cooperation with Russia). At that, the value dimension implied is not negated, especially

considering that the preferred social values may be interpreted as preferences of individuals oriented to the goals [3, p. 14; 10, p. 4]¹, but which are not materialized only in the goals to whose realization they are directed [3, p. 14].

When choosing priority goals, individuals are certainly managed in some extent by interests of other people and the society as a whole, expressing their view of the community tendencies. There is no

¹ Other researchers of values and value orientations also imply even at operational level that research of value orientations implies "recording" of goals to which individuals and groups incline, even when they do not use the syntagm goals [5; 8; 9; and especially the survey of various theoretical conceptions of the value in 7].

doubt that their estimations are intermediated by both personal goals and interests, as well as by a series of other social factors. However, it is important that we understand the position of an individual in a society not only as the consequence of actions of other structures that determine his behavior, but also as the correlation of actions of those structures, as well as the intentional and conscious activity of social actors managed by certain goals of personal and social nature. The authors of the paper consider that it is especially important to monitor preferences of social goals within population of students, since they are not only the holders of realization of certain social goals, but also the key actors in creation of the preferred and new goals in the future.

Methodological remarks

Presented results of the research are the part of a larger research of social attitudes of students periodically conducted by the Department of Sociology of the Faculty of Philosophy in Kosovska Mitrovica. Findings obtained in the research conducted in November 2014 at quota sample of UKM students are presented in the text, where the students of all faculties were included in the sample. The sample was realized with 345 respondents, with proportional disposition of students according to the faculty where they study, the gender and the year of study [4]. The research of students' population that study at the UB was conducted on two-stage quota sample realized with 391 examinees with proportional share of students from certain groups of higher education institutions, as well as according to the gender.

List of social goals was made considering the domain of the current politics in Serbia, but also the ardent social problems of a society in a late transition, characterized by a series of distinctivenesses [12, p. 89-148]. A list of 11 goals was offered to examinees that often stand in political agendas of societies faced with similar challenges. A possibility for examinees to add the priority goals goes without saying. Short-term «daily-politics» goals were omitted from the list, as well as those extremely generalized that get a form of general values. Examinees estimated the importance of the listed social goals at the scale 1-5² or formulated other goals and determined their priorities.

Presumption of researchers was that there was a significant difference in social goals preferences between students educated in the capital of Serbia and their colleagues educated in the southern Serbian province, since determination of social priorities was

intermediated by current social factors that form experience and perception of actors.

Review of Research Results and Discussion

Regarding the examinees that study at the Serbian State University at K&M, the preservation of Kosovo and Metohija as the integral part of Serbia and the struggle against corruption and criminal stand out as the top-priorities according to their importance. The first goal as the one of the top-priority was stated by 42,5 % and the second goal by 41,8 % of the students from the north of K&M. The high share of students that consider these goals to be the top-priorities is the consequence of the longtime attempts of Serbia to solve the issue of its southern province status, which is directly reflected on the quality of life in that part of Serbia. It is not negligible that the issue of K&M status represents the part of negotiating agenda for admission of Serbia to the EU. The similar situation is with the high level of corruption and criminal that Serbia is trying to reduce.

The examinees from the UKM also recognized the adverse demographic processes as the ardent problem, due to low rate fertility, relatively high mortality, migration movements and aging of population, which demand a fast response of the society in order to keep the number of Serbian citizens at least at the current level [6]. There is no doubt that the reasons should be looked for also in the attempts of Albanian separatists lasting for several decades to capture this area by increase of population, which is confirmed by the findings of the academic Macura that Kosovo authorities of the period, preparing the secession from Serbia, «tacitly supported pronatality consciousness» [2, p. 313]. Therefore, even 37,7 % of students consider that one of the top-priority goal of Serbia should be the growth of natality of Serbian citizens. A third of students consider that the main goals should be a faster economic growth and a pursuit of a higher life standard of citizens, i.e. building a strategic partnership with Russia (see *table 1*), which also might be considered as the logical finding considering the longtime low rate of economic growth, low wages and high rate of poverty in Serbia³. A quarter of this population as the top-priority goals see the rehabilitation of culture and tradition (25,5 %), accession of Serbia in the EU (24,7 %), but also accession to NATO alliance (27,5 %). This indicates to direct actions of social

² 1. One of top-priorities; 2. High importance; 3. Middle importance; 4. Small importance and 5. Not important at all.

³ According to the latest data of the Statistical Office of the Republic of Serbia, the rate of risk from poverty in 2015 was 25,4 %, placing Serbia at the inglorious first place in Europe, while the rate of risk from poverty or the social excludability was even 41,3 % [11].

factors to creation of the idea of priority social goals. Most of the students live in precariousness due to the open issue of the K&M status, aware of the fact that there are less and less members of their national community in this territory, confronted with disturbed personal and property safety [12, p. 102-113], significant problem of corruption and criminal. Poverty and attempts to preserve the cultural identity of a small number of Serbs that live in the territory of K&M only complete the determinants of the social context that acts as predictor of value orientations, even the comprehension of social goals.

Simultaneously, it is surprising that over a third of the examinees from this University do not consider as relevant goals preservation of K&M as the integral and sovereign part of Serbia, not the accession of

their own country to the EU (*table*). Almost every fourth examinee in this subsample considers as completely irrelevant social goals the issues of the struggle against criminal and corruption (26,8 %), the growth of natality (26,5 %), the faster economic growth and increase of life standard (23,5 %). Maybe these results could be interpreted as the absence of prospects that young people feel in the everyday survival at the far south of Serbia. Argumentation for such the interpretation may be justified by the fact that significantly greater share of students from the UKM, comparing to their colleagues studying in Belgrade, also consider as completely irrelevant other goals that were offered in the research. Such the finding implies the presence of value vacuum among the students' population from K&M.

Table

Preferred social goals (SG) with students of the University in Kosovska Mitrovica and students of the University in Belgrade (finding in %)

	One of top-priorities		High importance		Middle importance		Small importance		Not important at all	
	KM	BG	KM	BG	KM	BG	KM	BG	KM	BG
SG1	20.2	27.3	18.4	22.9	32.4	26.4	12.5	11.8	16.5	11.6
SG2	33.3	44.0	19.8	18.2	11.1	9.2	12.3	9.0	23.5	19.6
SG3	41.8	43.7	8.9	17.6	12.6	9.1	9.8	10.7	26.8	19.0
SG4	37.7	32.4	10.2	18.3	15.1	21.3	10.5	11.4	26.5	16.6
SG5	13.0	8.6	17.1	21.9	33.7	38.5	21.0	18.3	15.2	12.7
SG6	12.5	14.4	21.1	23.8	37.1	36.7	17.9	15.5	11.5	9.7
SG7	25.5	27.5	17.2	22.8	22.3	21.1	17.2	13.3	17.8	15.3
SG8	24.7	15.3	8.3	14.8	19.6	27.3	12.8	15.3	34.6	27.3
SG9	42.5	30.4	7.6	17.6	9.5	20.4	5.1	13.1	35.2	18.4
SG10	27.5	18.2	9.6	10.1	14.1	19.3	12.8	12.3	36.1	40.1
SG11	33.9	20.7	10.1	21.6	16.1	31.4	12.0	13.2	27.8	13.2

Legend:

- SG1 – Further development of state on principles of the rights
- SG2 – Faster economic growth and accomplishment of a better life standard of citizens
- SG3 – Struggle against corruption and criminal
- SG4 – Growth of natality
- SG5 – Privatization
- SG6 – Realization of social programs
- SG7 – Restoration of culture and tradition
- SG8 – Accession of Serbia into the EU
- SG9 – Preservation of K&M as the integral and sovereign part of Serbia
- SG10 – Accession of Serbia into NATO
- SG11 – Development of strategic partnership with Russia

When analyzing the obtained results of the research on the subsample of students of the UB, almost identical list of top-priority goals may be observed, with a slightly different share of students that emphasize these priorities. They emphasize as the top-priority goal the faster economic growth and the increase of the life standard (44 %), as well as the struggle against corruption and criminal (43,7 %), while almost every third examinee emphasizes the growth of natality (32,4 %) and preservation of K&M as the integral and

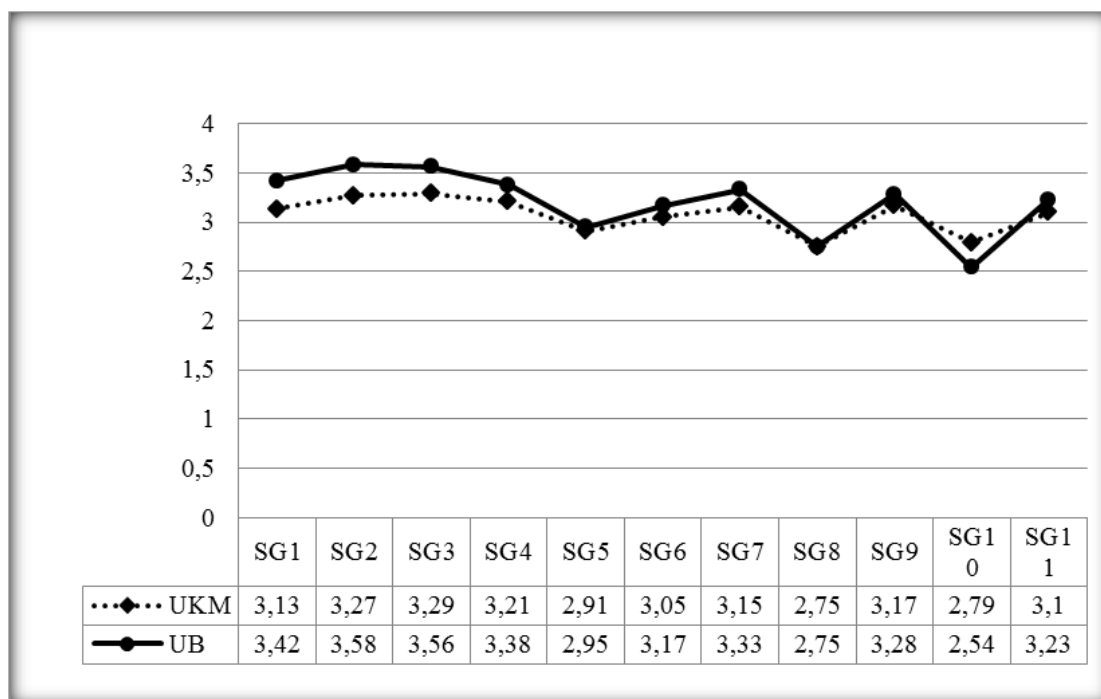
sovereign part of Serbia (30,4 %) as something to which should be tended urgently in own country.

Accession of Serbia to NATO is completely irrelevant social goal for 40,1 % of students from the UB. The result is expected considering the vivid memory to NATO aggression to Yugoslavia in 1999, with numerous victims and damages, but also the clear attitude of the political class and public opinion against the Atlantic integrations of Serbia. However, it is unexpected that more than every fourth (27,3 %)

considers the preservation of K&M within Serbia as a completely irrelevant social goal. Unexpectedly relatively great share of examinees in both subsamples pronouncing in such the way on the referred goal may be interpreted sociologically as an expression of the revolt because of the constant crisis regarding the solving of the K&M status, the condition of «sliding independence» where Serbian authorities are making ever greater concessions leading *de facto* to the acceptance of the independence as *fait accompli* because it is the condition for the accession of Serbia to the EU, proclaimed to be a dogma by the political class of Serbia after 2000. In that sense, students of both Universities are against so-called Brussels Agreement – it has a relative majority among Belgrade students, but

below 1/2, while the share among students in Kosovska Mitrovica, feeling its consequences, is 62,7 %.

Average values of preferences were calculated with the aim to compare the established differences within the preferred social goals in subsamples of students, showing that in general the differences in estimations of priorities are not great. When the results are summarized, the impression is that students of both Universities give the same value in average to the listed social goals. Namely, although the average value obtained on each of the offered social goals has the possibility of variation from 1.00 to 5.00, it varies in a narrow range in both samples (*graph*), which is the finding similar to the results from previous researches conducted in 2009 and 2010 [13, p. 302].

Graph. Average value of estimating importance of certain social goals in subsamples

Comparing the results of the researching evaluation of social goals in subsamples of students from both Universities shows that the majority of social goals are evaluated as more important by the students from the UB in comparison with their colleagues from the UKM, with the exception of the accession to NATO, which is evaluated as a less important social goal by the students from the capital in comparison with their colleagues from K&M. However, the share of students responding to the direct question regarding their attitude on the accession of Serbia to NATO within the Euro-Atlantic integration was 69,8 % against in Kosovska Mitrovica and 64,3 % against in Belgrade. In average, the attitudes of examinees in both

subsamples are the most similar regarding the evaluation of the accession of Serbia into the EU as the social goal, as well as the privatization, being also among the least important goals according to the evaluation of students from both subsamples, together with the accession of Serbia to NATO. Students of both Universities in average evaluate identically the goal of preserving the sovereignty of Kosmet within the borders of their state.

Since comparison of average values on the assessment scale of the importance of certain goals does not show enough difference between the subsamples, the statistical importance of recorded differences was tested with the aim to verify the hypothesis. It was established that a statistically

important difference between evaluations of examinees in samples was recorded in case of evaluation of the following social goals: struggle against corruption and criminal ($\chi^2_{(4)} = 16.442$ [N=689] Sig. 0,002; Cramer's V = 0.154); growth of natality ($\chi^2_{(4)} = 20.718$ [N=691] Sig. 0,000; Cramer's V = 0.173); accession of Serbia into the European Union ($\chi^2_{(4)} = 21.170$ [N=671] Sig. 0.000; Cramer's V = 0.178); preservation of Kosmet as integral and sovereign part of Serbia ($\chi^2_{(4)} = 62.207$ [N=673] Sig. 0.000; Cramer's V = 0.291); construction of strategic partnership with Russia ($\chi^2_{(4)} = 58.547$ [N=673] Sig. 0.000; Cramer's V = 0.295).

Namely, students from the UB see the struggle against corruption and criminal as more important social goal than their colleagues from K&M. almost two thirds of examinees in this subsample estimate that it is one of the most important or very important social goal (61,3 %), while such the opinion share a half of their colleagues from K&M (50,7 %). Simultaneously, the difference is significant also in the case of the share of examinees in subsamples that evaluate this goal no importance at all. Students from K&M lead in such the evaluation with 26,8 % having such the attitude, while the same evaluation have 19 % of their colleagues that study in the capital.

Similar differences were noticed regarding the evaluation of the importance of the growth of natality as a social goal of Serbia, being more significant primarily in the share of students that consider this issue as without importance at all – 16,6 % of students from the UB and 26,5 % of examinees from the UKM.

Students from K&M are little closer to the official political attitude regarding the accession of Serbia into the EU. A quarter of them (24,7 %) consider this to be one of the top-priority goals, while only 15,3 % of their colleagues from the UB consider the same. The greatest share of students from the capital estimate that this goal is of middle importance (27,3 %) and the same percentage consider that this is the goal of no importance at all. Simultaneously, over a third of their colleagues from K&M give no importance to this goal (34,6 %). However, when the question is asked if they would support the accession of Serbia into the EU, the share of 61,8 % of students from Kosovska Mitrovica and 37,8 % of students from Belgrade would not support this even under the same conditions that had been valid for the other states - new members of the EU. The accession of Serbia into the EU under the same conditions would support 34,8 % of students in Belgrade. This result of our research from 2014 represent the first empirically established moderate Euro-skepticism with Belgrade

population of students. If the accession of Serbia to the EU is hypothetically conditioned with the recognition of the «Kosovo independence» by Serbia, then the share of students against such Euro-integrations of Serbia is 73,5 % in the north of K&M and 53,4 % in Belgrade.

Differences of the similar profile were established regarding the goals of preservation of K&M within Serbia and the strategic cooperation with Russia. There are more students from K&M than from Belgrade who think that these are the top-priority goals of Serbia, with the difference going up to 13 %. However, their share is leading also in the group with the opposite opinion – that this goal has no importance at all. On the other hand, 85,8 % of students from Kosovska Mitrovica and 57,2 % of students from Belgrade do not support the attitude that «Serbia should recognize Kosovo independence» regarding the personal attitude on a possible solution for the status of K&M. Simultaneously, regarding the benefits from the politics of our state from the rapprochement with Russia, 80 % of students from Kosovska Mitrovica observe such the benefit (55,7 % consider that it is a «great benefit»), opposite to 52,3 % of their colleagues from Belgrade (19,1 % consider that it is a «great benefit», 32,2 % «more benefit than damage»). On the other hand, only 7,3 % of students from the north of K&M and 13,8 % of students from Belgrade see the benefit from the rapprochement with Western countries

Towards conclusion

Generally, students from the north of K&M are more inclined to shared evaluations of the offered social goals than their colleagues from the UB. It seems that a part of young people from the southern Serbian province display a complete resignation for important social issues, but Belgrade students also display dissatisfaction. In that sense, the evaluation of the authors of the text made a few years ago is completely current – «traumatizing social context cannot be stimulative for taking over the role of the bearer of social changes, which is the most common «natural epithet» attributed to young generation». It is possible to explain partly by this the aloofness of young people for any kind of political and public engagement [13, p. 302]. The attitude «it is against my will, but I do not make decisions» imbues the differences noticed among the personal attitudes of students in both University centers and their ranking according to the importance of the social goals of Serbian society.

The paper results from a joint research within the projects «Kosovo and Metohija between National Identity and European Integration» (III 47023) and «Sustainability of the

Identity of Serbs and National Minorities in the Border Municipalities of Eastern and Southeastern Serbia» (179013) supported by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

References

1. Kuzmanović, B., & Petrović, N. Struktura preferencija ličnih i društvenih ciljeva srednjoškolarca [Preference Structure of Personal and Social Goals of the High-Schoolers]. (in Serb.) *Psihologija*. Vol. 40. No. 4. 2007. Pp. 567-585.
2. Macura, M. *Stanovništvo* [The Population]. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1997. 512 p. (in Serb.)
3. Pantić, D. *Promene vrednosnih orijentacija mladih u Srbiji* [Changes in Values Orientations of Young People in Serbia]. Beograd, Institut društvenih nauka Centar za politikološka istraživanja i javno mnjenje, 1990. 117 p. (in Serb.)
4. Петровић, Ј. О методологији спроведених емпиријских истраживања (информације о узорку, инструменту и теренској реализацији) [Methodology Implemented in empirical Studies (Sample Information, Instrument and Fieldwork)] (in Serb.). In *Студенти на северу Косова и Метохије: резултати емпиријских истраживања ставова* [Students in the North of K&M: The Results of Empirical Researches], У. Шуваковић, Ј. Петровић (eds.), Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2016. Pp. 9–18.
5. Petz, V. (ed) *Psihologijski rječnik* [Dictionary of Psychology]. Zagreb: Prosvjeta, 1992, 516 p. (in Croat.)
6. Rašević, M. Populaciona politika u Srbiji: stanje i očekivanja [Population Policy: State and Expectations]. (in Serb.) *Stanovništvo*. No. 2. 2009. Pp. 53–65.
7. Rohan, M. J. A Rose by Any Name? The Values Construct. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 4 No. 3. 2000. Pp. 255–277. URL: http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1207/S15327957PSPR0403_4
8. Rokeach, M. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press. 1973, 438 p.
9. Rot, N. *Osnovi socijalne psihologije* [Basics of Social Psychology]. Beograd: Zavod za udžbenike, 2014. 545 p. (in Serb.)
10. Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social*

Psychology. No. 25. 1992. Pp. 1–65. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.220.3674&rep=rep1&type=pdf>

11. РЗС (2016). Анкета о приходима и условима живота [The Survey on Income and Living Conditions – SILC – report]. САОПШТЕЊЕ број 084 – год. LXVI, 31.03.2016 Београд: РЗС. URL: http://www.stat.gov.rs/WebSite/repository/documents/00/02/07/20/PD10_084_srb_2015.pdf (in Serb.)

12. Шувакович, У. *Србија в епоху перемени* [Serbia in Times of Change]. М.: РУДН, 2016. 162 с. (in Russ.)

13. Шуваковић, У., Петровић, Ј. Однос према Косову и Метохији и вредновање најважнијих глобалних циљева Србије – компаративна анализа ставова студената Универзитета у Приштини са привременим седиштем у Косовској Митровици [Relationship Towards K&M and Valuation of the Most Important Global Goals of Serbia: Comparative Analysis of Students' Attitudes of University in Priština with Temporary Head Office in Kosovska Mitrovica and University in Belgrade]. (in Serb.) *Зборник радова Филозофског факултета у Приштини XL* 2010. Pp. 291-306.

ABOUT AUTHORS:

Jasmina S. Petrović, PhD in Sociology, Associate Professor, University of Niš, Faculty of Philosophy, Department of Sociology, 2 Ćirila i Metodija St., Niš, 18000, Serbia. E-mail: jasmina.petrovic@filfak.ni.ac.rs

Uros V. Šuvaković, PhD in Political Sciences, Professor, University of Priština with temporary Head Office in Kosovska Mitrovica, Faculty of Philosophy, Department of Sociology, Filipa Višnjića bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia. E-mail: uros-s@eunet.rs

ОБ АВТОРАХ:

Петровић Јасмина С., доктор социологије, доцент, Универзитет у Нише, филозофски факултет, кафедра социологије, ул. Кирила и Мефодија, д. 2, г. Ниш, 18000, Република Србија. Е-маил: jasmina.petrovic@filfak.ni.ac.rs

Шувакович Урош В., доктор политических наука, професор, Универзитет Приштина с временним размешением в Косовској Митровици, филозофски факултет, кафедра социологије, ул. Филипа Вишњича, Косовска Митровица, 38220, Република Србија. Е-маил: uros-s@eunet.rs

УДК 327

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-41-47

Мальцева О.П.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КУРСА
КИМ ЧЕН ЫНА**

Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, д. 8, г. Владивосток, 690091, Российская Федерация.
E-mail: olpmal@mail.ru

Аннотация. Исследование материалов VII съезда Трудовой партии Кореи, статей Ким Чен Ына 2011–2016 гг., публикаций на сайте naenara.com в сети Интернет позволяют выявить некоторые особенности внутривластного курса лидера Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Период исследования: 2011–2016 гг. Объект исследования – стратегический курс Ким Чен Ына, Председателя Госсовета КНДР. Предмет: традиции и новации политики Ким Чен Ына. Гипотеза: на базе традиционной идеологии – политики сонгун – молодой Ким проводит политику усиления руководящей роли Трудовой партии Кореи. Исследование осуществлено на основе анализа текстов Ким Чен Ына, концептуального сравнения позиций Ким Чен Ына с позициями Ким Ир Сена и Ким Чен Ира в вопросах внутривластного курса КНДР; функциональный анализ осуществлен методом непосредственного полевого исследования, выраженного в наблюдениях повседневной жизни граждан КНДР с 2002 г. по настоящее время, анализе фотодокументов, в беседах с гражданами КНДР и представителями высшего эшелона власти, в интервью с экспертами и специалистами-корееведами. Сделан вывод, что молодой Ким, введя в 2012 г. в политический оборот термин кимирсенизм-кимчениризм, обозначил идеологическую основу своего курса, подтвердил приверженность идеологии и политике чучхе как опоры на собственные силы, проводимой его дедом и отцом. Отмечен признак китайской модели реформ: преобразования происходят без трансформации политической системы. К новациям стратегического курса можно отнести призывы и требования Ким Чен Ына использовать современные технические достижения, изучать зарубежный опыт посредством Интернета, в области пропаганды создавать благоприятный имидж КНДР, используя площадку сети Интернет.

Ключевые слова: Северная Корея; Ким Чен Ир; Ким Чен Ын; политика сонгун; идеология чучхе; Трудовая партия Кореи.

Maltseva O. P.

SOME FEATURES OF THE STRATEGIC POLICY OF KIM JONG-UN

Far Eastern Federal University, 8 Sukhanova St., Vladivostok, 690950, Russian Federation. E-mail: olpmal@mail.ru

Abstract. The research of Materials of the Seventh Congress of the Workers' Party of Korea, the Kim Jong-un articles of 2011–2016, as well as the Internet publications (naenara.com site), make it possible to identify certain features of domestic policy of the North Korean leader. The research period covers 2011–2016 years. The object of the research is a strategic course of Kim Jong-un, the Chairman of the State Affairs Commission of the DPRK. The subject of the research is the traditions and innovation policy of Kim Jong-un. The hypothesis: based on the traditional ideology – the Songun policy – the young Kim Jong-un pursues the policy of enhancing the leadership role of the Workers' Party of Korea. The research was carried out through analysis of the texts of Kim Jong-un, the conceptual comparison of the positions of Kim Jong-un with the positions of Kim Il Sung and Kim Jong Il in domestic policy of the DPRK; the functional analysis was carried out with a direct field research, expressed in the observations of daily life of citizens of the DPRK from 2002 to the present, the photographs, interviews with citizens of the DPRK and the representatives of the higher echelons of power, the interviews with experts and specialists in Korean studies. The author draws a conclusion that after introducing a political revolution term kimirsenizm-kimchenirizm in 2012, young Kim has outlined the ideological basis of his course, reaffirmed the commitment of the ideology of Juche as the self-reliance policy

carried out by his grandfather and father. The author notes the sign of reforms based on the Chinese model: the reforms are being implemented without any transformation of the political system. The innovations in the strategic course may include the appeals and demands of Kim Jong-un to use modern technical achievements, to study foreign experience through the Internet, to enhance a favorable image of the DPRK in the field of propaganda, using the Internet platform.

Key words: North Korea; Kim Jong II; Kim Jong-un; Songun politics; the ideology of Juche; the Workers' Party of Korea.

Ким Чен Ын, корейский лидер, в 2016 году отметил первое пятилетие своей деятельности в качестве высшего руководителя Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Состоявшийся в Пхеньяне 6-7 мая 2016 года после 36-летнего перерыва съезд Трудовой партии Кореи (ТПК) ознаменовал новый рубеж развития страны, обозначенный молодым главой государства. Съезд упразднил секретариат, закрепив за Ким Чен Ыном статус Председателя ТПК, маркировав таким образом укрепление партийных позиций в стране. Затем Верховное народное собрание КНДР (высший законодательный орган власти), упразднив Государственный Комитет Оборона КНДР (ГКО), определило новый орган исполнительной власти – Государственный совет (Госссовет) страны, избрав Ким Чен Ына Председателем Госссовета. Вместе с тем, вводя в 2012 г. в политический оборот термин кимирсенизм-кимчениризм, молодой Ким подтвердил приверженность базисному курсу, проводимому дедом и отцом, идеологии чучхе, опоры на собственные силы.

После ухода из жизни 17 декабря 2011 г. Ким Чен Ира, Председателя ГКО КНДР, эксперты и мировые СМИ выдвигали многочисленные версии того, каким будет курс Северной Кореи. В основном, предрекался коллапс экономики и политическая нестабильность, для описания ситуации в стране использовались только черные краски. В 2012-2013 гг. демонизация КНДР приобрела масштабный характер с шокирующими подробностями о расстрелах и казнях в высшем эшелоне власти. Профессор А.Н. Ланьков в публичной лекции «КНДР: откуда мы знаем то, что знаем» [4] подверг сомнению качество источников информации. Сеульского профессора трудно заподозрить в симпатии к Северной Кореи и династии Кимов, но именно он в числе немногочисленных экспертов обращал внимание, что в КНДР улучшилась экономическая ситуация, «однако эти оценки игнорируются», отмечал, что страна «стала заметно либеральнее» [5] и рекомендовал оставить в прошлом кальку про голод и нищету в КНДР.

Между тем 2012–2016 годы стали для Ким Чен Ына временем укрепления традиций и линии

на инновации. Отметим, что ему досталась в наследство страна, обновленная преобразованиями Ким Чен Ира 2000–2011 годов. Ряд неофициальных визитов Кима-отца в Китай в начале 2000-х годов и официальных визитов в Россию сформировали понимание новой информационной эпохи и новое мышление самого Ким Чен Ира. Июльские 2002 года меры определили на десятилетие подход к экономическому развитию страны, сутью которого стали некоторая децентрализация плановой экономики, упрощение межхозяйственных связей. В области сельского хозяйства Ким Чен Ир ставил задачи перепланировки полей с укрупнением наделов, развитие семеноводства, эффективного внедрения новых сельскохозяйственных технологий.

Первый год деятельности нового лидера совпал со сбором большого урожая, что весьма символично. В стране собрали около пяти миллионов тонн зерновых, то есть Северной Кореи удалось удержать достижения прежних лет [3]. Повышению урожайности способствовали дальнейшие агротехнические мероприятия по перепрофилированию пахотных земель, завершение строительства крупных ирригационных систем. Вопросам земледелия Ким Чен Ын уделяет значительное внимание. Требование «прилагать усилия к улучшению землеустройства» проходят красной нитью в выступлениях всех его пяти лет¹. В 2014 году даже неблагоприятные погодные условия не помешали собрать урожай, теперь уже свыше пяти миллионов тонн зерновых. Сказались поощрительные меры: 30 % урожая передается крестьянам, которые распоряжаются им по своему усмотрению. Повысилась производительность труда. Прежде всего,

¹ См., напр.: Ким Чен Ын. Добиться коренного перелома в деле землеустройства в соответствии с требованиями строительства могучего и процветающего социалистического государства. Беседа с ответственными работниками партийных, государственных, хозяйственных органов и общественных организаций трудящихся. 27 апреля 101 года чучхе (2012) // К окончательной победе. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 2013.

благодаря методам организации кооперативов в формате семейного подряда, выросла активность возделывания личных приусадебных участков. Собственную сельхозпродукцию крестьяне реализуют на придорожных рынках, в городах – в точках самоорганизующейся продажи и на городских рынках (их в Пхеньяне около двух десятков), а также крестьяне сдают продукцию в овощные киоски. Из личных наблюдений можно привести пример, как продавцы принимали для расчета евро, доллары и юани за фрукты, хотя официальное хождение иностранной валюты в стране запрещено. Однако после расчета продавцы мгновенно растворялись. Между тем, в иностранной валюте мы оплачивали, например, вечернюю экскурсию по Пхеньяну, посещение косметического салона, ресторана национальной кухни, рассчитывались в ателье и в аптеке. Формирование частного сектора, скорей всего, привело к активному хождению иностранной валюты на черном рынке.

На государственном уровне Ким Чен Ын приветствует привлечение иностранных инвестиций в госсекторе, однако предостерегает от чрезмерных коммерческих действий: «Чтобы заработать сколько-нибудь валюты, сейчас, вижу, каждый не прочь пойти на необдуманную разработку и экспорт бесценных богатств недр страны»². Вероятно, подобные факты не единичны, раз становятся предметом беседы главы государства с партийными работниками.

В статьях 2012–2016 гг. Ким Чен Ына содержится непереносимое требование использовать современные методы управления экономикой и рекомендации, чтобы специалисты через Интернет больше знакомились «с материалами о мировых тенденциях, о передовой, развитой зарубежной науке и технологиях»³. КНДР выделяет большие ассигнования на развитие науки и современных информационных технологий. Создание отрасли ИТ было инициировано Ким Чен Ир и закреплено на сессии Верховного народного Собрания (ВНС) в 2001 году. Дети в детском саду наравне с азбукой постигают азы компьютерных знаний, совершенствуя информационные знания в школе, затем в вузе. Сегодня на вопрос, кем он хочет стать, любой школьник КНДР ответит: военным, чтобы защищать родину, или компьютерным программистом. Информационные технологии внедряются во все отрасли народного хозяйства, стали нормой использования в сфере культуры, здравоохранения.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 130.

В политической области Ким Чен Ын подчеркивает преемственность курса деда и отца. В новогодней речи 1 января 2012 г. лидер КНДР отметил, что партия воздвигает сильное государство «по-нашему, по-кимченирски»⁴. Позднее в статьях появился и закрепился термин «кимирсенизм-кимчениризм» как идеологический принцип с ярко выраженной маркировкой верности традициям⁵.

Сохраняется и стратегический курс сонгун, политики приоритета армии. Ким Чен Ын отметил, что такой подход был характерен для отца: «Сонгун, действительно, был незыблемым кредо товарища Ким Чен Ира, которое он всю жизнь свято хранил и претворял в жизнь»⁶. На VII съезде ТПК Ким Чен Ын обозначил дальнейшее следование принципам опоры на армию. «Сонгун – это для нас самостоятельность, достоинство и жизнь», – емко и предельно точно обосновал он преемственность курса⁷.

Во многих выступлениях Ким Чен Ына перед военнослужащими Корейской народной Армии (КНА) содержится призыв к подготовке «универсальных солдат», готовых «сражаться с противником по принципу «один против ста»», – тезис, который не раз использовал Ким Чен Ир, а ввел в оборот Ким Ир Сен. Генерал армии, командующий Дальневосточным военным округом Ю.Н. Якубов (1999–2006 гг.), посетивший воинские части КНА по личному приглашению Председателя ГКО КНДР, отмечал в свое время, что боевая подготовка солдат КНА имеет отличительные особенности и направлена на воспитание у бойцов чувства превосходства

⁴ Ким Чен Ын. Новогодняя речь 1 января 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.naenara.com.kp/ru/news/news_view.php?22+1547 (дата обращения: 15.11.2016)

⁵ Ким Чен Ын. Новогодняя речь 1 января 102 года чучхе (2013) // Единая Корея. Информационно-аналитический портал. 1 января 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://onekorea.ru/2013/01/01/kim-chen-yn-obratilsya-k-narodu-s-novogodnim-obrashheniem/> (дата обращения: 10.12.2016)

⁶ Ким Чен Ын. Навеки прославим великие сонгунские революционные идеи и заслуги товарища Ким Чен Ира. Интервью, данное партийной газете «Нодон синмун» и армейской газете «Чосон инмингун» по случаю Дня сонгун. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 3.

⁷ Ким Чен Ын. Будем глубоко уважать великого Ким Чен Ира как вечного Генерального секретаря нашей партии и доведем революционное дело чучхе до победного конца. Беседа с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи 6 апреля 2012. // К окончательной победе. Сб. статей. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 2013. С. 20.

над любым врагом, уверенности в собственных силах [6, с. 134].

В 2013–2015 гг. в статьях Ким Чен Ына всё активнее звучит тема усиления идеологического воспитания, партийного влияния и сплочения вокруг вождя. В речи на VIII слете идеологических работников ТПК 25 февраля 2014 г. провозглашалась идея «безраздельного господства единой идеологии и единой системы руководства»⁸. В октябре 2015 года, во время торжеств по случаю 70-й годовщины со дня создания ТПК, Ким Чен Ын укрепил программный тезис, что вопросы партийной деятельности и партийного строительства «решаются только по заключению вождя»⁹. Как закономерный результат – проведение в мае 2016 года VII съезда ТПК, где Ким Чен Ын был избран Председателем партии. Таким образом, партии в КНДР отведена роль первой скрипки. При этом различные выступления Ким Чен Ына содержат тезис, что «руководство партии – это жизненная необходимость для существования Народной Армии»¹⁰, таким образом мотивируется усиление партийного влияния в армии.

На слете идеологических работников Ким Чен Ын впервые озвучил идею ведения информационных войн на площадке Интернета, который «должен стать ареной пропаганды нашей идеологии и культуры», указал, что следует «осуществлять планы модернизации и информатизации средств массовой и зарубежной пропаганды». Но при этом «плотно ставить двойную, тройную противомоскитную сетку», чтобы в страну не проник «капиталистический яд»¹¹. Констатируя, что народ «по природе своей отвергает буржуазную идеологию и культуру, проповедующую всеисилие золотого тельца и закон джунглей», лидер призвал усилить идеологическую работу в массах и вести ее «по-

фронтовому». Самым опасным в идеологической работе он назвал «пораженчество», указав, что партийцам следует «изменить облик партии», анализировать успехи и просчеты¹². Вызовы глобального мира, внешняя обстановка, в условиях которой формируется политика Ким Чен Ына, стали сложнее и жестче. И задачи, которые ему предстоит решать, многократно усложнились [8]. Молодой лидер КНДР это понимает, как и то, что в первую очередь западной интервенции на духовном уровне будет подвергнута молодежь. Не случайно на праздновании 70-летия партии маршал вел речь о приоритете работы с молодежью.

VII съезд партии Кореи 2016 года закрепил стратегическую линию, впервые обозначенную 31 марта 2013 г. на Пленуме ЦК ТПК, направленную на параллельное строительство экономики и ядерных вооруженных сил. Ким Чен Ын трезво оценивает международную обстановку: трагический опыт Югославии, Ирака, Ливии дает реальные основания полагать, что произойдет со страной, не способной защитить себя. Под руководством Ким Чен Ына осуществляются и будут дальше развиваться ядерные программы как средство защиты государства. 26 января 2013 г., буквально через месяц после запуска искусственного спутника в декабре 2012 года, Верховный Главнокомандующий провел совещание работников госбезопасности и внешней политики, где подчеркнул, что «суверенитет КНДР может быть защищен только ее собственными силами» и что «до осуществления денуклеаризации всего мира не может быть денуклеаризации Корейского полуострова»¹³. Заметим: в документах VII съезда ТПК содержится заверение, что КНДР, обладатель ядерного оружия, как ответственная страна, не намерена применять его первой и передавать технологии другим странам.

В статьях Ким Чен Ына современный этап развития страны определен как период построения «социалистического цивилизованного государства». Под «цивилизованным государством» подразумевается: 1) политическая держава с единодушным сплочением народа вокруг вождя; 2) военная держава с крепким ядерным щитом; 3) экономически сильная держава с опорой на собственные силы; 4) духовная держава с высокой культурой. То есть современной лексикой обозначена политика

⁸ Ким Чен Ын. Революционным идеологическим наступлением ускорим достижение окончательной победы. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 7.

⁹ Ким Чен Ын. Дело великой партии Ким Ир Сена – Ким Чен Ира непобедимо. По случаю 70-й годовщины со дня создания Трудовой партии Кореи. Находка: «Формат», 2016. С. 2

¹⁰ Ким Чен Ын. Навеки прославим великие сонгунские революционные идеи и заслуги товарища Ким Чен Ира. С. 11.

¹¹ Ким Чен Ын. Революционным идеологическим наступлением ускорим достижение окончательной победы. Речь на VIII слете идеологических работников Трудовой партии Кореи. Находка: «Формат», 2016. С. 19.

¹² Там же.

¹³ Маршал Ким Чен Ын в 2013 году. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 27

осуществления трех революций, ранее обоснованная Ким Ир Сенем и Ким Чен Иром. Вместе с тем, в трактовке Ким Чен Ыном цивилизованного государства делается акцент на высоком уровне развития сферы культуры, когда народ «имеет возможность пользоваться всеми созданными культурными ценностями»¹⁴. И действительно, 2014 год стал рекордным по вводу в строй спортивно-досуговых комплексов, таких как Пхеньянский этнографический парк, Народный театр, парково-спортивная зона на острове «Ныннадо», дельфинарий, аквапарк, ипподром, крытый каток и роликовый стадион, многофункциональный фитнес-центр. В 2015 году в столице реконструированы стадионы в микрорайонах. Набережные рек Тэдонган и Потхонган преобразованы в спортивные зоны с кортами, волейбольными площадками, велотрассами. Активными темпами идет гражданское строительство: возведены жилой микрорайон ученых «Висон» и микрорайон с развитой инфраструктурой для преподавателей Политехнического университета им. Ким Чака.

Прослеживается внимание Ким Чен Ына к формированию современного облика столицы. Посетив архитектурный институт (ныне Пхеньянский архитектурный университет), Ким Чен Ын пообещал, что сам будет курировать проекты в роли почетного ректора¹⁵. Перед архитекторами также поставлена задача благоустройства провинциальных городов и поселков, чтобы те имели «свое лицо». Университетский статус, обозначенный Ким Чен Ыном, связан с новыми трендами в градостроительстве, с задачей создания образа Пхеньяна как современной столицы «могучего и процветающего государства».

По мнению аналитиков [9], демонизация КНДР и ее лидера Ким Чен Ына имеет стратегическую подоплеку, повод для США обосновать американское присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), куда США планируют к 2020 г. передислоцировать 60 % своих военных кораблей и создать здесь военно-политический блок, азиатский аналог

НАТО [7]. И чем больше КНДР будет развивать ядерную сферу, тем активнее пойдет процесс военного американского присутствия в бассейне Тихого океана.

В 2012–2016 гг. особое внимание Ким Чен Ына было сосредоточено на освоении космоса и ракетных программ. В феврале 2013 года КНДР заявила о новом ядерном испытании. 1 апреля 2013 г. делегаты VII сессии ВНС КНДР 12-го созыва приняли Закон «О дальнейшем закреплении статуса страны – обладательницы самозащитного ядерного оружия», Закон об освоении космоса и учреждении Государственного управления КНДР по освоению космоса. 6 января 2016 г. состоялось испытание первой водородной бомбы, которое Ким Чен Ын рассматривает как «легитимное право суверенного государства на самооборону»¹⁶. В ответ на ужесточение международных санкций КНДР заявила, что они неэффективны для страны. Но спектр ограничительных мер так широк, а термин «санкции» в резолюциях СБ ООН столь расплывчат, что под запрет, согласно заключению геополитического аналитика Карлы Сти, попадает практически всё необходимое для нормальной повседневной жизни мирного населения, что позволило эксперту заявить о международных санкциях как о геноциде против народа КНДР [10].

Присоединение России к санкциям в соответствии с резолюцией СБ ООН от 2 марта 2016 г. поставило большой вопрос о «ренессансе» российско-корейских отношений, наметившемся в 2014 г. [1].

Анализируя ситуацию в КНДР 2000–2016 гг., включая и нынешнюю «пятилетку» Ким Чен Ына, с большой долей вероятности можно утверждать о реформах в стране, употребляя термин «преобразования». КНДР развивается, опираясь на собственные сырьевые и энергетические ресурсы, заявляя, что санкции не удушат страну из-за самодостаточного характера ее экономики. Стратегический курс КНДР на построение экономической и ядерной державы будет иметь дальнейшее развитие, как и осуществление принципа сонгун – военноориентированной политики.

¹⁴ Ким Чен Ын. Новогодняя речь 1 января 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://onekorea.ru/2013/01/01/kim-chen-yn-obratilsya-k-narodu-s-novogodnim-obrashheniem> (дата обращения: 15.11.2016)

¹⁵ См.: Ли Чон Хва, Сок Чхоль Вон, Пак Сон Гым, Пак Ын Сун. Почётный ректор // Маршал Ким Чен Ын в 2013 году. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 23.

¹⁶ Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации 2016. 12 января. // Единство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arirang.ru/archive/edinstvo/2016/Edinstvo.2016.01.pdf> (дата обращения: 15.11.2016)

В политической области идет активный процесс усиления роли партии. Преемственность линии Ким Чен Ына выражается в поддержке идеологии деда и отца под лозунгом «кимерсенизм-кимчениризм», в поступательном неспешном движении по пути преобразований без политических трансформаций. Введенные международные санкции привели к еще большему единению народа, конфуцианско-чучхейскому почитанию Верховного Главнокомандующего, Председателя ТПК, Председателя Госсовета Ким Чен Ына, укрепив сплоченность вокруг вождя.

Отказ Северной Корее в кредитах, экономическое удушение как способ влияния на КНДР непродуктивны. Страна уже обрела опыт выживания в условиях внешней изоляции и в очередной раз мобилизуется перед лицом внешних угроз. Конструктивными и актуальными по-прежнему остаются идеи активного вовлечения КНДР в мировые экономические процессы, что «придаст необратимый характер положительным тенденциям в ее экономике» [2], уменьшит эскалацию напряженности на Корейском полуострове.

Литература

1. Воронцов, А.В. Новая фаза политики России на Корейском полуострове и в отношениях с КНДР // Геополитика. 24.04.2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geopolitics.by/analytcs/novaya-faza-politiki-rossii-na-koreyskom-poluostrove-i-v-otnosheniyah-s-kndr> (дата обращения: 15.11.2016)
2. Воронцов, А.В., Евсеев В.В. Северная Корея: выйти из тупика // Россия в глобальной политике. 26 октября 2005. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://globalaffairs.ru/number/n_5751. (дата обращения: 15.11.2016)
3. Кирьянов, О. КНДР увеличила урожаи // Российская Газета. 23.11.2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rg.ru/2012/11/23/korea-site.html>. (дата обращения: 15.11.2016)
4. Ланьков, А.Н. КНДР: откуда мы знаем то, что знаем. Открытая лекция в Институте восточных культур и античности РГГУ на кафедре истории и филологии Дальнего Востока. 27 февраля 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=aBvy2Jpmh6k>. (дата обращения: 15.11.2016)
5. Ланьков, А.Н. С новым вождем! Как изменится политика КНДР после смерти Ким Чен Ира // Лента.Ру. 12 января 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/01/12/kim/> (дата обращения: 15.11.2016)
6. Мальцева, О.П. Вальс с Ким Чен Иром. Владивосток: Изд-во «Новая Волна-Пресс», 2004. 146 с.

7. Новая стратегия США: флот сосредоточится в Тихом океане // Флот – XXI век. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://blackseafleet-21.com/news/4-06-2012_novaja-strategija-ssha-flot-sosredotochitsja-v-tihom-okeane. (дата обращения: 15.11.2016)

8. Gowans, St. Turning the threatened into the aggressor: Media distortions in coverage of North Korea's nuclear test [Online]. URL: <https://gowans.wordpress.com/2009/05/31/turning-the-threatened-in-the-aggressor-media-distortions-in-coverage-of-north-koreas-nuclear-test/>. (date of access: November 15, 2016)

9. Maupin, Caleb. Western Kim-Phobia & The Danger of War // New Eastern Outlook 11.05.2016 [Online] URL: <http://journal-neo.org/2016/05/11/western-kim-phobia-the-danger-of-war/> (date of access: November 15, 2016)

10. Stea, Carla. North Korea, «Genocide by Sanctions»: UN Double Standards Pertaining to Sanctions and their Devastating Social Impacts // Global Research. January 10, 2014. [Online]. URL: <http://www.globalresearch.ca/north-korea-un-double-standards-pertaining-to-sanctions-and-their-devastating-social-impacts/5364484>. (date of access: November 15, 2016)

References

1. Vorontsov, A. V. The New Phase of Russian Policy on the Korean Peninsula and in Relations with North Korea (in Russ.) *Geopolitika*. 24.04.2014 [Online]. URL: <http://geopolitics.by/analytcs/novaya-faza-politiki-rossii-na-koreyskom-poluostrove-i-v-otnosheniyah-s-kndr> (date of access: November 15, 2016)
2. Vorontsov, A. V., Evseev V. V. North Korea: to Break the Deadlock (in Russ.). *Russia in Global Affairs*. October 26, 2005. [Online] URL: http://globalaffairs.ru/number/n_5751. (date of access: November 15, 2016)
3. Kirjanov, O. North Korea has Increased Yields (in Russ.). *Rossiyskaya Gazeta*. 23.11.2012. [Online]. URL: <http://rg.ru/2012/11/23/korea-site.html>. (date of access: November 15, 2016)
4. Lan'kov, A. N. *North Korea: How Do We Know What We Know*. Open lecture at the Institute of Oriental Cultures and Antiquity in the Department of History and Philology of the Far East, Russian State Humanitarian University. February 27, 2015. (in Russ.) [Online]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aBvy2Jpmh6k>. (date of access: November 15, 2016)
5. Lan'kov, A. N. With a new leader! How will North Korea Policy Change after the Death of Kim Jong Il. *Lenta.Ru*. January 12, 2012. (in Russ.) [Online]. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/01/12/kim/> (date of access: November 15, 2016)
6. Maltseva, O. P. *Waltz with Kim Jong Il*. Vladivostok: «Novaya Volna-Press», 2004. 146 c. (in Russ.)
7. The New US Strategy: The Fleet is Concentrated in the Pacific Ocean (in Russ.). *Flot – XXI vek*. [Online]. URL: http://blackseafleet-21.com/news/4-06-2012_novaja

strategija-ssha-flot-sosredotochitsja-v-tihom-okeane. (date of access: November 15, 2016)

8. Gowans, St. *Turning the Threatened into the Aggressor: Media Distortions in Coverage of North Korea's Nuclear Test* [Online]. URL: <https://gowans.wordpress.com/2009/05/31/turning-the-threatened-in-the-aggressor-media-distortions-in-coverage-of-north-koreas-nuclear-test/>. (date of access: November 15, 2016)

9. Maupin, Caleb. Western Kim-Phobia & The Danger of War. *New Eastern Outlook*. 11.05.2016. [Online] URL: <http://journal-neo.org/2016/05/11/western-kim-phobia-the-danger-of-war/> (date of access: November 15, 2016)

10. Stea, Carla. North Korea, «Genocide by Sanctions»: UN Double Standards Pertaining to Sanctions and their Devastating Social Impacts. *Global Research*. January 10, 2014. [Online]. URL:

<http://www.globalresearch.ca/north-korea-un-double-standards-pertaining-to-sanctions-and-their-devastating-social-impacts/5364484>. (date of access: November 15, 2016).

ОБ АВТОРЕ:

Мальцева Ольга Петровна, кандидат политических наук, доцент департамента коммуникаций и медиа, Школа гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, д. 8, г. Владивосток, 690091, Российская Федерация. E-mail: olpmal@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga P. Maltseva, PhD in Political Science, Associated Professor, Department of Mass Communication and Media, School of Humanities, Far Eastern Federal University, 8 Sukhanova St., Vladivostok, 690950, Russian Federation. E-mail: olpmal@mail.ru

АРХИВ

УДК 929:(908+930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-48-58

Московкин В. М.¹,
Шатохин И. Т.²

**ВЫПУСКНИК БЕЛГОРОДСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА 1897 г. РЫБАЛКИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ:
БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСТВО**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: shatohin@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье описаны и проанализированы биография и творческий вклад в интеллектуальную жизнь российской провинции выпускника Белгородского учительского института 1897 года Михаила Михайловича Рыбалкина. Детально описаны его не опубликованные рукописи воспоминаний о Белгородском учительском институте и о Л.Н. Толстом, хранящиеся в Белгородском областном краеведческом музее, отмечены его письмо В.Г. Черткову, хранящееся в РГАЛИ, учительская, просветительская и предпринимательская деятельность в Области Войска Донского, а также вклад в кооперативное движение в Башкирии.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт; Московский коммерческий институт; Рыбалкин М.М.; Ларионов Д.Н.; Толстой Л.Н.; Чертков В.Г.; Область Войска Донского; Башкирия; Уфимская губерния; Харьковский учебный округ.

Moskovkin V. M.¹,
Shatohin I. T.²

**MIKHAIL RYBALKIN, A 1897 GRADUATE OF BELGOROD TEACHERS'
INSTITUTE: BIOGRAPHY AND ACHIEVEMENTS**

¹Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

²Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: shatohin@bsu.edu.ru

Abstract. The article describes the biography of Mikhail Rybalkin, a 1897 graduate of Belgorod Teachers' Institute, and analyzes his contribution to the intellectual life of the Russian province. The authors provide a detailed description of his unpublished manuscripts of memoirs about Belgorod Teachers' Institute and L.N. Tolstoy which are stored in Belgorod Regional Museum of Local History. Besides, the authors discuss his letter to V.G. Chertkov which is stored in the Russian State Archive of Literature and Art, his teaching, educational and entrepreneurial activities on the Land of the Don Cossacks, as well as his contribution to the cooperative movement in Bashkiria.

Key words: Belgorod Teachers' Institute; Moscow Institute of Commerce; Mikhail Rybalkin; Dmitry Larionov; Leo Tolstoy; Vladimir Chertkov; the Land of the Don Cossacks; Bashkiria; Ufa Province; Kharkov Educational District.

В 2016 году исполнилось 140 лет Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету (НИУ «БелГУ»), который берет свое начало с Белгородского учительского института, созданного в 1876 г. О деятельности этого института и его директоров можно прочитать в ряде юбилейных изданий и статей¹. До последнего времени какие-либо

Н.В. Камышанченко. Белгород: Изд-во БелГУ, 1999; Базелеева, В.А. Библиотеке Белгородского государственного университета 125 лет // Научные и технические библиотеки. 2001. № 12. С. 94-98; Болгова, А.М. К истории учреждения Белгородского учительского института // Научные ведомости БелГУ. Сер. Педагогика. 2002. № 2. С. 239-249; Нерубенко, М. В учительстве начало всех начал: к 135-летию Белгородского учительского института // Наш Белгород. 10 декабря 2011; Московкин, В.М. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники // Научный результат. Серия «Социальные и

¹ От учительского института к государственному университету. Белгород: Изд-во БелГУ, 1996; Истории вуза страницы листая... / сост. Н.И. Руднева; отв. ред.

воспоминания преподавателей и выпускников Белгородского учительского института среди опубликованных материалов отсутствовали. Несколько лет назад мы обнаружили одно из таких рукописных воспоминаний о Белгородском учительском институте, а также ряд сопутствующих рукописных и опубликованных воспоминаний одного из дореволюционных выпускников этого института.

В Белгородском областном краеведческом музее хранятся две уникальные рукописи выпускника Белгородского учительского института 1897 г. Рыбалкина Михаила Михайловича (1877–1963). Первая рукопись посвящена воспоминаниям автора об обучении в Белгородском учительском институте (БУИ). Из рукописи следует, что автор в 1896-1897 учебном году был на последнем III курсе, то есть являлся выпускником БУИ 1897 г. Это, на сегодняшний день, первое дошедшее до нас письменное воспоминание об институте. Вторая рукопись посвящена воспоминаниям автора о его встрече со Львом Николаевичем Толстым в июле 1903 г., событиям в Москве во время известия о смерти Л.Н. Толстого и его похорон в ноябре 1910 г., а также ноябрьским событиями 1911 г.

Первая рукопись была принята на постоянное хранение в Белгородский областной краеведческий музей 13 мая 2009 г. (Акт № 86). Она состоит из четырех частей, составляющих четыре ученические тетради в широкую линию. На всех тетрадях почерком автора написано название Белгородского учительского института, а почерком его старшей дочери Татьяны Михайловны Рыбалкиной написано «Рыбалкин Михаил Михайлович».

Первая часть рукописи озаглавлена: «Меню в Учительском институте. Пирог», и на ней стоит дата 6.02.1962 г. Вторая часть рукописи озаглавлена

«Пропал рубль» и датирована 13.02.1962 г. Третья часть рукописи никак не озаглавлена, на ней стоит дата 1 марта 1962 г. Четвертая часть рукописи озаглавлена «В руках был аттестат. Позвали к директору» (почерк дочери), и на ней стоит дата 9.03.1962 г. Даты, стоящие на обложках тетрадей, говорят о том, что рукопись писалась в течение не менее чем одного месяца. Преклонный возраст автора сказался на плохом качестве рукописи. Она написана очень плохим почерком, в ней много зачеркиваний, переносов, вставок и несвязных кусков текста. Всё это потребовало много времени на ее расшифровку.

Приведем теперь краткую характеристику второй рукописи, которая была принята на постоянное хранение в Белгородский областной краеведческий музей. Она озаглавлена «Воспоминание о Льве Николаевиче Толстом» и датирована 09.11.1960 г. (г. Акмолинск, Казах. ССР). Рукопись состоит из четырех частей, составляющих четыре ученические тетради в клетку, имеет 43 пронумерованных листа, на последнем из которых указано «Копия верна. Т. Рыбалкина, дочь, 21.08.1992 г., подпись». Из этого следует, что первоначальная рукопись автора начисто была переписана его старшей дочерью Татьяной Михайловной Рыбалкиной в 1992 г.

В послесловии к рукописи указано, что она отсылается в редакцию «Литературной газеты», а в случае отказа в ее публикации автор просит выслать ее обратно: «P.P.S. Если Вас не заинтересуют мои строки, то почтительнейше прошу выслать их мне, исправившему за 52 года учительства 104000 письменных работ. Никто не помог мне писать лучше. Желая доброго здоровья и еще больших успехов в Вашей благотворной деятельности. С коммун. прив., Рыбалкин Мих.»

Основу рукописи составляет рассказ автора, работавшего в описываемое время учителем четырехклассного окружного училища станции Великокняжеской Области Войска Донского, о поездке и встрече с Л.Н. Толстым в Ясной Поляне в июле 1903 г.

Детальный и содержательный анализ воспоминаний о Белгородском учительском институте показывает, что их автор любит и хорошо умеет анализировать явления и события, а также делать обобщения. Рукопись начинается с перечисления всех известных ему учительских институтов. Видя, что многие из них находятся в провинции, он делает вывод, соответствующий идеологическим представлениям и оценкам политики самодержавия в области образования: «Правительство в своем неусыпном стремлении к

гуманитарные исследования». 2014. № 2. С. 29-41; Московкин, В.М. Забытый деятель народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу как известный византист // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 21. Вып. 32. С. 104-105; Московкин В.М. О крупном деятеле народного образования Юга России Александре Федоровиче Комарове (1842-1918) // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 20. Вып. 23. С. 204-211; Московкин, В.М. Очерки о дореволюционных директорах Белгородского учительского института // Сучасні проблеми науки та освіти: матеріали 14-ї міжнар. міждисциплінар. наук.-практ. конф. / Укр. асоц. "Жінки в науці та освіті", Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. Харків, 2014. С. 35-48.

распространению знаний для студентов этих институтов старалось уединить их от широкой общественности, от всяких вредных политических влияний, от проникновения в их среду тенденций прогресса...».

М.М. Рыбалкин в своих воспоминаниях приводит уникальные сведения о здании института, которое описано подробно и поэтично, и о прилегающих к нему постройках. Это особенно важно, потому что здание не сохранилось, а в краеведческой литературе такие сведения отсутствуют. Автор сообщает о конкурсе экзаменов для поступающих в БУИ: «В 1893 г. в Белгородский учительский институт прибыло на экзамены 172 юноши на 13 имевшихся вакантных мест, а в следующем году аналогичные числа были – 122 к 14».

Очень подробно описано меню, которое отличалось полным отсутствием зелени, что автор ставил в вину городскому врачу: «Городской врач находил, что зелень и фрукты – средоточие и источник всех болезней». В своих воспоминаниях М.М. Рыбалкин описывал городских врачей как заедлых картежников и бездарей, пекущихся только о своем доходе и благополучии, а не о здоровье пациентов и выполнении своего профессионального долга.

Также очень детально рассказано об уроках духовой музыки под руководством известного войскового капельмейстера, родом из Чехии, И.Ф. Шорфа, и о спорах по поводу целесообразности этих занятий. Автор отмечает, что директор БУИ Д.Н. Ларионов был очень доволен успехами студентов и указывал, что участие в игре рождает общественное единство товарищеской солидарности, а также воспитывает способность к терпению и поднимает авторитет: «Так вы будете хотя бы и семи пядей во лбу, об этом никто из общества не узнает, а вот когда своею игрою вы заинтересуете это общество, о вас это общество уже иначе заговорит!» Это вызывало, как отмечает автор рукописи, у студентов бурю возражений, «из которых основным считалось предположение, не является ли увлечение музыкой методом отвлечения студентов от чтения серьезных книг и, своего рода, методом задержки отечественного просвещения».

Далее М.М. Рыбалкин развивает и аргументирует это предположение следующими пронзительными словами: «Как ни остроумно была составлена наша учебная программа, возглавляемая «Законом Божьим», директор нашел еще и новые, целестремительные методы – уроки духовой музыки, как наглядный прием

против жупела неблагонадежности. И верно – приезжали губернаторы и Фон Валь, и еще кто-то, и попечитель Харьковского учебного округа, и всё обошлось благополучно, и даже более того: директор получил чин действительного статского советника – гражданского генерала и «ленту через плечо»... И закралась в наши чистые, не тронутые никакой меркантильностью души досадная мысль: а что, не нашими ли трудами, истрачивая по 6 часов в неделю на уроки музыки, мы содействовали повышению нашего директора в его шествии по административной лестнице, искалечив его нравственно, перевоплотив его из педагога в бездушного стяжателя чинов и орденов?». Это очень резкая и уничижительная характеристика Дмитрию Николаевичу Ларионову, проработавшему более двадцати лет на посту директора БУИ.

Примерно то же самое происходило и на уроках пения вместе с Законом Божьим, где основные дивиденды получал уже священник. В этом месте рукописи М.М. Рыбалкин снова останавливается на воспитательных методах директора, который для создания, как пишет автор, «гуманитарных черт характера своих питомцев, опирался на те же факторы воспитания, которые облегчали ему его работу». Так он пишет: «В первых двух классах практикума, для которых академические часы продолжались 55 минут, преподаватель, проводивший данный урок, вдруг прекращал свои занятия приказанием: «Прекратите свою работу! Закройте тетради и книги! Сейчас мы будем петь!». Автор задумывается над тем, почему первым из вступительных экзаменов шло пение, и сразу отвечает на вопрос. Попу-настоятелю одной из лучших белгородских церквей нужны были хорошие голоса: «Лучшие голоса отличались, и счастливыцы – обладатели их, «пропускались», так сказать, вне очереди, снисходя к их слабым ответам по другим предметам». Он также отмечал, что хор БУИ славился на всю епархию, и когда город навещал архиепископ Курский и Белгородский, то он всегда появлялся в институте, чтобы послушать его. В результате «Поп получал одну награду за другой, не имея ни в какое время никаких заслуг в подвижнической жизни. К стыду архипастырей, награждавших его, награждаемый был развратный вдовец, проделки, проявляемые им на данном пути грехопадения, были притчей во языцех среди торговков всех предместий города».

Очень детально автор описывает пору экзаменов и погоню за золотыми медалями. На примере экзамена по «Катехизису» он показывает,

как принцип извечной борьбы с другими верованиями приводил к неискренности «отношений к товарищам, не единоверцам – католикам или лютеранам, подозреваемых, как нелояльных подданных, у которых как бы таилась мысль о политической измене».

Любопытно описана предэкзаменационная пора, когда честолюбцы-однокурсники «выбивали» у директора отдельные комнаты с ключами для подготовки к экзаменам и становились фактически затворниками. Этот феномен автор характеризует как «Весной избавляться от весны, вместо того чтобы запастись ее воздухом на целый год». И этот энтузиазм затворничества привел к тому, пишет автор, что «чахотка свила прочное гнездо в стенах Института». Он отмечал, что за три года обучения в Институте от нее умерли: Егоров, Жерноклеев, Жлобинский, Машков, Медер, Русин, Шевцов. Получили предрасположение к ней: Гусев, Ильин, Кудрявцев, Майборода и сам автор – Рыбалкин.

В этом месте рукописи описан интересный случай временного излечения от туберкулеза студента Майборода с помощью кумысолечения в Башкирии, куда он был послан на средства института.

Автор делает замечание о том, что в гимназиях заболевание туберкулезом не отмечалось, и объясняет это тем, что дворянские дети находились в хороших условиях своих семейных домов, а не снимали квартиры, как институтские учащиеся, а заодно делает упрек институтскому врачу в непонимании этого феномена.

М.М. Рыбалкин зафиксировал существовавшие в институте, вероятно, с разрешения или руководящего указания директора, поведенческие установки и отношения преподавателей к двум группам студентов – «молодым» (19-21 год) и «старикам» (24-38 лет), пришедшим в институт с должностей сельских учителей. Как отмечает автор, последних практически не спрашивали, ставя им отличные оценки.

Интересны подробные портреты учителей истории и географии Н.П. Ильинского и русского языка Б.А. Цацкина, а также портрет капельмейстера И.Ф. Шорфа. Автор, говоря об институтских учителях – выпускниках Императорских университетов, отмечает, что они не изучали педагогику, считая себя «преподавателями», а не «учителями», присваивая в первом понятии смысл преподавания (лекционное ведение урока), когда преподаватель не заботится о том, как усвоили материал студенты. Им также описан институт репетиторства.

Любопытны и мысли автора о классиках педагогики, где он полемизирует с самим К.Д. Ушинским.

В заключение М.М. Рыбалкин описывает вручение ему аттестата и прощальную встречу с директором, после которой он был очень разочарован: «Уже в руках у меня был аттестат, когда вдруг позвали меня к директору... Он был взволнован от пережитого «прощального» настроения. Я поклонился ему. Он, с чуть сдержанной улыбкой, желая выразить теплоту своих ко мне отношений, произнес: «Ну, прощай! Помни: отец тебя родил, а я тебя воспитал!». Я снова сделал поклон, расстроясь всем пережитым. Однако не того я от него ожидал. Девять лет я был предметом его воспитательных методов. Я думал: он, мой воспитатель, протянет мне руку... и, может быть, обнимет меня, потому что свою роль в отношении ко мне он приравнивал к роли отца нравов и моих знаний.... Но, увы, предо мною предстал действительный статский советник и кавалер. И прежние громкие слова его о высокой роли педагога были безжалостно компенсированы. И еще горше стало мне – какой корабль предпочесть мне? С разбитыми мыслями, разочарованием, вышел я из кабинета педагога, к которому девять изнурительных запутанных лет я с надеждою присматривался». Такой длительный срок обучения автора этих воспоминаний в БУИ связан с тем, что перед поступлением он проучился шесть лет в городском училище при этом институте.

Важно отметить, что М.М. Рыбалкин застал процесс обновления педагогов в БУИ, а мы, имея официальные данные по преподавательскому составу этого института за 1894 г., когда в нем учился автор воспоминаний, идентифицировали этих преподавателей, а также вспомогательный служебный персонал. Дело в том, что в рукописи полностью приведены лишь фамилии капельмейстера, учителя музыки И.Ф. Шорфа, учителя русского языка и литературы Б.А. Цацкина и учителя истории и географии Н.П. Ильинского (в рукописи дано: Н.П. И-ский).

Подтверждение смены преподавательского состава института в 1894-1895 учебном году и более детализированные сведения об учителях зафиксированы в опубликованных справочных изданиях тех лет², которые и послужили основой для двух представленных справочных таблиц (табл. 1, 2).

² Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. Харьков, 1894. С. 209-211; Прибавление к № 5 циркуляра по Харьковскому учебному округу. Май 1895. Харьков, 1895.

Таблица 1

Служащие Белгородского учительского института в 1894 г.

Table 1

Employees of Belgorod Teachers' Institute in 1894.

Белгородский учительский институт. Основан в 1876 г. Помещается в наемном доме (за 3000 р. в год). Содержание института и состоящего при нем городского училища – из Государственного казначейства 26206 р. в год. Учащихся 41. Окончивших курс 12.	В службе и ведомстве / The service life of the ministry	В должн. и в завед. и класс должн. / Term of employment positions and class positions	Последняя награда / Last award
Директор – статский советник Дмитрий Николаевич Ларионов , кандидат историко-филологического факультета Казанского университета (в. прав.). <i>Орд.</i> : Св. Владимира 3 степени, Св. Анны 2 степени и Св. Станислава 2 степени. Жалование 1200 р., стол. 800 р. и пенсии 850 р., итого 2850 р. и казенная квартира.	20 августа 1866	28 октября 1878 V	1 января 1889 г. орден Св. Владимира 3 степени
Законоучитель – священник Лев Николаевич Булгаков , кандидат Богословия Киевской духовной академии (он же законоучитель в Белгородской женской гимназии и настоятель церкви института). Имеет набедренник. Жалование 650 р., стол. 550 р. и по должности настоятеля церкви 120 р., итого 1320 р.	31 мая 1887	31 мая 1887	10 мая 1890 г. Набедренник
<i>Преподаватели / Educators:</i>			
Русского церковно-славянского языка – статский советник Борис Александрович Цацкин , кандидат историко-филологического факультета, по отделению исторических наук, университета Святого Владимира (он же преподаватель педагогики в Белгородской женской гимназии) (вероисповедание – православие). <i>Орд.</i> : Св. Станислава 2 степени и Св. Анны 3 степени. Жалование 650 р. и стол. 550 р., итого 1200 р.	1 июля 1877	1 июля 1877 VIII	26 декабря 1891 г. орден Св. Станислава 2 степени
Математики – состоящий в VIII классе Александр Александрович Потебня , окончивший курс в Харьковском университете, по физико-математическому факультету, отделение математических наук, с дипломом 1 степени (вероисповедание – православие). Жалование 650 р. и стол. 550 р., итого 1200 р.	6 сентября 1893	6 сентября 1893 VIII	–
Истории и географии – надворный советник Николай Павлович Ильинский , кандидат историко-филологического факультета отделения исторических наук Харьковского университета (он же библиотекарь института, преподаватель географии в Белгородской женской гимназии и действительный член Санкт-Петербургского археологического института) (вероисповедание – православие). <i>Орд.</i> : Св. Станислава 3 степени. Жалование 650 р. и стол. 550 р., итого 1200 р.	11 октября 1883 – 1 августа 1885	1 августа 1885 – 14 февраля 1886 VIII	22 декабря 1889 г. орден Св. Станислава 3 степени
Естественной истории и физики – коллежский советник Иван Васильевич Попов , кандидат физико-математического факультета, отделение естественных наук Харьковского университета (он же секретарь Педагогического совета института и преподаватель естествоведения и физики в Белгородской женской гимназии) (вероисповедание – православие). <i>Орд.</i> : Св. Станислава 3 степени. Жалование 650 р. и стол. 550 р., итого 1200 р.	15 сентября 1883	15 сентября 1883 VIII	22 декабря 1889 г. орден Св. Станислава 3 степени
Черчения и рисования – титулярный советник Иван Артемьевич Шевелин (временно преподавал чистописание), неклассный художник Санкт-Петербургской академии художеств (он же преподаватель рисования в Белгородской мужской и женской гимназиях) (вероисповедание – единоверие).	18 ноября 1886	18 ноября 1881 – 18 ноября 1886 VIII	–

Жалование 300 р., стол. 200 р. и за уроки чистописания 500 р., итого 1000 р.			
Пения (по найму) – священник Николай Васильевич Боголюбов , окончивший курс в Курской духовной семинарии. Имеет камилавку, скуфию и набедренник. Жалование 500 р.	16 августа 1867 – 1 сентября 1876	1 сентября 1876	15 мая 1891 г. камилавка
Игры на духовых инструментах (по найму) – капельмейстер 31-й артиллерийской бригады Иосиф Францович Шорф , воспитывался в Пражском музыкальном училище (он же учитель музыки в Белгородской мужской гимназии) (вероисповедание – римско-католическое). Жалование 75 р.	–	22 февраля 1893	–
Врач – статский советник Владислав Алексеевич Босков , окончивший курс медицинского факультета Харьковского университета (он же врач при Белгородской мужской и женской гимназии, и уездного училища) (вероисповедание – православие). <i>Орд.</i> : Св. Анны 2 степени и Св. Станислава 2 степени. Жалование 300 р.	С 4 мая 1870 по 25 мая 1871 и с 11 марта 1872 – 11 марта 1872	4 июля 1874 – 19 июля 1876 VIII	28 декабря 1888 г. орден Св. Анны 2 степени
Эконом (по найму) – Иван Павлович Дагаев , окончивший курс в Старооскольском духовном училище (вероисповедание – православие). Жалование 400 р. и казенная квартира.	–	1 августа 1886	–
Письмоводитель (исполняющий обязанности из платы по найму) – Михаил Иванович Лебединский , обучавшийся в Рыльском духовном училище (вероисповедание – православие). Жалование 300 р.	29 января 1869	1 августа 1880	–

Таблица 2

Из ведомости о числе уроков, пропущенных преподавателями и преподавательницами в гимназиях
и прогимназиях, мужских и женских, реальных училищах и институтах, в 1894 г.

Table 2

From the register on the number of lessons missed by teachers in the public schools and preschools, male and female,
real schools and colleges, in 1894.

Фамилии преподавателей / Names of teachers	Предметы преподавания / Teaching subjects	Число уроков, которые следовало дать в 1894 гражданском году / The number of lessons that should be given in 1894	Число пропущенных уроков / The number of missed lessons			Процентное отношение пропущенных уроков к общему их числу / The percentage of missed lessons to the total number
			По болезни и другим уважит. Причинам / In sickness and other legitimate reasons	По вызову в суд / Due to subpoena	По неуважительным причинам / Without a valid reason	
В Белгородском учительском институте						
Ларионов	Педагогика и дидактика	176	6	–	–	3,4
Булгаов	Закон Божий	364	29	–	–	7,9
Цацкин	Русский и церковнославянский языки	416	105	–	–	25,2
Попов (до 30 июля)	Естествоведение и физика	166	6	–	–	3,6
Ильинский Н.	История и география	351	8	13	–	5,9

Потебня (до 24 августа)	Алгебра, арифметика и геометрия	277	56	–	–	20,2
Ильинский В. (с 31 августа)	Естествоведение и физика	168	25	–	–	14,8
Шевелин	Черчение, рисование и чистописание	331	5	5	–	3,02
Боголюбов	Пение	189	44	2	–	24,3
Подтягин	Гимнастика в институте и все предметы, кроме Закона Божия и пения, в городском училище	856	38	–	–	4,4
Черняков	Все предметы, кроме Закона Божия, гимнастики и пения, в городском училище	700	–	13	–	1,8
<i>He пропустил ни одного урока / Did not miss lessons</i>						
Цариков (с 15 сентября)	Алгебра, арифметика и геометрия	209	–	–	–	–
Итого / Total		4203	322	33	–	8,4
<i>Примечание / Note:</i>						
Из числа пропущенных уроков были заняты: директором института Ларионовым 93, преподавателями: Цацкиным 2, Поповым 1, Н. Ильинским 11, Шевелиным 2, священником Боголюбовым 1, Потебней 1, Цариковым 2, В. Ильинским 1 и учителями городского училища: Подтягиным 13 и Черняковым 17. Пропущенные уроки в городском училище были заняты, по назначению директора и под его наблюдением, воспитанниками III класса института. На остальных пропущенных преподавателями уроках воспитанники института были заняты решением математических задач и письменными упражнениями по русскому языку.						

В «Прибавлении к № 5 циркуляра по Харьковскому учебному округу. Май 1895» приводятся ведомости о числе уроков, пропущенных преподавателями и преподавательницами в гимназиях и прогимназиях, мужских и женских, реальных училищах, учительских семинариях и институтах за 1894 год. Из ведомости по БУИ (табл. 2) мы видим, что учителя естествоведения и физики, коллежского советника Ивана Васильевича Попова, проработавшего в Институте 12 лет (поступил на службу в БУИ 15 сентября 1883 г.) (табл. 1), сменил 31 августа 1894 г. надворный советник Василий Павлович Ильинский, кандидат физико-математического факультета Императорского Харьковского университета (более детальные сведения о нем почерпнуты нами из «Списка лицам, служащим по Харьковскому учебному округу за 1902 г.»). Далее, учителя математики (алгебры, арифметики и геометрии) Александра Александровича Потебню, проработавшего всего один год в БУИ (табл. 1), с 15 сентября 1894 г. сменил Константин Васильевич Цариков, выпускник отделения математических наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (более детальные сведения о нем почерпнуты из «Списка лицам, служащим по Харьковскому учебному округу в 1894 г.»). Но уже 21 января 1895 г. он был освобожден от этой должности¹.

¹ Циркуляр № 3 за 1895 г. по Харьковскому учебному округу. Харьков, 1895.

В то же время уволенные в 1894 г. из БУИ И.В. Попов и А.А. Потебня переведены, соответственно, на должности инспектора народных училищ Воронежской губернии и преподавателя математики Харьковской женской гимназии, содержавшейся госпожою Оболенской².

После А.А. Потебни и К.В. Царикова, у которых учился математике М.М. Рыбалкин, на должность преподавателя математики с 1 января 1896 г. пришел кандидат физико-математического факультета Императорского Харьковского университета Иван Дмитриевич Штукарев³.

Предшественником всех этих молодых учителей математики был Петр Гаврилович Головачёв, кандидат физико-математического факультета Императорского Харьковского университета, который всю жизнь проработал в БУИ с момента его основания.

Сверхштатный учитель истории и географии Харьковского уездного училища Дмитрий Войнилович октябрьским 1895 года приказом по округу назначен исполняющим должность преподавателя истории и географии БУИ⁴, а из «Списка лицам, служащим по Харьковскому учебному округу в 1903 г.» мы узнаем, что надворный советник Дмитрий Иванович Войнилович, кандидат историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, вступил в эту должность 3 октября

² Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. Харьков, 1894. С. 209-211.

³ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу в 1902 г. Харьков, 1902.

⁴ Циркуляр № 11 по Харьковскому учебному округу за 1895 г. Харьков, 1895.

1895 г.⁵. Как следует из табл. 1, Д.И. Войнилович сменил на этой должности надворного советника Николая Павловича Ильинского, проработавшего в БУИ 10 лет.

Таким образом, официальные данные уточняют временной интервал, о котором упоминал М.М. Рыбалкин в связи с процессом обновления педагогических кадров БУИ. Как видим, этот интервал относится к 1894–1896 гг.

Хотя М.М. Рыбалкин в своей рукописи дает уничижительные характеристики врачу и священнику, не называя их по имени, из табл. 1 следует, что первым был статский советник, лекарь Владислав Алексеевич Босков, выпускник медицинского факультета Императорского Харьковского университета, работавший в БУИ со дня его основания, а вторым – учитель пения по найму, священник Николай Васильевич Боголюбов, также работавший в БУИ, практически, со дня его основания.

В рукописи М.М. Рыбалкина даны краткие характеристики, без указания на фамилии, на учителей естествознания и физики, математики и физической культуры (гимнастики): «Естествовик получил должность директора народных училищ Тамбовской губернии. О нем жалел весь институт»; «Математик ушел в отставку за старостью лет»; «Преподавал гимнастику учитель физкультуры городского училища, мастер своего дела».

В первом случае речь идет о И.В. Попове, который, согласно официальным данным, назначен на должность инспектора народных училищ Воронежской губернии, а не на должность народных училищ Тамбовской губернии, во втором – о П.Г. Головачеве, в третьем – о Подтягине.

Три поименные характеристики были даны автором очень подробно. Несмотря на критику чрезмерных музыкальных занятий с точки зрения их ущерба для изучения фундаментальных дисциплин, автор дает прекрасную характеристику капельмейстеру И.Ф. Шорфу. В то же время, учитель русского языка и литературы Б.А. Цацкин, «который на свою работу смотрел как на трату здоровья и поэтому старался избегать ее», получил очень негативную характеристику. На это указывают и данные табл. 2, из которой мы видим, что Б.А. Цацкин имел наибольшее число пропусков, и согласно свидетельству рукописи М.М. Рыбалкина, он подтверждал их липовыми справками врача. Об учителе истории и географии было сказано, что

он проводил занятия халтурно, был заядлым пасечником и напечатал брошюру «История Белгорода». Сведений об этой брошюре в справочной библиографической и краеведческой литературе не сохранилось.

Из воспоминаний автором о вспомогательном служебном персонале, помимо подробной характеристики врача, вскользь упоминается о «грубейшем письмоводителе». Согласно табл. 1, им был Михаил Иванович Лебединский, работавший в БУИ с 1 августа 1880 г.

Наш анализ рукописи «Воспоминаний о БУИ» М.М. Рыбалкина показывает, что она не готовилась для печати и носила характер личных размышлений и переживаний автора. Писалась она в конце 50-х-начале 60-х годов XX в. с некоторыми ссылками на научные и художественные труды 50-х годов XX в. Можно предположить, что в студенческие годы автор вел личный дневник, записи из которого и составили основу его воспоминаний.

В отличие от первой, вторая рукопись М.М. Рыбалкина переписана хорошим почерком дочери автора, с целью отсылки ее в редакцию «Литературной газеты», о чем имеется надпись на первой странице рукописи.

В самом начале рукописи автор описывает свою поездку 3 июля 1903 г. из Москвы на почтовом поезде № 3 «Москва–Ростов-на-Дону» до маленькой станции «Козлова Засака», находящейся в 18 верстах от Тулы. На эту станцию поезд из Москвы прибывал в 12 часов ночи, как отмечал автор, в самое тяжелое время суток для пассажиров. Автор описывает вокзальное помещение, состоящее из грязной большой комнаты третьего класса для «черного люда» и небольшой комнаты второго класса для «чистой публики», а также саму публику (поселян, заработчиков), которая ехала на «косовицу» в богатые степи Дона и Кубани. Ярко описана сцена, когда дежурный по станции начал будить и разгонять просыпающихся людей из большого зала. М.М. Рыбалкин задается вопросом: «Почему же он их гонит? Ведь в трех верстах Лев Николаевич? Значит, он не почитает Льва Николаевича?».

Автор детально описывает весь свой путь, протяженностью три версты, до усадьбы Л.Н. Толстого, и все свои переживания и надежды от встречи с великим писателем. Он в раздумье от предстоящего вопроса Л.Н. Толстому, за ответом на который он специально приехал. Насколько важен и уместен сам вопрос «о призвании человека к известной деятельности?» – рассуждал автор. Он думал, как обратиться к великому писателю, который влиял на его поколение

⁵ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу в 1903 г. Харьков, 1903.

своими высказываниями, что «Царь – это атаман организованной разбойнической шайки, что помещики – уголовные преступники, тунеядцы, насильники, что религия – колдовство». Автор отмечает, что Л.Н. Толстой в 1902 г. был отлучен от православия, вспоминает, как решил назвать его «учителем» и поцеловать руку.

Далее живо описывается незабываемая встреча с великим писателем, его походка, выправка, осанка, взор и одежда. На вопрос М.М. Рыбалкина писатель ответил, что об этом он когда-то писал в своих сочинениях, опубликованных за границей, так как по причине российской цензуры они не могли быть изданы на Родине. Когда автор воспоминаний сообщил, что он был за границей и привез эти сочинения, не испорченные цензурой, Лев Николаевич стал более заинтересованно расспрашивать его и в заключение сказал: «То, что вас интересует, вы найдете в сочинениях хорошего моего друга Николая Николаевича Страхова. Вы прочтите его книгу «Дух и материя!»» Далее автор снова описывает внешность и характер великого писателя, знакомство с одним офицером и их неудавшуюся попытку увидеть еще раз Л.Н. Толстого во время его конной прогулки, их беседу на ту же тему «о назначении человека и о действительном смысле жизни». Перед самым отъездом со станции «Козлова Засаека» М.М. Рыбалкину удалось еще раз увидеть великого писателя и поприветствовать его, на что Лев Николаевич ответил легким наклоном головы.

Потом автор в своих воспоминаниях перескакивает на семь лет вперед, когда он был студентом третьего курса Московского коммерческого института, и описывает события, которые произошли в Москве во время известия о смерти великого писателя и его похорон. Он показывает переживания и потрясения, которые произвели эти события на студентов и профессоров института, а также на жителей Москвы, когда казалось, что «вся Москва стремилась попасть в Ясную: все вагоны трамваев, совершающих рейс до Курского вокзала, были переполнены, даже нельзя было найти извозчика!».

Автор описывает неудавшуюся попытку выезда на похороны в Ясную Поляну со своими товарищами Г. Кублицким (из Смоленска), М.А. Циммерманом (из Гомеля), С.А. Расторгуевым (из Богодухова) и М.А. Сильверстовым (из Белгорода). Из этого списка товарищей М.М. Рыбалкина блестящую карьеру сделал только Михаил Артурович Циммерман (Кутаиси, 1887 – Брно, 1935). В статье Кирилла Финкельштейна на его

персональном сайте kfinkelshteyn.ru отмечено, что М.А. Циммерман окончил в 1904 г. Царскосельскую Николаевскую гимназию и в 1910 г. юридический факультет Петербургского университета, эмигрировал в 1921 г. с Добровольческой армией в Константинополь, потом в этом же году в Чехию. Работал на Русском юридическом факультете в Праге, в 1929 г. был избран заведующим кафедрой международного права в Университете имени Масарика. В дополнение к этому, в википедической статье об этом ученом сказано, что вышедшая в 1996 г. в Праге на чешском языке в трех частях энциклопедия «Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 годах» содержит перечень его девяти книг по международному праву, опубликованных на чешском и словацком языках в Праге, Брно и Братиславе. В историю международно-правовой науки русского зарубежья М.А. Циммерман вошел как самый плодовитый автор, наследие которого до сих пор должным образом не изучено и не оценено.

М.М. Рыбалкин также описывает свое профессорское окружение во время похорон Л.Н. Толстого. Он кратко комментирует речи директора Московского высшего коммерческого института, профессора философии права П.И. Новгородцева, декана экономического отделения этого же института Г.Ф. Шершеневича, профессора истории экономических учений, редактора «Вех» С.Н. Булгакова, профессора физики, родственника С.А. Толстой, А. Цингера, произнесенные 12 ноября 1910 г. (по старому стилю) на торжественном собрании студенчества института совместно со всеми профессорами.

После этого автор рассказывает о московской студенческой демонстрации, прошедшей 7 ноября 1911 г. и приуроченной к годовщине смерти Л.Н. Толстого, которая прошла под лозунгами «Да здравствует революция! Долой царя!».

В заключение автор приводит любопытные строки, касающиеся его самого, из статьи «Тихо в Ясной», напечатанной в газете «Раннее утро» от 7 ноября (по старому стилю) 1911 г.: «Тихо здесь. Даже нет тех, кто хотел видеть Толстого. А у меня гость был, – сказал однажды Лев Николаевич, окончив свою утреннюю прогулку и восходя по ступенькам на веранду, где ожидало его к завтраку всё его окружение родных и близких. А кто? Кто такой? А какой-то учитель из Астрахани, что ли? Пришел, сел. «Что вам нужно», – спрашиваю его? «А я, Лев Николаевич, пришел на вас посмотреть». – «Смотрите, говорю!».

В биографии и характере М.М. Рыбалкина поражает огромная тяга к знаниям и подвижнический учительский труд на благо людей. Он вырос в простой семье и по своему социальному статусу не мог поступить в гимназию, а потом в университет. Но в конечном итоге, благодаря своему упорству, он получил в Московском коммерческом институте образование, ни в чем не уступающее университетскому. Более того, по воспоминаниям дочери М.М. Рыбалкина, он получил в советское время ученую степень кандидата экономических наук. Благодаря ее усилиям, в двух номерах волгоградской газеты «Казачий круг» было опубликовано довольно крупное произведение М.М. Рыбалкина «Станица Великого Князя»⁶, состоящее из предисловия в виде биографической статьи «Старый учитель», написанной дочерью автора, и нескольких очерков, посвященных жизни донских казаков.

Анализ всех трех произведений М.М. Рыбалкина позволил нам произвести глубокий поиск в Google. В результате мы выявили следующие факты из творческой деятельности и жизни автора и ряд обстоятельств, связанных с ними.

1. В РГАЛИ (Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2463) хранятся «Письма Рыбалкина Михаила Михайловича В.Г. Черткову» (на письмах пометки рукой В.Г. Черткова; крайние даты – 15 ноября 1910 г.).

Из этих сведений следует, что письма были написаны М.М. Рыбалкиным сразу же после смерти Л.Н. Толстого. О В.Г. Черткове шла речь в «Воспоминаниях о Льве Николаевиче Толстом», когда автор описывал беседу с молодым офицером, студентом из Александровска-Грушевского. Они сошлись на том, что в сравнении с картиной И.Е. Репина «Толстой на пашне», «еще менее находим мы сходных черт, когда обзираем многочисленные фотографические снимки В.Г. Черткова».

И еще раз М.М. Рыбалкин вспоминает В.Г. Черткова во время потрясшей всех кончины великого писателя: «Некоторые написали В.Г. Черткову, прося его объяснить подобный факт болезни, хотя дело было совсем не в том, чтобы им объяснили подобный факт, а в том, чтобы поставить в известность представителя тогдашней общественности о влиянии Толстого на молодежь». Отметим, что Чертков Владимир

⁶ Рыбалкин М.М. Станица Великого Князя // Казачий круг (Волгоград). 2000. № 27; 2001. № 3.

Григорьевич (1854–1936) являлся лидером толстовства как общественного движения, был близким другом Л.Н. Толстого в последний период его жизни, его фотографом, редактором и издателем его произведений. Когда М.М. Рыбалкин говорит Л.Н. Толстому, что он читал его произведения, изданные за границей, имеются в виду произведения, изданные В.Г. Чертковым.

2. В биографическом очерке о М.М. Рыбалкине его дочь упоминает о том, что ее отец работал в Уфе вместе с Цюрупой, наркомом продовольствия. Здесь следует иметь в виду, что Цюрупа Александр Дмитриевич (1870-1928) с 1905 по 1917 год работал управляющим имениями революционера князя В.А. Кугушева в Уфимской губернии и был назначен заместителем наркома продовольствия РСФСР в конце 1917 г. с поста Председателя Уфимской городской думы. В этой связи нам удалось выяснить, что во время работы в Уфе М.М. Рыбалкин опубликовал книгу «Очерк потребительской кооперации Уфимской губернии»⁷. Его дочь также упоминала о том, что он занимался вопросами потребительской кооперации и кредитными товариществами. Эта тема в то время была очень модной в российской экономической науке и практике, ее активно разрабатывали во всех российских коммерческих институтах и университетах и, похоже, М.М. Рыбалкин заинтересовался ею, будучи студентом Московского коммерческого института.

На эту работу М.М. Рыбалкина мы нашли ссылки в пяти отечественных диссертациях⁸, из чего можно сделать вывод, что в большинстве диссертаций по истории дореволюционного

⁷ Рыбалкин М.М. Очерк потребительской кооперации Уфимской губернии. Уфа, 1915. 98 с

⁸ Карлов В.В. Развитие кредитной деятельности и предпринимательства в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Уфа, 2002; Ковылин Д.А. Кооперация на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2002; Самородов Д.П. Капиталистическое развитие торговых в дореволюционной Башкирии, вторая половина XIX – начало XX века. Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Стерлитамак, 2002; Мысляева Н.С. Исторический анализ земского самоуправления в России (на материалах Уфимской губернии 1875-1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2002; Павлова О.С. Развитие государственного аграрного кредита на Южном Урале в эпоху капитализма: Конец XIX – начало XX века. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2004.

предпринимательства, кооперации и кредита на Южном Урале и в Башкирии имеются ссылки на вышеуказанную работу М.М. Рыбалкина. Ссылку на книгу М.М. Рыбалкина дает также «Энциклопедия Башкирии» в статье Гарипова Ф.Г. «Потребительская кооперация» (<http://ufa-gid.com/encyclopedia/potreb.html>). К сожалению, в сети Интернет отсутствует ссылка на кандидатскую диссертацию М.М. Рыбалкина, о которой упоминала его дочь, или на ее автореферат.

3. Получив качественное высшее образование экономиста-рыночника в очень влиятельном Московском коммерческом институте (МКИ) и занимаясь в дальнейшем, по словам дочери, кустарным промыслами, вопросами потребительской кооперации и кредитными товариществами, он, естественно, не мог не попасть в опалу у большевиков. Его дочь Тамара Михайловна Рыбалкина отмечает, что «в 1937 году, правда, этот сеятель разумного, доброго, вечного чуть не был отправлен в ГУЛАГ».

В этой связи вызывает интерес найденный нами на сайте репрессированных лиц следующий текст: «Рыбалкин Михаил Михайлович. Проживал: Кировский район, ст. Сторожевая. Приговорен: Протокол заседания Батрайзбиркома 1 декабря 1930 г., обв.; ст 15 «а» – как применявший наемный труд в своем хозяйстве. Приговор: лишен избирательных прав. Источник: Архив Карачаево-Черкесской Республики». (<http://lists.memo.ru/d28/f406.htm>). С большой вероятностью можно предположить, что эти сведения относятся к М.М. Рыбалкину – выпускнику БУИ и МКИ.

Открытие и введение в научный оборот воспоминаний выпускника Белгородского учительского института 1897 года Михаила Михайловича Рыбалкина позволило существенно расширить знание о повседневной жизни института в середине 1890-х годов, глазами

студента и выпускника увидеть директора, учителей и сотрудников, узнать о том, как был организован учебный процесс, об устремлениях и настроениях учащейся молодежи. Другие мемуары М.М. Рыбалкина не только осветили некоторые страницы биографии автора, но и дали возможность составить эскиз социального портрета одного из выпускников Белгородского учительского института – человека целеустремленного, деятельного, любознательного, открытого новому, рефлексирующего, прекрасно знающего и любящего литературу, бескорыстно служившего людям и сделавшего много полезного в области образования, науки и культуры.

ОБ АВТОРАХ:

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, кафедра мировой экономики, институт экономики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Шатохин Иван Тихонович, кандидат исторических наук, профессор, кафедра российской истории и документоведения, историко-филологический факультет, педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: shatohin@bsu.edu.ru

ABOUT AUTHORS:

Vladimir M. Moskovkin, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of World Economy, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Ivan T. Shatokhin, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: shatohin@bsu.edu.ru

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 1(091);167;82.09

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-59-70

**Материалы
«круглого стола»**

**Памятное: наследие Н.Н. Страхова
в интеллектуальной истории XIX–XXI вв.
Материалы «круглого стола»**

Участники:

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, главный редактор журнала «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования»; olkhov@bsu.edu.ru;
Мотовникова Елена Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета; motovnikova@bsu.edu.ru;

Лопин Роман Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета; lopin@bsu.edu.ru;

Шило Елена Ивановна, кандидат биологических наук, преподаватель Лингвистического образовательного центра Белгородского государственного аграрного университета им. В. Я. Горина; shi-e@yandex.ru;

Салманова Ирина Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Белгородского государственного института искусств и культуры; SalmanovaIF@yandex.ru;

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета; lipich@bsu.edu.ru;

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор Университета Сучжоу (провинция Цзянсу, КНР); pipimao@mail.ru;

Маляр Наталья Борисовна, свободный исследователь; natali_light@mail.ru;

Черкесов Валерий Николаевич, писатель, собственный корреспондент «Литературной газеты»; Valery.Cherkesov@yandex.ru;

Сагитова Лилия Кутузовна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры издательского дела и библиотекостроения Белгородского государственного института искусств и культуры; sagitova@bsu.edu.ru;

Монастырева Валентина Анатольевна, директор Научной библиотеки им. Н. Н. Страхова Белгородского государственного национального исследовательского университета; monastyreva@bsu.edu.ru;

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, директор музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета; denisova@bsu.edu.ru;

Абрамова Валентина Алексеевна, заслуженный работник культуры Российской Федерации; valaabramova@mail.ru.

Аннотация. Журнал «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» провел «круглый стол» «Памятное: наследие Н.Н. Страхова в интеллектуальной истории XIX–XXI вв.». Участники предприняли анализ современных стратегий исследования мышления и личности Н.Н. Страхова (1828–1896) – философа, ученого-естествоиспытателя, литературного критика и редактора, переводчика и пр. Уточнялись методологические приемы реконструкции познавательного наследия Н.Н. Страхова в перспективе актуализации интеллектуальной истории России XIX в. и в связи с региональными биографическими исследованиями, музейным и библиологическим проектированием мест исторической памяти на родине мыслителя (в историко-культурном и научно-образовательном пространстве г. Белгорода).

Ключевые слова: Николай Николаевич Страхов; интеллектуальная история; герменевтика и эпистемология исторического знания; реконструкция познавательного наследия; историческая память; региональные биографические исследования; музейное и библиологическое проектирование.

Participants:

Olkhov Pavel A., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Editor-in-chief of the journal "Research Result: Social Studies and Humanities"; olkhov@bsu.edu.ru;

Motovnikova Elena N., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University; motovnikova@bsu.edu.ru;

Lopin Roman A., Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Culturology and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University; lopin@bsu.edu.ru;

Shilo Elena I., Ph.D. in Biology, Associate Professor, Linguistic Educational Center of Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin; shi-e@yandex.ru;

Salmanova Irina F., Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Humanities, Faculty of History of Art and Intercultural Communication, Belgorod State Institute of Arts and Culture; SalmanovaIF@yandex.ru;

Lipich Tamara I., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University; lipich@bsu.edu.ru;

Zhu Tszynган, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, the People's Republic of China, Jiangsu Province; pipimao@mail.ru;

Malyar Natalya B., Free Researcher; natali_light@mail.ru;

Cherkesov Valery N., Writer, Staff Correspondent of The Literaturnaya Gazeta; Valery.Cherkesov@yandex.ru;

Sagitova Lilia K., Ph.D. in Pedagogy, Professor, Department of Publishing and Library Studies, Faculty of Social-Cultural, Information and Library Activity, Belgorod State Institute of Arts and Culture; sagitova@bsu.edu.ru;

Monastyreva Valentina A., Director of the Scientific Library named after N. N. Strakhov, Belgorod National Research University; monastyreva@bsu.edu.ru;

Denisova Irina V., Ph.D. in History, Associate Professor, Director of the University Museum, Belgorod National Research University; denisova@bsu.edu.ru;

Abramova Valentina A., Honored Worker of Culture of the Russian Federation; vala Abramova@mail.ru.

Abstract. “The Research Result Journal. Social Studies and Humanities” arranged a “round table” “Ad memoriam: the heritage of Nikolai Strakhov in the intellectual history of the XIX-XXI centuries”. The participants undertook an analysis of modern hermeneutic strategies for the study of thinking and personality of N. Strakhov (1828-1896) as a clearly rational and dialogic Russian thinker of the XIX century. There were specified some methodological aspects in the cognitive reconstruction of the heritage of that philosopher as well as a natural scientist, literary critic and editor, translator, etc. – in the perspective of actualization of the intellectual history of Russia in the XXI century connected with regional biographical research, museum and bibliographic design of places of historical memory in the homeland of the thinker (in the historical, cultural and educational space of Belgorod).

Key words: Nikolai Strakhov; intellectual history; hermeneutics and epistemology of historical knowledge; reconstruction of cognitive heritage; historical memory; regional biographical research; museum and bibliographic design.

Ольхов П.А.: Тема, избранная нами для обсуждения, не относится к числу легких. Теперь, в начале XXI века, после практически полного забвения Н.Н. Стрехова на протяжении многих десятилетий века XX, интерес к его трудам есть во всем мире. Их изучают в США, Канаде, Китае и, естественно, в России – в крупнейших исследовательских центрах Москвы и Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Костромы, Перми, Уфы и т.д. На родине, в Белгородском государственном национальном исследовательском университете создана библиотека-музей Н.Н. Стрехова, пока единственная в мире; здесь же учреждена премия им. Н.Н. Стрехова в области гуманитарных наук.

В прошлом году в Белгороде же появилась улица, названная в честь великого земляка. Наследие Н.Н. Стрехова, одного из самых основательных русских мыслителей, ученого-энциклопедиста, желанного собеседника Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Фета, В.В. Розанова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка и многих других, очевидно диалогично, но при этом весьма неравномерно распределено по дисциплинарным нишам современной интеллектуальной истории. Труды его хуже знают и менее исследуют историки науки и больше, обстоятельнее – литературоведы (хотя и здесь отнюдь не преодолены познавательные «болезни роста», гиперболизация частных, оценочных суждений

Стрхова со стороны некоторых достоевсковедов и др.); совсем мало исследовано его поэтическое и прозаическое письмо, редакторские и переводческие стратегии. В самом начале – анализ литературно-философской публицистики Стрхова. Редчайшими следует признать опыты реконструкции страховского философского мышления как явления русской мысли, уточнение его историчности в конкретных контекстах интеллектуальной истории России.

Возрождение интереса к философии и личности Н.Н. Стрхова столкнулось с серьезной проблемой адекватной интерпретации: уже в течение многих лет нет согласия в том, в качестве кого «забыт» Николай Николаевич Стрхов. Если взять для сравнения других, по существу, забытых – Н.В. Станкевича, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского – с ними дело обстоит гораздо яснее: они были стусеваны, оставлены в исторической тени по идеологическим мотивам, как религиозные христианские мыслители, славянофилы. Но кто же забыт в лице Николая Николаевича Стрхова? Об этом можно встретить у разных авторов множество суждений, плохо согласующихся между собой. Один из самых проницательных исследователей, Н.П. Ильин (Мальчевский) утверждает, что Стрхов забыт именно в качестве «первого русского философа», создавшего на основе освоенной, прожитой и пережитой западной философии первую развернутую программу национального русского мышления, самопознания и саморазвития. Но, разумеется, ни современники Стрхова, ни он сам не понимали себя таким образом. Дело тогда шло, как я думаю, прежде всего о прояснении *органического* характера реальности жизни и мышления, условий возможности мышления как *органической* реальности – отнюдь не по аналогии с условиями возможности существования каких-то биологических объектов, конечно. Стрхов и его русские собеседники обсуждают историчность или интеллектуальную жизненность шопенгауэровской мысли, а затем кантовского трансцендентализма, избегая, впрочем, концептуалистских ярлыков, трактуют метафизический горизонт и установки здравого смысла в философии истории Н.М. Карамзина, критически очищают целостное и открытое в своих основаниях, «органическое» мышление русских литераторов, которое не следует вмещать в рамки некоторых удобных метатеоретических шаблонов (как это происходило, например, с Толстым, которому вменяли фатализм и пр.). Н.Н. Стрховым – по существу – ставился вопрос о рационально ответственном и герменевтически

осмотрительном мышлении (осмотрительном, в том числе, и социально, национально-типологически).

Но для того чтобы исследовать эту постановку, уточнить органический характер самого страховского мышления в его жизненных основаниях и историчности (вплоть до философской программы М.М. Бахтина), требуется возвратное понимание тех органических контекстов, в которых оно находилось. Иными словами, требуется осмыслить традицию русской философской герменевтики, которая годами находилась под спудом других исторических интересов. Так, ближайший к Стрхову Аполлон Александрович Григорьев, которого Стрхов называл самым философским критиком в России, – именно как мыслитель «забыт», чаще всего упоминается как эпизодический персонаж в истории русской филологии, как цыганствующий поэт или экспансивный собеседник и литературный критик. Одинокими, обособленными от общего хода исследовательской индустрии в интеллектуальной истории, являются исследования Б.Ф. Егорова. М.Г. Зельдович (1919–2008), харьковский литературовед, специалист по теории литературной критики, в 70–80-е годы XX века открыл Григорьева как критика-методолога, но это открытие не было ни широко замечено, ни подхвачено и развито. Задачи адекватного опознания, анализа и интерпретации творческого наследия Н.Н. Стрхова и других значимых фигур его круга общения и взаимовлияния предстоит решать нынешним и будущим исследователям русской интеллектуальной истории.

Мотовникова Е.Н.: Восстанавливая историю сохранения памяти о личности и о наследии Н.Н. Стрхова в контексте русской мысли конца XIX – начала XX столетия, нельзя не удивиться краткосрочности этой памяти в философских и литературно-критических текстах ближайшей эпохи. Имя его перестало упоминаться почти сразу после волны некрологов, опубликованных в 1896 году. Тогда памятные статьи, в которых более или менее подробно характеризовались его взгляды как философа и давалась оценка его просветительской деятельности в области науки, философии и литературной критики, были исполнены глубокого уважения, признания заслуг Стрхова в развитии умственной жизни русского общества. Петербургский профессор философии и логики А.И. Введенский говорил и писал о Н.Н. Стрхове: «...он написал несколько книг,

при помощи которых в России еще долгое время будут охотно начинать учиться мыслить и которые столь же долгое время будут считаться образцами философского изложения» [1, с. 8]. Московский профессор Н.Я. Грот, философ и психолог, поддерживая эту оценку, прибавлял: «его произведения станут скоро философскою хрестоматией для всякого русского читателя, желающего сделать первый серьезный шаг к самостоятельному мышлению. К сожалению, немногие внимательно изучали у нас его философские и литературные произведения» [4, с. 40]. Эта финальная оговорка Н.Я. Грота, которой он завершает свою статью, свидетельствует о его честности перед памятью старшего товарища и о проницательном предчувствии его скорого забвения, о понимании неготовности большинства современников к страховскому уровню постановки и решения философских вопросов.

Н.Н. Страхов, ровесник Л.Н. Толстого и Н.Г. Чернышевского, ушел на переломе эпох (1896 год – год коронации Николая II), и он знал, что его время заканчивается. Но смена лиц и умонастроений произошла слишком быстро: в течение года после смерти Страхова скоропостижно скончались Ю.Н. Говоруха-Отрок и Ф.Э. Шперк – молодые талантливые литературные критики, причислявшие себя к органической школе А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова; в 1897 году умер К.Н. Бестужев-Рюмин, наиболее авторитетный историк, поддерживавший сторону Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова в полемике с оппонентами концепции культурно-исторических типов; в 1899-ом умирает 47-летний Н.Я. Грот, лучший знаток идей Страхова в философском сообществе... И вот, менее чем через 20 лет после смерти Страхова, в 1913 году В.В. Розанов публикует переписку с ним в своей серии «Литературные изгнанники» и подробно комментирует письма конца 80-х – 90-х гг. как документы эпохи, малоизвестной и непонятной читателю нового века. В 1914 году к 50-летию памяти Ап. Григорьева выходит ряд публикаций, в которых Н.Н. Страхов упоминается только как издатель (а ведь он был *единственным* издателем собрания статей Григорьева), в лучшем случае, как недолгий приятель – без всякого историко-литературного и литературоведческого анализа. В 1915 году выходит книга Н.О. Лосского «Мир как органическое целое», в которой игнорируется «Мир как целое» Н.Н. Страхова – при том что в новой книге разрабатываются страховские темы фундаментального различия между

органическим и неорганическим философскими воззрениями, о преодолении пропасти между рациональным и мистическим знанием, об условности деления философии на онтологию и гносеологию и т.п. Чем, кроме глубокого предубеждения, можно объяснить закрытость для Н.О. Лосского философских интуиций Н.Н. Страхова?

Такое же предубеждение заставляло отворачиваться от книг Страхова новые поколения почитателей и последователей тех, с кем Страхов в свое время состоял в полемическом диалоге, но не во вражде (врагов у Страхова при жизни не было). И вот мы не встречаем упоминаний о Страхове в работах по истории Ученого комитета при Министерстве народного просвещения, где он прослужил 20 лет в тесном сотрудничестве с теми, кого исследователи считают важным назвать, – с А.Н. Майковым, Н.С. Лесковым, В.Г. Авсеенко, К.К. Сент-Илером и др. В статьях по истории Славянского комитета Страхов в лучшем случае упомянут в хронологии редакторов Славянского сборника. Мы не обнаруживаем имени Н.Н. Страхова даже на сайте Второй Санкт-Петербургской Гимназии, где он прослужил учителем естественной истории 8 лет и где создана специальная историческая страничка «Сотрудники гимназии XIX–XX веков» (<http://old.2spbgru.ru/pl1.php?id=03>). Этот «заговор молчания» распространяется и на подавляющее большинство биографий и воспоминаний многочисленных страховских сослуживцев, приятелей и знакомых – В.В. Стасова, А.Н. Майкова, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.С. Аксакова, Д.И. Менделеева, К.П. Победоносцева и пр. Как будто, не в силах отнять у Страхова документально подтвержденный почетный статус «собеседника» великих Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, у него за это отняли все остальные жизненные и житейские связи и навешали на него ярлыков «реакционера», «мракобеса», «националиста», эпигона в критике и дилетанта в философии, о котором и упоминать лишний раз не стоит, и гордиться знакомством с ним не приходится.

О стратегии и тактике построения барьеров между «первым русским философом» и его фактическими преемниками, потенциальной аудиторией читателей и учеников прямее и полнее всех написал Н.П. Ильин (Мальчевский) в книге «Трагедия русской философии», но пишут и другие авторы, встретившиеся в своих историко-философских, историко-литературных изысканиях со следами «заговорщицкой»

деятельности Вл. Соловьева и его многочисленных адептов. Развенчание и преодоление этой столетней нездоровой тенденциозности – одна из актуальных и долговременных исследовательских задач.

Лопин Р.А.: Говоря о сложности восприятия и актуальности наследия Н.Н. Стрхова в русской интеллектуальной истории начала XXI века, нельзя не обратить внимание на то, насколько мы разлучены с собственным культурно-историческим наследием – находимся в разных культурных и мировоззренческих координатах с творцами мира «ушедшей расы». Между тем, вполне можно предположить, что это наследие включает в себе прообразы иного, будущего мира нашей жизни. Всевозрастающий интерес к наследию Стрхова, внимательного, философски осмыслительного, связан, на мой взгляд, именно с желанием познавательно урвать культурно-исторический, жизненный, по существу, разрыв с опытом русской цивилизации, теперь обновляющей свои основания. Знаменательно, что новейшее узнавание Н.Н. Стрхова как великого русского мыслителя у петербуржцев началось лишь немного раньше, чем на его родине, Белгородчине. Возникновение в Санкт-Петербурге Русского Философского Общества имени Н.Н. Стрхова в 90-е годы – тому свидетельство.

Философско-исторический журнал, который это общество начало издавать, носил название «Русское самосознание». Русское самосознание – вот ключ к собственному культурно-историческому наследию, к которому принадлежат и труды Н.Н. Стрхова. Открыть это наследие для современности возможно только через приобщение к той русскости, которая определяла на протяжении всей истории самосознание русского человека.

Н.Н. Стрхов был одним из ученых, одним из творцов русской мысли, которые базировались на том национальном интеллектуальном основании, которое сегодня отдельные современные авторы отрицают как таковое. Сегодня многие пытаются вписать Н.Н. Стрхова во всевозможные модели развития философских школ, найти в его трудах привычные методологические рамки новоевропейского, автономного или самодостаточного мышления. Однако в интеллектуальной истории России и особенно во времена Н.Н. Стрхова мало у кого из русских мыслителей была какая-либо «методология»; методологией в русской философии того времени наиболее очевидным образом являлась определенная манера, жизненно ангажированный стиль мышления, настроенного на предметный

разговор о значимых вещах или событиях. Кем же был в данном методологическом, или, лучше сказать, стилистико-эпистемологическом контексте Н.Н. Стрхов? По сути дела, консерватором в мышлении (сегодня можно было бы сказать «консерватором просвещенным»), национальным мыслителем, который связывал свои идеи, свое собственное творчество с предшествующими философами, – их мы сейчас называем славянофилами, – хотя многие идеи его философии могут быть сегодня восприняты как более углубленные, расширенные по отношению к взглядам ранних славянофилов. Он не отрекался и от идей А.А. Григорьева, от «почвенничества», познавательно поддерживал связь с собственной культурой и собственной историей, со своим народом, которая дает право всякому русскому человеку заявлять о собственной позиции, в том числе научной. Это право Стрхов выразил в своих фундаментальных работах, особенно в публикациях, которые связаны с трудами Н.Я. Данилевского: в фактической защите известной его работы «Россия и Европа», в позиции по отношению к работе «Дарвинизм. Критическое исследование». Н.Н. Стрхов же выступил в роли эксперта и ценителя политической публицистики Н.Я. Данилевского. Преемственность русского, органического мышления, которую соблюдал Н.Н. Стрхов, из-за потрясений, связанных с революцией, подорвавшей естественный ход развития русской мысли, в том числе и науки, в современном аморфном дезориентирующем информационном пространстве, и в силу других факторов, нарушена. Сегодня больше воспринят и усвоен тонкий материализм Ч. Дарвина, К. Маркса и других, или же опыт идеализирующего мышления В.С. Соловьева, онтологически вполне чуждые русской мысли, нежели те установки отечественной мысли, которые были присущи работам Н.Н. Стрхова.

Стрхов был вполне апологетом православия: об этом очень ярко говорят его «Воспоминания о поездке на Афон», где на примере суждений французского автора Вогиюэ он в очередной раз показывает непонимание Европой красоты православия. Н.Н. Стрхов всегда боролся против нигилизма в образовании, против бессмысленности, духовной пустоты просвещения без Бога. У него есть совершенно потрясающее высказывание на эту тему: «...наше просвещение только отвело нас от главного пути. Мы выработали себе какое-то новое язычество, при котором разделение между людьми свободно разрослось и приняло тысячу разнообразных

форм, и мы почти все забыли сущность той религии, которая некогда была источником всей нашей духовной жизни» [10].

Современный исследователь «имперской традиции» в русской мысли М.Б. Смолин подчеркивает, что Н.Н. Страхов двигался против господствующих в науке и литературе течений, сиюминутных, модных. Он имел «фильтр», который ему позволял идти против течения. Этим фильтром было православие, в котором он был воспитан, оно определяло в его сознании примат истинности. Примат Истины для Страхова был выше, чем главенство научно-философской истины. Более того, он оставался неподвластным течениям, умея идти против них, не утрачивая ни научности, ни преемственности [7, с. 326]. Н.Н. Страхов же обладал способностью отстаивать свою позицию, иногда противоречащую вновь возникающим тенденциям развития науки; при этом Н.Н. Страхов был мощным связующим звеном для многих его современников, разных по убеждениям, но значимых для эпохи.

Шило Е.И.: Современную эпоху справедливо характеризуют как кризисную, причем кризис имеет глобальные масштабы, охватывая все страны и все сферы жизни: экономическую, социальную, духовную. Научной парадигмой, направленной на адекватное осмысление этих сложных кризисных нелинейных процессов, обычно называют синергетику (Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс); говорят также о концептуальном вкладе академика Н.Н. Моисеева, выдвинувшего идеи коэволюции человека и природы. Однако понимание сложности природного мира, его иерархичности, системности, органической многомерности (нелинейности) мы находим много раньше в работах нашего земляка Николая Николаевича Страхова.

Вопросы естествознания были в центре научных интересов Страхова на протяжении всей его жизни. Уже в магистерской диссертации «О костях запястья млекопитающих» (1857) он высказал целый ряд общих соображений о принципах научного познания в биологии. В 1859 г. Н.Н. Страхов опубликовал первую серьезную работу «Письма об органической жизни», в следующем году – «Значение гегелевской философии в настоящее время». Своими «натурфилософскими» статьями, помещенными в еженедельнике «Русский мир» и в журнале «Светоч» под заглавиями «Физиологические письма» и «Письма о жизни», он сразу как философ обратил на себя внимание Ап. Григорьева и Ф.М. Достоевского, которые привлекли его в

1861 году к созданию журнала «Время» – журнала «русской идеи». Уже тогда статьи Н.Н. Страхова не были чем-то разрозненным, а составляли последовательное раскрытие существенно нового взгляда на живую, органическую природу и на то место, которое занимает в ней человек.

В 1865 г. вышла в свет его первая работа собственно методологического характера «О методе естественных наук и значении их в общем образовании», содержащая контуры важнейших позднее развитых им концепций. Обязательными требованиями к научному исследованию Н.Н. Страхов объявил: 1) приведение исследуемого материала в *естественную* систему; 2) определение «ядра» этой системы, общей *идеи*, которая объединяет все элементы; 3) *объяснение* из этой идеи всех фактов [9, с. 152, 154–157 и др.]. Предлагаемый философом метод включал в себя и конкретные универсальные логические приемы: классификацию, сравнение, определение гомологических (сходных) частей, анализ и др.

Опираясь на данные конкретных наук, Н.Н. Страхов показывал, что весь ход развития науки ведет к доказательству единства, целостности мира. «...Этнограф при описании народов, лингвист при рассуждении о языках, эстетик при рассмотрении изящных произведений искусства, – все должны привести предметы своего изучения в их естественный порядок, в естественную систему, и для этого должны следовать тем же правилам и законам, каким следует естественная история» [9, с. 17]. В этой связи интересно отметить, что в своей магистерской работе Н.Н. Страхов писал о сравнительной анатомии как о науке, предметом которой является изучение формы организма или его части, установление черт сходства или различия, развитие органа (онтогенез), установление связей между элементами целостной структуры. Он показывал эту логику исследования на примере изучения кисти, рассматривая взаимосвязь между структурой костей запястья и их функцией в связи с образом жизни, со средой обитания. Для анализа скелета кисти и установления гомологии костей Н.Н. Страхов применил математические методы изучения формы, размеров, взаимного расположения и особенностей соединения костей запястья млекопитающих, относящихся к разным систематическим группам. По сути, не употребляя самого термина «морфология», он разрабатывал основы нового направления, новой комплексной науки – морфологии животных.

Термин «морфология» является примером того, как биологические понятия включаются в человеческую культуру. Первоначально термин был

использован И.В. Гете в «Опыте объяснения метаморфоза растений» (1790), где он писал, что к семейству естественных наук «надо еще присоединить морфологию, которая главным образом интересуется органическими формами (Gestalten), их различием, их образованием и преобразованием (Bildung und Umbildung)». Карл Фридрих Бурдах (1776–1847) применяет этот термин в труде «О задачах морфологии» (Über die Aufgabe der Morphologie, 1818). В ботанике термин утвердился со времени выхода знаменитой книги М. Шлейдена (1804–1881) «Основы ботаники» (Grundzüge der Botanik, 1842–1843). Геоморфология изучает рельеф, его структуру и происхождение. Широкое толкование термина позволило Августу Шлейхеру применить его в 1860 г. в лингвистике при исследовании отношений внутри индоевропейской языковой семьи. Он определил язык как естественную часть жизни, изменения которой происходят по законам естественного отбора по аналогии с развитием биологического вида. Освальд Шпенглер (1880–1936) назвал свои исследования по философии истории и культуры «Очерки морфологии всемирной истории». Лео Фробениус (1873–1938) в «Происхождении африканских культур» (1898) говорил о морфологии культуры. В наши дни В.П. Чичагов, Э.А. Лихачева (ведущие в России специалист по геоморфологии), и другие, в том числе белгородские географы А.Н. Петин, Ю.Г. Чендев, П.В. Голеусов, изучая воздействие человека на рельеф земной поверхности, говорят об «антропогенной геоморфологии» как особом научном направлении. В этих комплексных междисциплинарных исследованиях продолжает развиваться современное морфологическое направление, горячим сторонником которого был и которое методологически обосновывал Н.Н. Страхов.

Салманова И.Ф.: Наш разговор принимает, на мой взгляд, все более глобальный характер: мы ищем и находим в мышлении Н.Н. Страхова некие архетипические начала, прообразующие смыслы в различных областях интеллектуальной истории. Такие поиски не только продуктивны и ведут к уточнению контекстов страховского мышления со стороны будущей для него интеллектуальной истории, но и довольно опасны. . . .

Липич Т.И.: Это ровно то, что я хотела сказать: важно учесть, что Страхов в своем мышлении не только национален, или невольно предвосхищает будущие находки в области эпистемологии естественных наук, но и то, что он прежде всего традиционен, энциклопедически корректен по отношению к традиции философского знания. Уже

упоминалось его внимание к кантовской и шопенгауэровской традиции, вообще традиции европейского критического мышления. Но не менее важно реконструировать то место, которое он занимает в истории русских восприятий и истолкований шеллингианства и гётеанства. Органическую традицию в интеллектуальной истории России, философских диалогах первой половины и середины XIX века трудно свести только к каким-то исконным аристотелевским основоположениям, аристотелевской герменевтике рационального мышления и его онтологических условий возможности; необходимо представить себе и ситуацию преодоления аристотелевской герменевтики и онтологии, как, собственно, и трансцендентальной критики, то свободное парение мыслящего духа, к которому обращались немецкие, прежде всего, интеллектуалы склада Шеллинга, Гёте, или, скажем, Гегеля, которому Страхов очевидным образом симпатизировал. А Фихте?

Салманова И.Ф.: Да, но при этом опасность «растаскивания» наследия Н.Н. Страхова по неким дисциплинарным углам вполне сохраняется. Страхов – энциклопедист, вне сомнения. Но, насколько могу судить, он ничуть не сухой, зарывшийся в книги персонаж русской интеллектуальной истории – он очень живой уже в своей повседневности, откликавшийся на любые, даже пустячные просьбы, входивший в разные разговоры, полезные не ему только одному. И отзывчивый и стойкий, между прочим: его «Толки о Толстом» – это крепкий щит, надежная защита правды мышления Толстого. Защищал, не убоившись общественного мнения, суда, перетолков. Мне кажется, многое проясняется в отношении Страхова, если мы обратим внимание на целостный характер его личности, не только рациональной или пластичной в интеллектуальном отношении, но и вполне отважной.

Ольхов П.А.: Среди архивных заметок Страхова мы находим фрагменты, в которых он высказывается насчет христианских начал европейского мышления, мистико-христианской историчности мышления Декарта, Канта и Гегеля. Собственно, это тоже отвага: мыслить историчность интеллектуальной истории, не становясь под некие интерпретативные знамена прогресса, развития и т.д., так свойственные его времени.

Чжу Цзяньган: Мне кажется очень важным помнить, что Страхов – мыслитель именно консервативного склада, мыслитель той школы русской мысли, которая учит соблюдать традицию социального самопонимания. Стоит, в связи с этим, обратить внимание на принципиальный антинигилизм Страхова: он делает нигилизм

предметом своего анализа в самых разных познавательных ракурсах, от литературно-критического до естественнонаучного. Природа нигилизма усматривается им вне узкого контекста интеллектуальной истории, именно как социальная и жизненная. Нигилизм возникает на некоей модернизационной волне передовых идей и переобобщений этих идей, как своего рода попытка социального сплочения в мышлении – как экзистенциальный выбор в социальном самопонимании, возвращающийся к своим истокам. Но как избежать нигилистического круга в самопонимании? Страхов так или иначе размышляет об этом и показывает антинигилистический, альтернативный путь социального самопонимания в «Бедности нашей литературы», «Письмах о нигилизме», критических статьях об «Отцах и детях», «Преступлении и наказании», своей критической поэме о «Воине и мире». Как мыслитель, который получил естественнонаучное образование, Страхов, конечно, знает, как разум, рациональность помогает человечеству продвинуться в его поступательном движении; но он также распознает и опасность, которая возникает при общесоциальном увлечении рациональным (дарвиновская теория эволюции – «великий прогресс», «огромный шаг в движении естественных наук», но его абсолютизирующее социальное понимание весьма вредит самому этому пониманию).

Маляр Н.Б.: Показателен женский вопрос, который занимает во времена Страхова многих, в том числе и Толстого, с которым Страхов переписывается по этому поводу. В работе «Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины»» Н.Н. Страхов обращается к очень важной проблеме понимания того, что есть истинная забота о женщине в обществе, требующем равноправия.

Свой анализ проблемы автор начинает с напоминания о том, что познание вещи с необходимостью требует ее отличия от всякой другой: «Каковы бы ни были вещи сами в себе, познание во всяком случае должно состоять в том, чтобы эти вещи были различены между собою, чтобы найдено было их взаимное разграничение, тот порядок, по которому они не смешиваются между собою, чтобы открыто было то единственное значение, которое принадлежит каждой познаваемой вещи и которое никакой другой принадлежать не может» [8, с. 113]. И далее: «новая мудрость, утверждающая, что для нее вещи друг от друга не различаются, тем самым утверждает, что она ничего о них не знает...» [там же].

Действительно, этот апофатический принцип можно выразить формулировкой «что данный объект не есть...». По-видимому, всякое познание должно как начинаться этой формулой, так и заканчиваться ею, выходя при этом на некий иной, более высокий уровень. И в данном случае Н.Н. Страхов продолжает православную традицию, в которой Сам Бог предстает перед человеческим разумом как неизреченный, бесконечный, неделимый, невидимый, неограниченный и т.д. Этот «отрицательный» путь богословия есть тот самый результат, к которому стремится познающий человек. И это самое «не то», «другое», «иное» оказывается более совершенным, честным ответом, нежели поспешное и ложное утверждение. Поскольку человеческая личность создана по образу Бога, постольку и ее определение может быть выражено лишь через апофатический принцип.

Но мало сказать, что женщина *не есть* мужчина, ведь из этого могут проистекать различные следствия. Так, Дж.С. Милль в своем сочинении ставит в связи с этим вопрос о равенстве прав и возможностей. Н.Н. Страхов же отказывается от подробного разбора объективных различий в телесной и психической организации между мужчиной и женщиной, поднимая вопрос на более высокий уровень осмысления. Философ пишет: «Может быть, явится из женщин несколько порядочных солдат, несколько недурных членов парламента. Велик ли от этого будет выигрыш для человечества? А какое извращение истинной женской природы, какой опасный пример!» [8, с. 144].

Совершенно логично начинать разговор о проблеме «заботы» с самого определения того, о чем эта самая забота. Что есть большее благо для женщины, либо меньшее зло? Необходимо знать природу объекта заботы, чтобы осуществлять заботу в соответствии с тем, что задано его природой. Но отказываясь от познания природы женщины, мы с неизбежностью придем к решению, согласно которому не следует определять заранее ни цели, ни содержания деятельности, и наилучшим порядком является тот, «который сам собою возникает из беспорядка». Иными словами, подлинная забота предполагает наличие образца, идеала того, к чему следует стремиться, что и предполагает любая разумная деятельность. Н.Н. Страхов видит в работе Дж. Ст. Милля призыв к тому, чтобы поставить вопрос о месте женщины в обществе на рельсы свободной конкуренции, которая только и должна решать годность к определенному положению в обществе, сфере

деятельности. При этом действительно, как верно отметил Н.Н. Страхов, не ставится вопрос о том, выдержит ли женская природа конкуренции в игре по мужским правилам.

В связи с этим хочется вспомнить работу Кэрол Гиллиган «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» [3]. В ней убедительно показано, почему «мужские модели» зачастую выглядят выигрышнее и лучше. Это связано с тем, что они удовлетворяют требованиям современного корпоративного успеха. Не о нем ли писал в своей работе и Дж. Ст. Милль? Так, Н.Н. Страхов приводит цитату из его работы: «Закон никогда ничего подобного не делал, и опыт вовсе не доказывает необходимости существования какой-то теоретической неравноправности между членами одной фирмы, или других условий товарищества, кроме условий, которыми сами товарищи свяжут себя по контракту. Между тем исключительная власть в этом случае была бы менее опасна для прав и интересов подчиненного, чем в брачном товариществе, потому что члены торговой фирмы всё-таки сохранили бы право свободного выхода из ассоциации; жена же этого права не имеет» [8, с. 147].

Действительно, чуткость и внимательность к чувствам других, то самое «женское сердце», о котором пишет Н.Н. Страхов, имеют небольшую рыночную ценность, а зачастую становятся препятствием к профессиональному успеху. Именно эту мысль подчеркивает К. Гиллиган: если женщина не хочет остаться зависимой от мужчины, она должна научиться играть, как мужчина. При этом исследовательница с иронией замечает, что история Адама и Евы помимо прочего показывает также, что попытка сотворить женщину из мужчины с необходимостью приведет к «затруднительному положению». Такова психология тех, кто пишет эту самую психологию: трудно говорить «иной», не подразумевая под этим «лучший» или «худший». Н.Н. Страхов отказывается продолжать эту игру слов, не желает смотреть на проблему в той постановке, в которой ее подает Дж. Ст. Милль. И дело даже не в том, что английская теория свободной конкуренции А. Смита исторически себя не оправдала даже в пределах самой экономической теории. Н.Н. Страхов отказывается от подобных мелочных разбирательств. Он требует переноса вопроса заботы о женщине на уровень идеалов и ценностей. «Если бы равенство способностей требовалось для равенства прав, то мы пришли бы к величайшим несправедливостям. Не в том ли состоит истинно человеколюбивое и христианское начало, что человеческое

достоинство признается и за людьми мало развитыми, за слабыми и неспособными?» [8, с. 132] – на этом месте Н.Н. Страхов ставит логическую точку в разбирательствах по поводу возможных качественных различий.

Самый главный вопрос заключается, по мысли философа, совсем в другом: «...Важно не право, не свобода, а то, для чего нужны право и свобода» [8, с. 138]. Поскольку право и свобода являются только возможностями или условием какой-либо деятельности, следовательно, должен быть решен вопрос о цели, идеале этой самой деятельности. Н.Н. Страхов пишет: «Благородство и прелесть женской натуры принадлежат ей только на том условии, чтобы она не изменяла самой себе. Чем прекраснее вещь, тем отвратительнее ее отклонения от типа, извращения ее природы. Из женщин выходят не одни богини и мадонны, из них же выходят и фурии и ведьмы. Уклонения тем возможнее, тем многочисленнее и глубже, чем выше и чище идеал» [8, с. 140].

Поиск решения вопроса о женской природе, об ее идеале философ видит прежде всего в таинстве отношений между мужчиной и женщиной. Н.Н. Страхов называет эти отношения «настоящим узлом жизни, от которого существенно зависит ее красота и ее безобразие» [8, с. 149]. Интересно в связи с этим привести толкования исследователей библейских текстов по поводу сотворения жены. Еврейское слово «эзер ке-негдо» (Быт. 2:18) означает некоторую противопоставленность, которую можно уподобить зеркалу. Также отмечается заложенная в этом слове альтернатива. Так, в трактате Йевамот: «Сказал раби Элиэзер: «Что [означает] сказанное: 'сделаю ему ['эзер кенегдо'], помощника против него'? Будет он достоин – помощник, не будет он достоин – противник»» [5].

Таким образом, мужчина может стать поистине мужчиной лишь рядом с женщиной, только вместе муж и жена образуют Адама-человека. Следовательно, искажение природы женщин с необходимостью влечет за собой искажения в природе мужчин, и наоборот. А это расширяет первоначальный вопрос до уровня заботы о человеке вообще. В соответствии с этой органичностью и необходимо рассматривать проблему заботы о женщине. На мой взгляд, Страхов в анализе этой этической проблемы позволяет увидеть себя другим в ситуации уже нашего времени, и увидеть не столько с биографическим, сколько с перспективно-герменевтическим пристрастием.

Черкесов В.Н.: Я хотел бы поддержать выступление Н.Б. Маляр насчет дополнительных возможностей, которые дает нам для

интерпретации страхового наследия наше настоящее – будущее для Страхова. Применительно к истории литературы Страхов из нашего настоящего видится не столько литературным критиком – сколько теоретиком, который исходит из художественного мышления – Толстого, Достоевского ли – и фиксирует некие исторически транзитные максимы этого мышления. Его критика антитетична критике, рассуждающей в границах заданной интеллектуальной моды, и именно поэтому становится для нас теорией, созвучным нам глубинным пониманием жизненных, продолжающихся в романах и иных художественных произведениях процессов. Произведения многих критиков – современников Страхова – нам кажутся устаревшими, а Страхов читается почти что как наш современник; это свидетельство прежде всего глубинного, теоретического начала его мышления, облекавшегося в критические формы. Страхов не рассуждает о перспективе, развитии и прогрессе, но пишет именно на перспективу.

Сагитова Л.К.: Я хотела бы вернуться к материальному: чем труднее, чем менее доступен для нас мыслитель, тем важнее реконструировать его диалогический кругозор или, иначе, ту книжную культуру, в которую он был погружен и в которой обретало некую обоснованность, энциклопедическую свободу его мышление. В нашем случае дело идет о необходимости реконструкции домашней библиотеки. В настоящее время активно изучаются библиотеки выдающихся деятелей русской культуры разных эпох (работы А.Г. Айнбиндера, Л.А. Балыковой, Н.А. Шавыркиной¹ и др.); появились исследования личных библиотек конкретных регионов². Интерес ученых к личной (персональной, семейной,

домашней) библиотеке сегодня заметно вырос. Это связано с пониманием того, что личная библиотека отражает интеллектуальную и духовную жизнь человека, семьи и всего общества в целом. Уместно вспомнить слова Д.С. Лихачева: «Личную библиотеку считают визитной карточкой хозяина» [Цит. по: 6, с. 102]. Или такое, ставшее крылатым выражение, – не только человек собирает книги, но и книги «собирают» человека. Значительный вклад в изучение личной библиотеки внесли книговеды. Пришло время заняться изучением библиотеки Н.Н. Страхова, его книжной коллекции, одной из крупнейших в России его времени, составившейся под влиянием его интересов и потребностей. По счастью, эта коллекция была отражена в сохранившейся описи. Опись содержит более восьми тысяч изданий и находится в Российской национальной библиотеке, ранее Императорской публичной библиотеке, где Н.Н. Страхов с 1873 по 1885 г. работал библиотекарем. Есть сведения, что книги Н.Н. Страхова имеются в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета [2]. Таким образом, база исследования – две санкт-петербургские библиотеки, определены. Теоретико-методологические основания исследования феномена личной библиотеки разработаны, достаточно упомянуть работу той же Н.А. Шавыркиной [11]. Предметом исследования личной библиотеки Н.Н. Страхова может быть библиографическая реконструкция, типологическая и культурно-функциональная характеристика. Так как Н.Н. Страхов занимался разными сферами деятельности (педагогика, журналистика, литературоведение и др.), имел разносторонние интересы и обширный круг общения, можно предположить, говоря образным языком, что библиотека является зеркалом диалогов Н.Н. Страхова. Если в составе фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета действительно сохранились книги из личной библиотеки Н.Н. Страхова, что дает возможность выявить пометы, экслибрисы, дарительные надписи, можно изучить также их библиофильское значение. Таков неполный, приблизительный перечень векторов изучения личной библиотеки Н.Н. Страхова. Условия для исследования искомого содержания имеются: это исследовательский центр – библиотека-музей Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», аспирантура в двух вузах Белгорода БелГУ и БГИИК, заинтересованность и компетентность возможных научных руководителей.

Лунич Т.И.: Можно ли ставить вопрос о книжной культуре, или культурном энциклопедизме личности Страхова как о ее

¹ Айнбиндер А.Г. Личная библиотека П. И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии: автореф. дисс. ... канд. искусствовед. М., 2010. Балыкова Л.А. Мемориальная библиотека И. С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. Шавыркина Н.А. Книжное собрание графов Шереметевых как отражение российского библиофильства XVIII века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 05.25.04 (книговедение). М., 1995.

² См., напр.: Захарова О.В. Личная библиотека в культурном пространстве российской провинции: от XIX к XXI веку: на материалах Мордовского края: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Саранск, 2009. Бровина А.А. Личные библиотеки Архангельской и Вологодской губерний в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999.

музейном проектировании? В Белгороде уже состоялся опыт такого проектирования в рамках библиотеки-музея А.С. Пушкина. И вот теперь новый эксперимент: разрабатывается проектная идея библиотеки-музея Н.Н. Стрхова, которая в определенной своей части была поддержана грантом Президента России, а теперь развивается как уникальный проект Белгородского государственного университета.

Монастырева В.А.: «Органичным» будет, на мой взгляд, говорить о формировании единой и типологически конкретной, интерактивной среды библиотеки-музея. Сейчас создан первичный виртуальный слой: электронный каталог трудов Н.Н. Стрхова и работ о нем, тексты о нем. Второй слой – личная библиотека Н.Н. Стрхова, ее тексты и ее образы. Еще один слой – сопоставления текстов и толкований, что позволит уже поставить вопрос об издании собрания сочинений Н.Н. Стрхова. Все это подтверждается или находит свою символическую увязку с музейной предметностью библиотеки, «магическим реализмом» музейного пространства, в котором встречаются и уточняются различные формы жизнедеятельности, образы жизни и мышления.

Ольхов П.А.: В некотором проектном пределе это будет, возможно, музей русской словесности, живого русского слова, как оно упрочивалось и давало себя знать в разговорах и текстах Н.Н. Стрхова и его собеседников, в зримой полноте книжной культуры XIX в., представленной для человека XXI столетия, связанной с ним не линией какой-то исключительной почтительности к прошлому, а доверия к его жизненности.

Денисова И.В.: Да, именно. Музей должен быть готов сообщить о неизвестном или сомнительном, уточняя тем самым достоинство известного. Не склеп, не хранилище мертвых вещей, а «музейон», место оживления памяти и экзистенциальной концентрации. К слову, мы не смогли обнаружить место захоронения Н.Н. Стрхова на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге: утрачено надгробие, а вместе и ним и могила. Но в музейном отношении эта ситуация должна быть оценена не только как печальная, но и вполне знаменательная. Или, скажем, внезапно прерванные жизни учеников Н.Н. Стрхова – от Ю.Н. Говорухи-Отрока (тоже, к слову, уроженца белгородской земли, умершего в один год со Стрховым), или Ф.Э. Шперка до В.В. Розанова – какой простор для диалогически корректного,

герменевтически пластичного проектирования библиотеки-музея Н.Н. Стрхова!

Абрамова В.А.: У Н.Н. Стрхова свой, особый взгляд на творчество крупнейших русских мыслителей XIX века. Я столкнулась с этим при работе над страховскими материалами о Пушкине. Вспоминаю, как нам, белгородской Пушкинской библиотеке-музею сотрудники петербургского пушкинского музея на Мойке, 12 передали в дар коллекцию различных книг, среди которых была книга Николая Николаевича, которую нельзя было отложить и не заметить. Мы были счастливы узнать, что на нашей белгородской земле сошлись две линии русской культуры, пушкинская и страховская, стали готовить материалы к экспозиции, изготовили первую в Белгороде копию репинского портрета Стрхова... Думаю, верным будет предполагать особый интерес, который проявляют или могут проявить российские библиотеки, архивы и музеи к нашему проекту библиотеки-музея Н.Н. Стрхова: необычность и основательность его толкований русской мысли интенсифицирует наше теперешнее общение, межбиблиотечное и межмузейное.

Ольхов П.А.: Время нашего разговора истекает. В заключение я хотел бы особенно заметить, что память о Н.Н. Стрхове, которая возобновляется в современной интеллектуальной истории России, нуждается в особых мерах предосторожности. Не сбиться в идеологическое «доворачивание» образа жизни и мышления Стрхова, не «засмыслить» его в жестких линейных или дисциплинарных матрицах толкования, – эти пусть пока отрицательные исследовательские максимы важны для того, чтобы реконструкция *речевого мышления* Н.Н. Стрхова в контексте актуализации интеллектуальной истории России XIX в. не стала эпистемологически самодовлеющей или исключительно игровой, – не впала бы крайности овнешненного понимания одного из самых диалогичных русских мыслителей. Спасибо.

«Круглый стол» проведен при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00704 «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ».

Литература

1. Введенский, А.И. Значение философской деятельности Н.Н. Стрхова // Образование. 1896. № 3, отд. II. С. 1–8.
2. Вознесенский, А.В., Николаев, Н.И., Савельев, А.А. Исторические коллекции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-

Петербургского университета (состав и изучение) // Библиотечные фонды: проблемы и решения: электронный журнал-препринт. 2003. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag04/2_1.php?id_sec=11&papka=12 (дата обращения: 01.02.2017)

3. Гиллиган, К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 352–371.

4. Грот, Н.Я. Памяти Н.Н. Стрхова: к характеристике его философского мирозерцания. Оттиск из № 32 «Вопросов философии и психологии». М., 1896. 40 с.

5. Лейбович, Н. Новые исследования книги Берешит в свете классических комментариев [Электронный ресурс] URL: http://jhistory.nfurman.com/traditions/nehama/in_nl.htm (дата обращения: 01.02.2017)

6. Марков, А.Ф. «Храните у себя эту книжку...» (Заметки библиофила). М.: Книга, 1989. 351 с.

7. Смолин, М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М.: Имперская традиция, 2005. 447 с.

8. Стрхов, Н.Н. Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». Оттиск из журнала «Заря» 1870. Кн. 2. Отд. II. С. 107–149. СПб., 1871. 45 с.

9. Стрхов, Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865. 185 с.

10. Стрхов, Н.Н. Французская статья об Л. Н. Толстом. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0650oldorfo.shtml (дата обращения: 01.02.2017)

11. Шавыркина Н.А. Личная библиотека как социально-культурное явление. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук: 24.00.02. М., 2000. 44 с.

References

1. Vvedensky, A. I. The Importance of N. Strakhov's Philosophical Activity. *Obrazovanie*. No. 3 (1896) dep. II. Pp. 1–8.

2. Voznesensky, A. V., Nikolaev, N. I. and Saveliev, A. A. Historical Collections of the Department of Rare Books and Manuscripts of the Scientific Library of the St. Petersburg University (composition and study). *Bibliotечnye fondy: problemy i resheniya* [Library Funds: Problems and Solutions]: Electronic journal-preprint. No. 4. 2003. [Online] URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag04/2_1.php?id_sec=11&papka=12 (date of access: February 1, 2017)

3. Gilligan, Carol. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. In: *Ethical Thought: 1991*. Ed. A. Huseynov. Moscow: Respublika, 1992. Pp. 352–371.

4. Grot, N. Ya. *In Memory of N. Strakhov: to the Characteristics of His Philosophical Outlook*. Moscow, 1896. 40 p.

5. Leibovich, N. *New Research on the Book Bereshit in the Light of Classical Commentaries* [Online] URL: http://jhistory.nfurman.com/traditions/nehama/in_nl.htm (date of access: February 1, 2017)

6. Markov, A. F. "Keep this Book in Your Home ..." (*Notes of the Bibliophile*). Moscow: Kniga, 1989. 351 p.

7. Smolin, M. B. *Encyclopedia of the Imperial Tradition of Russian Thought*. Moscow: Imperskaya traditsiya, 2005. 447 p.

8. Strakhov, N. N. *A Woman's Question. Analysis of the Work of John Stuart Mill "On the Subordination of Women"*. St. Petersburg, 1871. 45 p.

9. Strakhov, N. N. *On the Method of Natural Sciences and their Significance in General Education*. St. Petersburg, 1865. 185 p.

10. Strakhov, N. N. *French Article about Leo Tolstoy*. [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0650oldorfo.shtml (date of access: February 1, 2017)

11. Shavyrkina, N. A. *Personal Library as a Socio-Cultural Phenomenon*. Author's abstract. Diss. ... Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2000. 44 p.

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-71-74

Cicović-Sarajlić D.

SCIENTIFIC CONFERENCE «TRADITIONAL AND CONTEMPORARY
IN ART AND EDUCATION»

University of Priština in North Kosovo, Faculty of Arts, 117 Ul. Kralja Petra I, Zvečan, 38227, Republic of Serbia. E-mail: dsarajlic@gmail.com

Abstract. The report provides an overview of the first international scientific-professional conference organized by the Faculty of Arts of the University of Pristina with temporary accommodation in Kosovska Mitrovica. Here a detailed list of participants, topics of reports and discussions is presented, showing the perspectives of international cooperation in research and educational art practices.

Key words: cultural education, traditions, contemporary research, new art, upbringing, problems heritage, Kosovo.

Цицович-Сарайлич Д.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В
ИСКУССТВЕ И ОБРАЗОВАНИИ»

Приштинский университет (Северное Косово), Факультет искусств, ул. Краля Петра I, д. 117, Звечан, 38227, Республика Сербия. E-mail: dsarajlic@gmail.com

Аннотация. В сообщении представлен обзор первой международной научно-практической конференции, организованной факультетом искусств Университета Приштины с временным размещением в Косовской Митровице. Представлен подробный перечень участников, тематики докладов и дискуссий, показаны перспективы интернационального сотрудничества в исследовательской и образовательной практиках.

Ключевые слова: культурологическое образование; традиции; современные исследования; новое искусство; воспитание; проблемы наследия; Косово.

Organization and participants of the scientific conference

The Faculty of Arts in Zvečan–Kosovska Mitrovica, hosted from 4th to 6th November 2016 the first international scientific conference titled *Traditional and contemporary in art and education*. This is the first scientific conference organized by the Faculty of Arts in Zvečan-Kosovska Mitrovica and is a particularly important event in the advancement of the activities and affirmation of this higher education institution¹. The initial idea and the intention of the

creators and organizers of this conference, to gather in one place experts in various fields of science of visual, musical and dramatic arts, was supported by numerous eminent researchers from home and abroad. Even though in its infancy, the gathering brought together 102 participants from 14 European countries: Serbia, Bosnia and Herzegovina, Republic of Srpska, Croatian, Russia, Greece, Italy, Germany, Austria, France, Polish, Belgium, Hungary and the United Kingdom. In addition to the prominent researchers in the fields of science of art (art historians, art critics, musicologists, ethnomusicologists, music theorist and pedagogue,

¹Faculty of Arts in Priština with temporary seat in Zvečan–Kosovska Mitrovica is an institution that realizes the unity of educational, artistic and scientific research within the three departments: The Fine Arts, Music and Dramatic Arts. The Faculty successfully conducts Bachelor and Master degree studies in accordance with the accredited study programs. Faculty of Arts was founded in 1973 in Priština, as the Academy of Fine Arts and the part of the then University of Priština. Two years later, in 1975, work began in the Music section. Then the title of the Academy of Fine Arts became Academy of Arts, and since 1986 this institution bears the name of the Faculty of Arts. Department of Dramatic Arts was established in the 1989/90 school year. Rising faculty development was interrupted by the unpleasant events on the political scene. These events determined the fate of the Faculty of Arts, who, together with the Serbian people and the University of Priština, in May 1999 was expelled from Kosovo and their home seats. Then begins the difficult and uncertain refugee travel for the students and teachers of the Faculty of Arts—from Leposavić (a small town in the northern

part of Kosovo) over Raška (town in Serbia) to Varvarin (small town in Serbia), where the conditions for the operation of a higher education institution, as the Faculty of Arts, was on the verge of impossible. At the beginning of the academic year 2001–2002, in accordance with the decision of the Government of the Republic of Serbia, Faculty of Arts was returned to the northern part of Kosovo—in Zvečan. Despite the poor spatial and material conditions, and work without basic teaching resources, with great effort, sacrifice and enthusiasm of students and professors of the faculty, teaching is conducted regularly. In 2007, by obtaining use of a great part of the new building in Kosovska Mitrovica, the adaptation of existing space in the building of the deanery in Zvečan and in particular the purchase of space for the Gallery of the Faculty of Arts, created the conditions for decent work of a higher education institution, which contributed significantly to improving the quality of studies and the growing social recognition for the work of the Faculty.

playwrights, director, choreographer) and other socio-humanistic orientation (philosophers, political scientists, anthropologists, sociologists, psychologists, ethnologists, philologists, slavists, historians), the opportunity to present the results of their scientific work also had young researchers students of master and doctoral studies. The participants come from a variety of domestic and foreign scientific, research and educational institutions: universities, faculties, academies of sciences and arts, conservatories, colleges, institutes, museums, libraries, primary and secondary schools².

In addition to scientific, the gathering had the character of the expert meeting-conference. Sessions dedicated to art education and upbringing, which exhibited works of university professors of methods

²University of Priština with the temporary seat in Kosovska Mitrovica (Faculty of Arts, Faculty of Philosophy, Teachers' Training Faculty, Faculty of Technical Sciences); University of Belgrade (Faculty of Philosophy, Faculty of Philology); University of Arts in Belgrade (Faculty of Dramatic Arts, Faculty of Applied Arts, Faculty of Music, Faculty of Fine Arts); University Singidunum in Belgrade (Faculty of Media and Communications); University of Novi Sad (Faculty of Philosophy, Centre for Gender Studies); University of Kragujevac (Faculty of Philology and Arts); University of Niš (Faculty of Arts); University of Banja Luka (Faculty of Political Sciences, Academy of Arts); University of East Sarajevo (Music Academy, Faculty of Pedagogy in Bijeljina); University of Zagreb (Faculty of Humanities and Social Sciences); University North, Koprivnica; Chung-Nam National University, South Korea; Université Catholique de Louvain (Louvain-la-Neuve); Eötvös Loránd University Budapest; University in Gdansk (The Stanislaw Moniuszko Academy of Music); University in Edinburg (Edinburgh College of Art); Petrovskaya Academy of Sciences and Arts; École des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris; Conservatoire Eric Satie, Le Blanc-Mesnil; Austrian Academy of Sciences, Vienna; College of Fine and Applied Arts in Belgrade; College of vocational studies for pre-school teachers in Kikinda; College of Applied Studies in Economy in Peć–Leposavić; Hungarian Dance Academy, Budapest; Vocational College for Education of Preschool Teachers and Sport Trainers in Subotica; Vocational College for Education of Preschool Teachers in Piroć; College of vocational studies for preschool teachers "Mihailo Palov", Vršac; Institute for Literature and Art, Belgrade; Institute for the Protection of Cultural Monuments of the Republic of Serbia; Institute for the Study of Cultural Development of the Republic of Serbia; The Provincial Institute for the Protection of Cultural Monuments Petrovaradin–Novi Sad; Institute of Ethnology and Folklore Research, Zagreb; Institute for Graphic Design, Milan; Institute of Technology and education in Athens; Belgrade City Museum; National Library of Serbia; Music School "Vladimir Đorđević", Belgrade; Music School "Mihailo Vukdragović", Šabac; School for Elementary Music Education, East Sarajevo; Stevan Stojanović Mokranjac Music School in Bijeljina; Primary School "Slavko Rodić", Lazarevo.

of teaching art and methodology in music teaching, the Institute for the Advancement of Education of the Republic of Serbia approved as a form of professional development for those employed in education (teachers in preschools, classroom teachers, subject teachers in primary, secondary vocational and secondary schools, teachers of vocational subjects in primary and secondary art schools–music, visual arts, ballet).

Program committee consisted of 24 eminent experts from Serbia, Greece, Russia, Poland, Italy, Great Britain, Bosnia and Herzegovina and Republic of Srpska. Members of the Organizing Committee were professors, assistant professors, assistants and associates of the parent university.

Program concept was further complemented and enriched by the accompanying cultural programs that were designed as an overview of the artistic activities of the Faculty of Arts in Zvečan-Kosovska Mitrovica and activities that teachers, staff and students of this faculty contribute to the promotion, fostering and preserving the rich Serbian cultural heritage in Kosovo and Metohija³.

The meeting was financially supported by the Ministry of education, science and technological development of Republic of Serbia; Office for Kosovo and Metohija of the Government of the Republic of Serbia; The University of Priština with temporary seat in Kosovska Mitrovica and the Faculty of Economics in Priština with temporary seat in Kosovska Mitrovica. Media support to the scientific meeting was provided by the Third Channel of Belgrade Radio and TV Most from Zvečan.

³ The first day of the event, following the opening act, held a concert and presentation titled *Musical and dance heritage of Kosovo and Metohija*. Firstly, the authors of the project–ethnomusicologists Dr Mirjana Zakić and Dr Sanja Ranković, with audiovisual presentation (in Serbian and English) exhibited the results of their multi-year and extensive ethnomusicological field research of traditional Serbian music and dance heritage in Kosovo and Metohija. After a very interesting and inspiring presentation by the authors, followed a concert of traditional folk songs and dances of Kosovo and Metohija performed by vocal soloists and instrumental performers (amateurs)–associates in the aforementioned study, and members of the ensemble *Venac* from Gračanica. The second night, following the artistic program, the conference began with the opening of the exhibition titled *Ornament/synthesis of form, function and structure of the redundant*, authored by students and professors of the Fine Arts section. After opening, the song *Dečan bells or the feast of the heart*, by the most famous poet of Kosovo and Metohija, Darinka Jevrić, was recited by Borjanka Ljumović, assistant professor at the Drama department. Concert of professors and associates of the Music section, where they performed compositions by Serbian authors, finished the artistic program of the conference.

Conference grand opening

The scientific conference was opened by Dr Srećko Milačić, Rector of the University of Priština with the temporary seat in Kosovska Mitrovica. Professor Milačić first welcomed the participants and guests of the conference, and then pointed to the importance this conference has given the overall scientific, artistic and educational activities and mission that the University in Kosovska Mitrovica, and the Faculty of Arts as a part of it, have in Kosovo and Metohija. Attendees were addressed by the Chairman of the Program Committee, Dean of the Faculty of Arts MSc Zoran Furunović, and President of the Organizing Committee, Vice-dean for teaching MSc Aleksandra Trajković. On behalf of the hosts, they welcomed the attendees and expressed their undisguised satisfaction due to high interest and the response of researchers to take part in this session, which significantly contributes to the affirmation of the Faculty of Arts at home and abroad. Wrapping up their commemorative address, the hosts wished the participants that this meeting would successfully facilitate the exchange of knowledge and experiences, discovery of new insights and ways of observing certain problems, as well as in establishing contact and cooperation, both at the personal and institutional level.

The working part of the meeting

The conference exhibited a total of 78 works. The authors presented the results of their research carried out within the following thematic areas and the sub-groups offered:

1. Cultural and artistic heritage of Kosovo and Metohija (Preservation of tradition and national identity in Kosovo and Metohija; Art and education in Kosovo and Metohija from Middle Ages to the present day; Problems concerning research and preservation of Kosovo and Metohija's heritage; *Medieval Monuments in Kosovo* on the UNESCO List of World Heritage in Danger—problems of contemporary cultural heritage protection; Traditional and spiritual songs from Kosovo and Metohija—modes of preservation).

2. Traditional and contemporary approaches to artistic education and upbringing (Contemporary methods of teaching arts in children education and upbringing; Contemporary art and artistic education methodology; The importance of artistic education and upbringing in preschool institutions, elementary and high schools; The role of tradition in creation of educational processes).

3. Art as a space of memory (Tradition recreation/interpretation/recycling in contemporary art; Artist's position in contemporary society; Traditional techniques in new artistic practices; New approaches in heritage preservation; Museums as places of memory; Heritage and new media; The role of film in creating spaces of memory; Heritage and popular culture).

4. Traditional and contemporary in artistic dance (Artistic dance education; Contemporary dance and gender theories; Gender, body, dance; Dance as a space of feminine expression; Ritualistic traits in contemporary theatre of movement; Choreographic imagination, composition and dancing techniques; Correlation of national dances in ballet heritage on the territory of former Yugoslavia).

The working part of the scientific meeting began with a plenary session.

Musicologist Dr Sonja Marinković, professor Faculty of Music in Belgrade, exhibiting her work on the theme of *Folklore as Redžo Mulić's inspiration in the Symphony No. 2 «Kosovska»*, opened the plenary session. It was followed by the presentation of the musicologist Dr Nebojša Todorović, professor of the Faculty of Arts in Niš, titled *Professor Marko Savić's pedagogical contribution to the development of pianism in Kosovo and Metohija*. In the final plenary lecture, professor Dr Angelina Milosavljević Ault, from the Faculty of Media and Communications in Belgrade, presented her paper titled *Collecting Past as a Discipline of Heritology. Between an Impulse and a Concept*.

The plenary session was followed by work in thematic sections.

Cultural and artistic heritage of Kosovo and Metohija was the title of the first section, in which the participants presented 16 papers. This section was due to the number of registered exhibitors, divided into two sessions. Within each session, researchers discussed a variety of topics concerning the connection to the cultural and artistic heritage of Kosovo and Metohija – from those focused on preserving the cultural heritage of Kosovo and Metohija and difficulties in interpreting the cultural heritage of this area, Serbian medieval architectural heritage in Kosovo and Metohija as a respectable inclusion into the tourist offer, the aspects of identity related to polarized urban space in the example of Kosovska Mitrovica, those which designate the traditional music as a part of cultural identity of Serbs in Sredačka župa and models of preservation of the traditional song from Kosovo and Metohija, to the themes of Serbian language and literature which researched poetic elements in the structure of Saint Petar Koriški Hagiography, semantics of herbs in the folk literature of the Serbs from Kosovo and Metohija, as well as the discrepancy between declarative and actual care for the Serbian language in the example of ergonomics of the northern part of Kosovska Mitrovica.

In the second section, called the *Traditional and contemporary approaches to artistic education and upbringing*, 22 works were presented. This section also due to the large number of exhibitors was divided into two sessions (Session 1— musical art and Session 2— visual arts). With works spanning all levels of education, from preschool to higher education, music

and art pedagogues discussed many significant issues related to the thematic area: using artistic music in preschool teaching—from tradition to innovation; effects of using folk songs and dances in teaching; cultivation and preservation of Serbian cultural and national identity through music as a school subject in elementary schools; national musical creativity Kosovo region, and other ethnic areas, and the possibility of using this material in teaching solfeggio; development of music pedagogy and higher music education in various regions in Serbia; the influence of tradition on creativity and artistic expression of first grade primary school children; the importance of early children's drawings for the understanding of their inner experience; contemporary methodological concepts and teaching systems in art classes; the possibility of teaching of art history in secondary schools, according to artistic-pedagogical conceptions of Christo and Jean-Claude; the importance of art education for the formation of personality and more.

Within the section entitled *Art as a space of memory*, which was divided into three sessions, 30 works were presented. Within this section, the largest number of researchers dealt with the issues related to the museum and heritage topics such as: the role of new media in contemporary museums, museum in the age of digital art, protection of immovable cultural heritage—the use of digital technologies, cyber museum—a look from the other side of the screen, muzealization as hermeneutic circle, museality—the origin and heritage of an idea and more. Authors in the field of science of musical art dealt with the following topics: the recreation / interpretation / recycling of Serbian mediaeval tradition in contemporary music, musical heritage as a guardian of national identity, cultural heritage and popular culture at music festival *Guča*, legacy of Mokranjac in the works of other composers of garlands in the second half of the XX century and more.

In the fourth section, which has been named *Traditional and contemporary in artistic dance*, 7 of the works were presented. The authors of these works have with the study of forms of contemporary dance, choreographic interpretations of the dance heritage of Kosovo and Metohija, the choreographic and choreodramatic work of Mats Ek, the role of tradition in the creation of educational processes in acting pedagogy and development of higher education in the field of artistic dance in the Republic of Serbia.

The official languages of the conference were Serbian, Russian, English, and those that are official in the countries that made up the former Yugoslavia. Some of the local authors exhibited in the English language, or prepared a presentation in English, and exhibited in Serbian, so that the foreign participants can successfully track their presentation.

Besides the Summary of abstracts, which is printed for the conference, publishing the Summary of the works is in plan, which will contain all exhibited works that receive positive reviews.

Conclusion of the conference

At the official closing of the event, which was held on Sunday, moderators submitted reports on the work and conclusions reached in the framework of the sessions they chaired. The conference was rated as very successful, and especially praised for its seamless preparation and organization. It was concluded that the value of this meeting, among other things, was contributed to by the large number and variety of current topics discussed by the participants in the meeting as part of their presentations. Referents, starting from different theoretical assumptions, opened numerous questions in their papers and discussions, but also offered comprehensive answers to questions. It was pointed to the great importance of the ability of direct communication between exhibitors (university professors) and teachers who participated in the conference as a form of professional development. Through interest in the work of methodical sessions and active participation in discussions by educators, teachers showed that they monitor new developments in education and are very interested in their professional development, as well as seeing that of the Faculty of Arts is educational institution where their particular interests and needs can be fully answered. This was an important step in creating a good cooperation and trust between preschools and schools on the one hand, and the Faculty of the Arts in Zvečan, on the other. In addition to the conclusions, some suggestions were made regarding future activities, with a sincere desire that this scientific conference becomes a tradition. Giving thanks to the moderators and participants for contributing to the success of this scientific conference, prof. Dr Saša Božidarević in his closing argument expressed hope that the results achieved and new acquired experiences will influence an opening of a new chapter in the development of scientific thought at the University of Kosovska Mitrovica and contribute positively to its international affirmation.

ABOUT THE AUTHOR:

Dragana Cicović-Sarajlić, Doctor of Musical Sciences, Professor, University of Priština with the temporary seat in Kosovska Mitrovica, Faculty of Arts in Priština with temporary headquarters in Zvečan, 117 Ul. Kralja Petra I, Zvečan, 38227, Republic of Serbia. E-mail: dsarajlic@gmail.com

ОБ АВТОРЕ:

Цицович-Сарайлић Драгана, доктор музики, професор, Универзитет в Приштини с временным местонахождением в Косовской Митровице, Факультет искусств в Приштини с временным местонахождением в Звечане, Ул. Краля Петра I, д.117, Звечан, 38227, Республика Сербия. E-mail: dsarajlic@gmail.com

Milkovich M.¹,
Sitarica A.²

EPISTEMIC MODALITY IN POLITICAL DISCOURSE

¹ Pristina University (Kosovska Mitrovica), Teachers' Training Faculty, Nemanjina bb, Leposavić, 38218, Republic of Serbia.
E-mail: miljan_miljkovic@hotmail.com

² Primary School «Janko Veselinović», 48 Karadzherdzheva St., Sabac, 272198, Republic of Serbia. E-mail:
miljan_miljkovic@hotmail.com

Abstract: The aim of this paper is to analyze the use of epistemic modality in political statements by analyzing the political statements of the American and British administration concerning the military campaign in Iraq in 2003 and afterwards, as well as the situation with Iran sanctions. Without any intention of a political argumentation, it is usually considered that, especially the US President, did not have any firm evidence which could show the link between the Iraqi government and the attacks on New York and, before all, their weapons of mass destruction (chemical and biological). By analyzing the statements of the US president Bush, the British PM Blair and other members of their administration, the aim of this paper is to show how politicians use epistemic modality to express their assumptions or the truth of the way they interpret some information regarding the situation in Iraq or Iran, which in this case may be caused by the lack of firm evidence.

Key words: verb; knowledge; auxiliary; analyses; speaker.

Милькович М.¹,
Ситарца А.²

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ

¹ Факультет подготовки учителей в Призрене (Лепосавич), Приштинский университет (Северное Косово), ул. Неманьина бб, г. Лепосавич, 38218, Республика Сербия. E-mail: miljan_miljkovic@hotmail.com

² Основная школа «Янко Веселинович», ул. Караджерджева, д. 48, г. Шабац, 272198, Республика Сербия.
E-mail: anasitarica1@gmail.com

Аннотация. Содержанием работы является анализ использования эпистемической модальности в политических заявлениях американской и британской администраций по поводу военной кампании в Ираке в 2003 году и позже, а также в связи с санкциями в отношении Ирана. Принято считать, что президент США, вне сферы политической аргументации, не имел каких-либо твердых доказательств, указывающих на связь между иракским правительством и нападением на Нью-Йорк и, прежде всего, доказывающих наличие у него оружия массового поражения (химического и биологического). Цель данной работы – показать, опираясь на анализ заявлений президента Буша, британского премьер-министра Блэра и членов их администраций, каким образом политики, выражая свои предположения или уверенность, интерпретируя информацию о ситуации в Ираке или Иране, используют эпистемическую модальность, что в данном случае может быть обусловлено отсутствием у них твердых доказательств.

Ключевые слова: глагол; знания; вспомогательный глагол; анализ; говорящий.

Theoretical background

According to Coates [1], epistemic modality is concerned with the assumptions of the speaker or assessment of possibilities and in most cases it demonstrates the speaker's confidence, or lack of confidence, in the truth of the proposition expressed [1, p. 18]. Furthermore, Palmer [10] states that with epistemic modality speakers express their judgments about the factual status of the proposition, whereas with evidential modality, they indicate the evidence they have for its factual status [10, p. 8]. Modality is an important linguistic tool for realizing the

interpersonal function and expressing social roles between the addresser and the addressee. It is a broad expression of a speaker's attitude towards the situation or event described by a sentence or about the proposition expressed by the sentence [4]. Epistemic modality indicates the means by which speakers express judgment on the truth of the propositions they utter. Traditionally, the term epistemic modality is related to the use of modal verbs and modal auxiliaries, when a speaker expresses an opinion about a statement. More exactly, as the Greek word 'episteme' means

‘knowledge’, the term refers to „matters of knowledge, belief or opinion rather than fact» [9].

Modality represents means of expressing indirectness as a face-saving strategy, as politicians frequently say much less than they actually mean and in this way they are indirect. The main reason for this is the fact that speakers or writers communicate not only bare facts but also their own stance toward the proposition. Speakers often qualify their statements with respect to believability, reliability, and general compatibility with accepted fact [3]. The notional content of modality highlights its association with entire statements. Modality concerns the factual status of information; it signals the relative actuality, validity, or believability of the content of an expression. Modality affects „...the overall assertability of an expression and thus takes the entire proposition within its scope» [3, p. 385].

Within discourse analysis, modality is understood as encompassing much more than simply the occurrence of overt modal auxiliaries. Rather, modality concerns the speaker’s attitude toward and/or confidence in the proposition being presented. Modality is primarily located in the interpersonal component of the grammar and choices in this component are independent of grammatical choices in other components. Modality may be expressed through certain types of main verbs, as well as through adjectives, adverbs, and certain nominalizations. Modal adjectives and adverbs, modal auxiliary verbs in an epistemic modal function, and pragmatic particles are, apart from expressing modality, also used to express various pragmatic functions which depend on their use either as a boosting device or as a hedging device. Lexical means that are used to express modality and which often occur in political speech are:

- 1) modal auxiliary verbs - *must, may, might, can, could,*
- 2) modal adjectives - *possible, probable, likely, certain, sure,*
- 3) modal adverbs - *perhaps, possibly, probably, maybe, certainly, actually,* and
- 4) pragmatic particles - *I think, I mean, I guess.*

Epistemic modality expresses the degree of probability including the logical possibility, necessity, hypothetical meaning, beliefs and predictability. Epistemic modality is concerned with matters of knowledge or belief on which basis speakers express their judgments about states of affairs, events or actions [5]. In other words, it concerns the speaker’s attitude to the factuality of past or present time situations [6]. Thus, in the modalized proposition *Something may, or might, must, could be,* the speaker communicates his or her

subjective attitude to the proposition and so s/he modifies the illocutionary force of the utterance. It is often claimed in the linguistics literature that epistemic modality, unlike other kinds of modality, does not contribute to the truth conditions of the utterance. Relatedly, several authors argue that epistemic modality expresses a comment on the proposition expressed by the rest of the utterance.

Corpus analysis

By using epistemic modality, the speakers in the following examples often do not make a firm assertion about the views expressed and it seems that they do not want to take full responsibility for their claims or the claims of others:

BLAIR: No, I don't think again that is right. I think what he said was that the evidence that he had indicated that the Iraqis were not cooperating properly and that, he thought that the nerve agent VX *may* have been weaponised¹.

As it will be shown in many examples, this viewing stance is often characterized by the use of *verba sentiendi*, which are words that express feelings, thoughts, and perceptions, such as *feel* or *think*, and these are mental process verbs in transitivity, to use Halliday’s terms [4]. In these examples can be also find some other linguistic means in order for the speaker to weaken the force of their utterances, which hedge the illocutionary force of a speech act. Typical examples of such device are phrases like *I think* or *I mean*.

BLAIR: And he also said that the discovery of the war heads might be – *I think* I'm quoting here – *may* be the tip of an iceberg. *I think* you'll find that in that report².

By using the modal *may* or *might*, obviously the speaker wants to gain detachment from his assertions. In the example above, the speaker clearly does not want to be responsible for the claims of somebody else. In the following example, Mr. Blair uses modal forms to mitigate the fact that the allies oppose the actions of the UK and US:

BLAIR: To be fair to France and Germany, France and Germany *may* have a difference about how we're tackling this problem but they don't have any difference with us in that it is a problem³.

¹ *Transcript of Blair's Iraq interview:* 6 February, 2003. [Online} URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/newsnight/2732979.stm>

² *Ibid.*

³ *Transcript of Blair's Iraq interview:* 6 February, 2003. [Online} URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/newsnight/2732979.stm>

It is also specific when using this device in political discourse to evade personal responsibility, when making statements or announcing decisions, that the interviewee transfers liability to an inclusive and/or exclusive, fairly 'fuzzy' *we*, or *us*, which refers, for instance, to the government, the political parties, or the people in general („difference with us»).

BLAIR: I'm sorry, it is absolutely clear what has been happening over the past few months, which is of course, *I mean* the moment we mentioned those in our intelligence reports we were aware of the fact that the Iraqis *would* then have a significant period of time in which they *could* conceal these weapons⁴.

As we can see from the use of the modals *would* and *could*, modals are used as a hedging device, while in this example the speaker is making just an assumption about how the situation can develop. Similar situation can be found in the case of Iran and its nuclear program which is the topic of the interview with the American Secretary of State Condoleezza Rice, where epistemic modality is used to indicate the possibility (in her opinion) for Iran to have a nuclear weapon on condition that it gains the technology for constructing it.

RICE: There's a reason to worry about an Iran that is trying to gain the technology that *could* lead to a nuclear weapon, because enrichment and reprocessing capability, which is what the world is trying to stop, is a technology that if used in certain ways *can* lead to a nuclear weapon.

<...>

RICE: Now, what were we looking at? We were looking at key judgments by the intelligence community that he had indeed reconstituted his biological and chemical weapons program, that he *could* have a nuclear weapon within one year to several years⁵.

The example above demonstrate that the reason why the speaker uses the modal forms *can* and *could* with this meaning may as well be due to making detachment from her statements and to take off the responsibility. Furthermore, in such cases, it can be judged as a strategy for maintaining a good image, because the speaker is not sure if the particular event happens or not, so she describes it as possible, but only under certain circumstances.

The same strategies can be seen in the 2002 speech of President Bush on Iraq and the same situation happened in 2007, regarding the Iran debate,

but Mr. Bush also uses the modal form *will*, which in a lesser extent shows the detachment and it is more a sign of his certainty about the future situation:

BUSH: If the government falls apart and there is sectarian enclaves and violence, it'll invite Iran into the Shia neighborhoods, Sunni extremists into the Sunni neighborhoods, Kurdish separatist movements. All of which *would* threaten moderate people, moderate governments, and all of which *will* end up creating conditions that could lead to attacks here in America⁶.

The speaker makes several assumptions about what could happen in Iraq. He cannot know for certain, and that is why he uses the phrase *I think*, which stresses his own opinion and at the same time, expresses his uncertainty about the future situation in Iraq. In this case, it cannot be taken as a weakness of the speaker or indication that he wants to be evasive. He uses these assumptions because he simply cannot be sure what will happen, and can only make predictions.

Most of the examples represent epistemic speculative modality, which is expressed by the modal verb *may*, *might*, *could*, that convey a possible conclusion. On the other hand, The modal verb *will* in the case above is employed for the expression of epistemic deductive modality and it conveys the only possible conclusion. The previous example demonstrates that also conditional clauses and especially hypothetical if-statements are a common characteristic hedging and „resort» device of political rhetoric. Moreover, in the same interview, concerning the comparison between the past and possible future actions of his administration in the similar situation, the president uses modal forms as a mitigation means, but also detaches from the claims of others, in order to avoid responsibility:

BUSH: You know, we've been through this before. Abu Ghraib was a mistake. Using bad language like, you know, „bring them on» was a mistake. I think history is gonna look back and see a lot of ways we could have done things better. No question about it.

<...>

PELLEY: The troop levels

BUSH: *Could* have been a mistake.

PELLEY: *Could* have been a mistake?⁷

Much less certainty was evident in the US vice-president Cheney interview from 2003, where his use of modal forms *may* and *would* shows his assumptions about the developments of the events, but only in certain circumstances and under some conditions:

⁴ Ibid.

⁵ Transcript: Cynthia's McFadden's Interview with Condoleezza Rice. By ABC News Nov. 28, 2007. [Online] URL: <http://abcnews.go.com/Nightline/story?id=3927548&page=1>

⁶ President Bush Outlines Iraqi Threat: For Immediate Release Office of the Press Secretary October 7, 2002 [Online] URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021007-8.html>

⁷ Ibid.

CHENEY: The judgment in the NIE was that if Saddam could acquire fissile material, weapons-grade material, that he *would* have a nuclear weapon within a few months to a year⁸.

CHENEY: Well, there are technologies available. They are extremely expensive if you're going to put them on every airliner. You've got to make choices here about, you know, when you're dealing with a risk, there *may* be certain aircraft flying into certain locales that are especially vulnerable that you *may* want to deal with⁹.

The examples illustrate the pragmatic importance of hedging as a resource for expressing uncertainty, skepticism and deference, and, as for the previous researches, Hyland [7] found that *may*, *would*, and *possible* were mostly used as hedges, as opposed to *will*, *show* and the fact that, which were the most frequent boosters in his corpus. The modal verbs *might* and *could* belong to epistemic possibility, and modal verbs *can* and *may* expresses circumstantial possibility. Furthermore, certain epistemic verbs (*suggest*, *indicate*, *assume*, *seem*) often serve to hedge statements. According to Fraser [2], hedging in discourse can be reduced to two characteristic purposes. The first is to mitigate an undesirable effect on the hearer, thereby rendering the message more polite, and the second, which was of main relevance for the corpus analysis, is to avoid providing the information which is expected or required in the speaker's contribution, thereby creating vagueness and/or evasion.

Hedging patterns in political discourse strongly depend on face and politeness strategies [11], and not least on the changing and fluid political dynamics that every politician is subject to. Finally, it is evident that possible reasons for choosing a certain hedging device are mainly rhetorical tactics of purposeful evasion or an effort to avoid having to give an outright answer to a question put forward by the interviewer. If we addressed the political aspects of the subject, which is not the intention, we could conclude that providing all the information to the public and not going to war basing on speculations is a more democratic way, but the following example describes the use of modals in order to avoid the responsibility to show the evidence:

MR. RUSSERT: There are reports that the investigation Congress did does show a link between

⁸ Cheney Claims Again Iraq Tried To Acquire Uranium From Niger: *Democracy Now*. September 16, 2003. [Online] URL: http://www.democracynow.org/2003/9/16/cheney_claims_again_iraq_tried_to

⁹ Ibid.

the Saudi government and the hijackers but that it *will* not be released to the public.

VICE PRES. CHENEY: I don't know want to speculate on that, Tim, partly because I was involved in reviewing those pages. It was the judgment of our senior intelligence officials, both CIA and FBI that that material needed to remain classified. At some point, we *may* be able to declassify it, but there are ongoing investigations that *might* be affected by that release, and for that reason, we kept it classified¹⁰.

Modal verbs *may* and *might*, like the modal adverb *maybe*, indicate uncertainty and assumption of the speaker. Modal verbs *may*, *might* or *could* represent content-oriented hedges. When using a content-oriented hedging device, the force of the speech act is attenuated and thus it indicates uncertainty and evasiveness of the speaker.

In the corpus, there are mostly present modal auxiliaries. Modal auxiliaries also referred to as modal verbs or simply modals create a relatively small and closed group of verbs that significantly differ from other „ordinary» verbs. Regarding the semantic, in contrast to lexical verbs, the meaning of modals depends on context. Epistemic possibility *could* expresses the speaker's assessment of the possibility of something being true. In addition to *may* and *might* used in the sense of possibility, stressed *could* is increasingly used. Although *could* is historically the past tense form of *can*, it refers to either the present state of affairs or it can be used in order to assess the possibility in the future.

Although the possibility meaning of *can* and *may* can be basically considered overlapping, it is possible distinguish between factual (*may*) immediate and theoretical (*can*) possibility. *Can* is also more common to be used in statements of a general value, based on observation or experience, while *may* in this situation implies a sense of warning. The authority of the speaker giving permission in statements is transferred to the hearer in question. From the historical point of view, *might* is a past form of *may*. Its epistemic meaning is parallel with meaning of *could*. Finally, there is a wide range of meanings that can be expressed by *will*: prediction/predictability, intention, willingness and insistence.

Conclusion

In conclusion, the corpus analyzed in this paper brings us to the conclusion that the politicians involved in the political crisis in the Middle East use epistemic modality as the means for explaining their politics

¹⁰ Cheney Claims Again Iraq Tried To Acquire Uranium From Niger: *Democracy Now*. September 16, 2003. [Online] URL: http://www.democracynow.org/2003/9/16/cheney_claims_again_iraq_tried_to

concerning the situation in Iraq or Iran, without taking full responsibility for the situation and their own claims. The speakers often do not make a firm assertion about the views expressed and it is noticeable the use of *verba sentiendi* and especially modals *may, might, can, could* as a hedging device. It is evident that possible reasons for choosing this hedging device are strategies of an effort to avoid having to give an outright answer to a question put forward by the interviewer. It is also specific when using epistemic modality in political discourse to evade personal responsibility by using plural pronouns and also conditional and hypothetical („if») clauses.

We can conclude that, from the pragmatic point of view, the speakers/politicians use epistemic modality in order to persuade the hearers, or the voters, that what they do is right and reasonable, even though there often are no firm evidence which would support their claims. Jowett and O'Donnell [8] distinguish between informative discourse that counts as persuasion on the one hand and propaganda on the other hand. Both informative discourses and persuasion share a focus on the recipient by allowing them to acquire information, understand the environment, and learn. While the speakers of persuasive messages clearly have an interest in having recipients come to agree with their point of view, their interests are in line with those of the recipients. In contrast, propaganda is meant to secure the interests of the propagandist, whether or not those interests coincide with those of the recipients.

References

1. Coates, J. *The Semantics of the Modal Auxiliaries*. London and Canberra: Croom Helm, 1983. 259 p.
2. Fraser, B. Hedging in political discourse: The Bush 2007 conferences. In: Okulska, U. & Cap, P. (eds.). *Perspectives in Politics and Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. Pp. 201-214. DOI: [10.1075/dapsac.36.16fra](https://doi.org/10.1075/dapsac.36.16fra)
3. Frawley, W. *Linguistic Semantics*. New Jersey: LEA Publishers, 1992.
4. Halliday, M.A.K. *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold, 1994. 434 p.

5. Høye, L. *Adverbs and Modality in English*. London and New York: Longman, 1997.

6. Huddleston, R. & Pullum, G. K. *The Cambridge Grammar of the English Language*: Cambridge University Press, 2002. 1860 p.

7. Hyland, K. *Hedging in Scientific Research Articles*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. 308 p.

8. Jowett, G. & O'Donnell, V. *Propaganda and Persuasion*. London: Sage, 2006.

9. Lyons, J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 830 p.

10. Palmer, F. R. *Mood and Modality* (2nd edition). New York: CCambridge University Press, 2001. 236 p.

11. Partington, A. *The Linguistics of Political Argument. The Spin-Doctor and the Wolf-Pack at the White House*. London; New York: Routledge, 2003. 280 p.

ABOUT AUTHORS:

Milyan Milkovich, Master of English Philology, Pristina University (Kosovska Mitrovica), Teachers' Training Faculty, Nemanjina bb, Leposavić, 38218, Republic of Serbia. E-mail: miljan_miljkovic@hotmail.com

Ana Sitarica, Master of English Philology, Primary School «Janko Veselinović», 48 Karadzherdzheva St., Sabac, 272198, Republic of Serbia. E-mail: miljan_miljkovic@hotmail.com

ОБ АВТОРАХ:

Милькович Мильян, магистр английской филологии, преподаватель, факультет подготовки учителей в городе Призрен с временным местонахождением в Лепосавиче, Приштинский университет с временным местонахождением в Косовска-Митровице, ул. Неманьина бб, г. Лепосавич, 38218, Республика Сербия. E-mail: miljan_miljkovic@hotmail.com

Ситарича Анна, магистр английской филологии, учитель, основная школа «Янко Веселинович», ул. Караджерджева, д. 48, г. Шабац, 272198, Республика Сербия. E-mail: anasitarica1@gmail.com

Spasić N. A.

«SPRING POEM» BY DESANKA MAKSIMOVIC. HARMONY OF SOUNDING AND MEANING

University of Kragujevac, Jovana Cvijica bb, Kragujevac, 34000, Serbia. E-mail: natally.spasic@gmail.com

Abstract. The author makes an attempt to observe and evaluate the expressive performance of the artistic text, to apply a linguo-stylistic analysis as an integral part of every interpretative stream of literary work. The article discusses the role and importance of prosodic elements and analyzes the basic stylistic components of the artistic text: composition, forms of narratives, stylistic figures. Such methods could not be applied as isolated and by themselves, but they are intended to examine the complex structure of *Spring Poem* by Desanka Maksimovic as a whole.

Keywords: linguo-stylistic procedures and resources; composition; narrative form; expressive language signs; accent; metrics

Спасич Н. А.

ГАРМОНИЯ ЗВУЧАНИЯ И СМЫСЛА НА ПРИМЕРЕ «ВЕСЕННЕЙ ПОЭМЫ» ДЕСАНКИ МАКСИМОВИЧ

Университет в Крагуевце, ул. Йована Цвийича, г. Крагуевац, 34000, Республика Сербия.
E-mail: natally.spasic@gmail.com

Аннотация. В статье показана попытка пронаблюдать и оценить выразительные характеристики художественного текста, применить лингвостилистический анализ как целостный подход к интерпретации литературного произведения. Обсуждаются роль и значение просодических элементов, анализируются основные стилистические составляющие художественного текста: композиция, описательные формы, стилистические фигуры. Такие методы не могут применяться сами по себе, в качестве изолированных, действие их демонстрируется в приложении к изучению сложной структуры «Весенней поэмы» Десанки Максимович.

Ключевые слова: лингвостилистические процедуры и ресурсы; композиция; форма повествования; признаки выразительности языка; эмфаза; стихотворный метр.

Introduction

Desanka Maksimovic (1898–1993) evokes an immediate readership reaction with the widest range of audience – with the most subtle aesthetes and with the most stringent of critics. She fascinates with her simple, colorful and unobtrusive style, clear poetic expression, euphonic verse and the highest spiritual meaning of messages transmitted. Her poetry is thematically rich and diverse, and the songs are analyzed from different aspects [10; 8; 3 et al.]. In addition to several negative criticism and challenge the value of poetry by M. Ristic, R. Konstantinovic and V. Masles [7], Serbian literary criticism is mainly affirmative talking about her talent and literary achievements [7, p. 32].

In many collections of poems and poems in which the evolutionary changes achieve a steady growth of artistic value¹, expressing their inner, love

and patriotic feelings, as and well as the memories of childhood [3, p. 31].

In the introductory part we will talk about her entire opus, single out the basic themes and motifs. Then, we'll ponder about the language and poetic structure using a linguo-stylistic method. Within analysis of the *Spring Poem*, the prosodic and versification aspect of the poem will be in full focus. In this regard, we will mention some of the key terms for understanding the metrics and versification.

The lyrics of Desanka Maksimovic are extremely suggestive and therefore human being lives through and experiences with the poet. The lyrics are prevalent with faith in return of the lost, with faith in life, with youth and humanity. Desanka's poetry is of gentle sensibility, honest, and of direct narrative [8, pp. 213-221], an extremely subjective and intimate, but not introverted, open up towards the nature and other people. Her poetry was

¹ In this paper we chose to analyze Desanka's lyrical debut *Spring Poem*, which, as ode of joy represents the author a powerful lyrical counterpoint of basic feeling, linguistic, thematic and stylistic structure of poems that later occurred.

This poem was first published in 1920 entitled *Spring Poems: III* in the journal *Thought* (Vol. 3, sv. 3/4, pp. 1128-1129), under the title *Spring Poems: II* in 1924.

achieved through a large number of motives and represents sincere confession of the poet, regarding the deepest of feelings. The theme of nature is a very common one, but they are usually not pure descriptive poems – but in them, love, youth and the nature intertwine. They are warm, direct and humanly and naively sincere. We will try to present all that we listed above, in the *Spring Poem* (II) taken from the first anthologies of poetry (*Poems*, 1924).

Poetic language and stylistic analyses

Poetic language does not refer to any reality outside itself: it makes its own reality. In it, lies the secret of the poetic function of a language. We will try to plunge deep into the soul of poetic work by patiently applying linguistic analysis, trying to realize what it is, and how it intensified our ordinary everyday language. We believe that we will make it clear, where that magical power, which seizes us when we read poetry, originates.

If we want to analyze that intensity, we must, first of all, pay strict attention to the sound elements of the words, rhythm and music of language, because these are the basic and most common means of intensifying, strongest expressions come from the highest level of poetic speech – verse.

Meter as an a priori scheme, and rhythm as a living reality, which are able to introduce a barely noticeable change with subtlest differences in accent, are constantly passing through a mechanism of meter that gives it a certain character, the music of rhyme, alliteration and assonance, repeating in every form, from voice over sound complex to words and in the end music of the voices which symbolizes almost nothing, enchants more and enthralls – all this affects us in the verses we read. These are the elements of poetic language, which cannot be easily translated.

Stylistic analysis or stylistic criticism of the poetic text, does not end with the sound elements. It has to precisely study those elements of the language, which act as a poetic language, and style of the poetic work is nothing but the language in the service of artistic expression.

Reading the poems of Desanka Maksimovic gives the impression of lightness of singing, lightness of thoughts and lightness of shaping. Her verse is soft, melodic, and metric of the verse respects the nature of language. The language of this poetry is picturesque, luxurious, emotional, and, what is of the most importance for us on this occasion, rhythmic. The picturesque is spontaneous, natural and the verse is simple and harmonious in the meaning and melody. Musicality is a recognizable feature of this poetry and the poet was awarded the title of „the most musical contemporary poet of Serbia» (Borislav Mihajlović – Mihiz).

About harmony of sounding and meaning

Love poems in which nature is seen through the prism of love possess the greatest lyrical expressiveness, when it is presented as an incentive for expressing emotions of love, as a subject and means of poetic expression. By moving the emotions of love with the natural environment, the poems are given sensory expression, spontaneity and complexity of thought and ambiguity.

Spring Poem belongs to the first creative phase of Desanka Maksimovic, in which her most famous love poems and poetry about nature were made. In it, a perfect harmony of form and content, sounding and meaning, melody and atmosphere, was achieved. In this poem, poetic scenes of joy, elation and love as bright and full of feeling, make their gradational expression through harmony of the poet and nature and the desire to connect the youth and eternity. Nature and love intertwine and complement each other with meaning and sense of completion, as much as they are the framework and the content [1, p. 64]. The power of feeling love transfers to whole being, becomes an expression of deepest spirituality and altruism, through which human being returns to its primordial unity with the world.

Thus, we can say that this poem unifies the characteristics of the three lyrical types: descriptive, love, and in a way, reflective lyricism. When *Spring Poem* is observed as a descriptive lyrical poem, we can clearly see the beauty of nature in the early spring. Desanka highlights the strength and beauty of this season, because with the birth of nature she suspects and awaits an arrival, i.e. the birth of new love.

About sounding

With audio and visual impressions, that the poem as a whole evokes in our imagination, the poet strongly suggests us to pay attention to her inner layer - the world of the meaning of pictures and symbols we come across, and to all the messages, which are contained in this, in externality depleted, and lyrically summarized image of life. The unity of trepidation of the heart and undreamed power of nature is not only determinant of the content structure of the poetry of Desanka Maksimovic. It is often the result of consistently composed formal elements. Continuous combination of stylish and sound figures flows into a joyful poem that awakes an impression of spring «noise» in the reader. We can see and hear the awakening of nature: birds, flowers, a tide of words and feelings. It is notable, at first sight, the desire of the poet for identification. Her thoughts are like lyrical reflections «early buds» and «light wings». In these verses there is an identification we speak about which is expressed through the parallels: a hint of spring – a longing; a gentle tide of

unsaid words - love, etc. Thereby, the description of the scene that the poet observes used mutually enhancing terms (early buds), and create even more complete experience.

The composition of the poem strives to perfection. The entire poem is built on the principle of symmetry: symmetry stanzas, verses, rhymes. It is made up by five quatrains (stanzas of four lines) and each has the same, symmetrical structure – the number of syllables in the verse is repeated by establishing a perfect balance: 12-6-12-12. The lyrics in this poem are so called tide verses, respectively sung by the rules of rhythmic repetition (a certain number of syllables in the verse, the number of verses in the stanza and rhymes position). Therefore, we have three symmetrical, acatalectic twelve-syllable verses and one sextet, i.e. a half-verse. For the lyrics in this poem we can say that they are metrically correct. The metrics in this poem are normative, prosodic, and, we can say, musical. The poet strictly complies with metric scheme or form. The most of the care is taken on fact that the verse has the same number of syllables, voice matching on the ends of verses rhyme and at the end of the verse we have a full cadence – accentuated + unstressed. We can conclude that this poem has the same number of syllables in the verse (isosilobizam), but we cannot talk about syllabic – a ton verse, because there is no equal number of accentuated and unaccentuated syllables, that respectively does not assume a constant schedule of accent in the verse.

For poetry, rhythm is very important. It is made by a special choice of words, their resonance, the repetition of certain words and pacing (transfer of a part of a meaningful whole, which contains several words from one verse to the next). The situation is the same in all the stanzas, for example. «I'm feeling tonight, while I am watching the swallows | and early buds». Pacing connects not only the lyrics but also all five stanzas of this poem [3, p. 31]. In all the verses, there is the same way of crossed, female, rich rhyme: *abab*, occurs (swallows – growing; wounds – days; bigger – happiness; wing – were etc.). This confirms why the verse is rhythmic and tonal continent. And what makes it the syntactic and semantic whole will be understood if we look at what is the order of words in the verse. Epithets in the verse, especially in the sixet, are inverted, i.e. we talk about anastrophe [5, p. 362]. Namely the adjective, in most cases, comes after the noun, it is in postposition (early buds, passionate heart, unsaid words), which further highlights it. Atypical word order for the Serbian language we can observe in verses such as: «I have not given my love to anyone» or «there is in me a whole gentle tide». On the other hand, beside the

meaning of the word themselves, the verse as a whole contains all additional significance achieved with the rhythm of sound, organization and order of words. In this way, an ideal formal framework for achieving inner harmony (for audio and sign plan) is created.

In the Appendix of this work, there is an accentuated poem (in the Serbian language) of which we can observe the following: there are much more short words, occasionally interspersed with polysyllabic, which contributes to the dynamics and the euphony of the poem itself [11]. As the Serbian language does not possess a steady rhythm, in which there is an alternation of accentuated and unaccentuated syllables at regular intervals, i.e. it does not possess the cyclic distribution of accentuated syllables, we cannot talk about measurability in this respect. We notice that in most cases after an accentuated syllable come two unaccentuated. Between the two accentuated syllables, in this poem, there is a maximum of three unaccentuated, and because of the nature of Serbian accenting and distribution rules (based on that the last syllable can never be the holder of an accent) in this poem we talk a trochaic rate (- U) with a female ending.

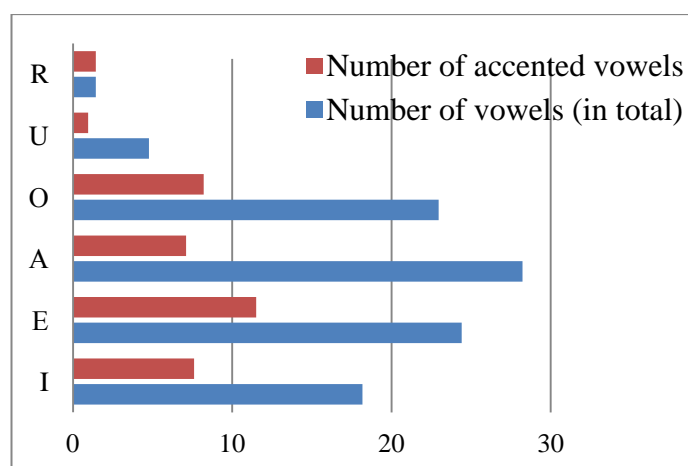
From the above, we can safely speak of euphony and eurhythmy. We are left to reflect on the voice set of speech as one of its factors. As constituent elements of style and words, voices constitute speech rhythm. When we look at the *Spring Poem* before us, there is a picture that contains an artistic enigma hidden behind the primary meaning, skillfully chosen words, voices used and their distribution in the poem. The importance of the choice of the voices is very important, it is also testified by Jakobson, who says that in the poetic language, the sign as such, receives an independent value. The symbolism of voices becomes something real and represents a kind of an accompanying element marked [2, p. 98]. Each phoneme has a symbolic value, but one should be careful because the phonemes is a complex entity and a set of distinctive features, so one should be careful, because these properties are often opposite [2, p. 99]. Talking about the differences between the acute and grave vowels in the Czech and French languages, leads us to check the *Spring Poem* concerning vowels, their distribution and functions.

We have already pointed out that as soon as we read the poem we have an impression that the poem is an upswing, easily catchy, which contributes to a large number of vowels (graph. 1) and sonants evenly distributed [3]. After extracting all the vocals from a poem and then highlighting accentuated vowels we see that it is completely expected, the most common vowel «a» with 28.23 %, followed by «e» to 24.40 %, then «o» – 22.97 %, «i» – 18.18%, and at the end «u» with

4.78 %², syllable «r» occurs three times as much (1.44 %). Unexpectedly, the vocal «a» although often present, very rarely is found accentuated, only 15 times, more precisely in 25,42 %. Most often accentuated vocals were «e» – 45 %, «i» – 42.11 %, «o» – 37.5 % and «u» with only 20 %.

There are neither consonant groups, nor the accumulation of polysyllabic words (there are only four set words, all others are with less syllables). Very rarely in use are compact and gravel voices, and therefore we have an impression that the poem «runs» by itself, and that it is scattered all over the spectrum. We therefore, see that the nature of the verse conditioned by the nature of language, i.e. voices – phonological metrics.

Graph. 1: The vocals in the *Spring Poem* (representation expressed in %)

About meaning

The subject layer of the poem is a parallel image of spring and a woman who is in love. At the beginning of the *Spring Poem*, in the first stanza, «as she watches swallows and the early buds» and admires the beauty of the nature, the poet's heart is slowly growing as it heralds a new love. In the second stanza, the first verse reveals the growth of love. Falling in love is kindled in the youthful soul, and the heart «with young plants getting bigger and easy like a wing» and longing picturesque reflect verses «A whole sky and the hell of pain would not be enough». The third stanza builds on the second, and further emphasizes the motive of love. Nature abhors the poet's heart longing for all the beautiful in life, because a young heart «nothing would be much: such great longings and hopes are». In the fourth stanza the poet understands that until that moment she has not gave all her love entirely as she

² Although there are plenty of vocals they are, mostly, evenly spaced, so we would not talk about assonance.

might and how much she wanted, and that until now it has all been a joke of her hot heart. If we take a closer look at the verses, we will notice the development of love to a higher level – love is born. It means that before the fourth stanza there are certain emotions, but in a milder, we can say, a child's form. In the fifth, the last stanza, a certain form of perfection and the ultimate form of feelings of love are portrayed. The heart of the poet has grown so much that, she says, she could give it away to everyone and still it will be left with a lot.

In the evoked poetic world in the *Spring Poem*, nature empowers, lifts and develops strong feelings of the poet, and becomes the realization of the idea of love and kindness. The feeling of love and delight of the beauty of nature in the early spring are intertwined. It all makes this poem bright, joyful and it becomes a picturesque blast term vision of love.

Of course, we could already observe that just in that making specific and communicative sentence in the poem, forming a gradation – from falling in love, to love that knows no boundaries. Spring and love to her were always together, cause they belong to each other and resort to each other. Her youth is cheerful, but not noisy; passionate, but not too bare. Hence, we see the poet's effort for youth to stop, to remain always, in her, and beside her. Because, in a silent spring dawns the poet's heart «slowly grows like a view in beautiful smiley days» and provides itself boundless and time and time again, «that I could give heart away to everyone, and still remains a lot to me,» which confirms the saying that love multiplies by dividing.

At first sight, what attracts attention is the lack of lyrical fictional entity that conceals the poet. Desanka Maksimovic does not run away from her own personality and clearly points out that she was the one going through hard times, enjoying the beauty of life and love. This is not just observed in the form of the presentation in first person, but also in the present tense, which highlights the timeliness of those events, universality, and also in the tone in which she tells her story. The neutral form was not used (*I feel, watch, etc.*), but also *I did not give* what clearly defines gender of the one who sings and, who in spite of so many misfortunes, she did not languished in spirit, but with potential expresses her great ability and desire (*I could (give away), I would like*).

The poem is dominated by propositional, long sentences that include the entire verse. The tone is calm with a slight hint of elation because of the upcoming emotions. The sentences are, usually, the different types of hypotaxical testimony and have a determinative role (most often, in the manner of modal sentence). The vocabulary is carefully chosen. We will mention just a few of verbs and adverbs (*slow growing, longs for all, give it away to*

everyone), nouns mainly refer to something pleasing and gentle (*swallows, bud, heart, wing, sky*), etc. There are many abstract nouns like *view, happiness, hell, longing, hope, and of course love*. There are many epithets that serve to highlight the level of expressed emotions and to contribute to the richness of vocabulary value of the poet and stylistic value of the poem itself. Almost all the epithets indicate affiliation, beautiful emotion and cheerful mood (*my heart, young plants, whole one sky of happiness, great longing and hope, my passionate heart, my love, the whole gentle tide ...*).

There are some other stylistic means, being known for long time, which themselves were developed by the language to enable affective expression. These are stylistic figures of speech and tropes, mainly means of picturesque and increased expression. We have already mentioned some of them, such as grading, epithets, metaphors and personifications («how my heart grows slowly»). We have said that the whole poem is based on a comparison of nature and love (i.e. along with the birth and restoring of vegetation in the spring, swells new emotions). Comparison is disclosed and in particular verse «how my heart slowly grows | «like view of the beautiful smiley days» or «easily like the wing». In the second stanza we see anaphora (*and easy; and how, and hell*) achieving greater expressiveness of such expressions [5, p. 293]. In the same stanza, we can mention contrast between the terms «heaven of happiness and hell of pain». It is opposes the two extremes which love can cause. Using synecdoche («heart that I could give all») the poet has accentuated the only thing that is important to the human being at the time – to give over, the gift of oneself to the loved being, respectively, giving love is symbolically represented by a gift of the heart. Throughout the poem the feelings are a bit exaggerated, but that is usually what happens when a person is intoxicated with love. No matter how you interpret the mentioned verses from it, they radiate profound optimism, a sense of achievement of human life and satisfaction.

Therefore, the emotional and stylistic unity of poems is based on personification as a dominant figure, but combination of the epithet, simile, hyperbole, contrast and metaphor achieved is a vivid and suggestive detail.

In the poetry of Desanka Maksimovic, there are some rhythmic parallelisms between natural phenomena and human emotions. Flashes of the human soul are determined by changes in the nature and string in time distinctness, in a harmonious rhythm, in homogeneous polyphony tones, which differs each other slightly. The musicality of the verse is also the fruit of a completely original versification that has defied many changes in our poetry.

Conclusion

After all, silent in her speaking, Desanka Maksimovic is a sincere poet who within her several decades of long creative work, marked a century in Serbian literature. We can say that love is a light motive in her poetry. She is deeply experienced and honest, always present. Nature is, on the other hand, anthropomorphized with Desanka's poetic personality and emotionality, because only in this way she can explain all of these personifications that we perceive as a subtle thread of a spring ritual that remains deep within us. The poet is in euphoria, in the cheerful mood. She praises the beauty of spring, the beauty of love and speaks about integration with nature. The heart is, as young plants growing in the spring, becomes bigger, easier and nicer, gets its true form and meaning. It evokes the language, but also the tone of her poems. It seeks to be increasingly well-ordered, measured and harmonious. In this poem, along using many epithets and metaphors are described general spring idyll, love and beauty of life.

Poetic language is *structured*, because she wants to create a compact poetic reality. All the stylistic means of poetic works are mutually connected and serve a specific goal. This goal is a unique aesthetic experience. It works on the reader first as a vague emotion. Stylistic analysis is actually a *conceptual* analysis of these emotions, rather than stylistic devices that aroused that emotion in the reader.

The poem that we have discussed so far is not an exception but rather a rule for the poetry of Desanka Maksimovic, which can be proven by analyzing the poems: *Desire, Happiness, Premonition*, and many others, which we will deal with at another time.

Appendix

ПРОЛЕТЊНА ПЕЌСМА

Осећам вечèрас, док посматрам ласте
и пупольке ране,
како с'це мòје полага́но расте
ко в'дйк у лèпе, на̀смејане да̀не:

како с мла̀дим б'љем по̀стаје свè вèће
и ла̀ко ко кр'ло,
и ка̀ко му це́ло је́дно не́бо срèће
и па̀као бо̀ла не́ би до̀ста б'ло;

како че́зне за св'м што би жи́вот мòгò
лèпог да му да̀де,
и да му ни́чега не́ би б'ло мнòго:
та̀ко су вèлике че́жње му и на̀де.

Осећам да до̀сад свè је б'ло ша̀ла
мòга с'ца врèла;

да још нѝком нѝсам љубав своју дала
колѝку бих мѝгла и колѝку хтѝла;

Да ѝмā у мѝни цѝла нѝжна плѝма
рѝчѝ неречѝни',
да бих сѝце мѝгла пѝклањати свѝма
и да ѝпет мнѝго ѝстане га мѝни.

This paper was done within the project The dynamics of the structure of the modern Serbian language (178014 – Ministry of Education, Science and Technological Development of Republic of Serbia).

Source

Maksimović, D. *Sabrana dela Desanke Maksimović* [The Collected Works of Desanka Maksimovic]. Beograd: Nolit, 1969. P. 43. (in Serb.)

References

1. Bogdanović, M. Desanka Maksimović – Zeleni vitez [Desanka Maksimović – Green Knight] (in Serb.). *Srpski književni glasnik*. Vol. 9. Book 34, No. 1. 1930.
2. Jakobson, R. *Šest predavanja o zvuku i značenju* [Six Lectures about Sound and Meaning]. Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada, 1986. (in Serb.)
3. Jovanović, V. *Poezija Desanke Maksimović kao inspiracija muzičkih stvaralaca* [Poetry of Desanka Maksimovic as an Inspiration to Creators]. Beograd: Zadužbina Desanke Maksimović, 2003. 120 p. (in Serb.)
4. Kovačević, M. *Lingvostilistika književnog teksta* [Linguo-stylistic of literary text]. Beograd: SKZ, 2012. 386 p. (in Serb.)
5. Kovačević, M. *Stilistika i gramatika stilskih figura* [Stylistics and Grammar of Figures of Speech]. Kragujevac: Kantakuzin, 2000. 388 p. (in Serb.)

6. Kojen, L. *Studije o srpskom stihu* [Studies of the Serbian verse]. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1996. 381 p. (in Serb.).

7. Konstantinović, R. *Biće i jezik 1* [Being and language 1]. Beograd – Novi Sad: Prosveta, Rad, Matica srpska, 1983. 473 p. (in Serb.)

8. Lalić, I. V. *Savremena poezija* [Modern Poetry]. Sveta Lukić (eds.). Beograd: Nolit. 1973. (in Serb.)

9. Mešćerjakov, S. N. *Priroda u pesništvu Desanke Maksimović i Ane Ahmatove* [Nature in Poetry of Desanka Maksimovic and Anna Akhmatova]. (in Serb.) *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. Vol. 16. No. 2. Beograd – Novi Sad – Tršić 1986.

10. Panović, M. *Priroda u poeziji Desanke Maksimović* [Nature in Poetry of Desanka Maksimovic] (in Serb.). *Literature and Language*. Vol. XXI. No. 4. Beograd, 1974. Pp. 80–85.

11. Simić, R. *Stilistika srpskog jezika 1* [Stylistic of Serbian Language 1]. Beograd. 2000. 220 p. (in Serb.).

ABOUT THE AUTHOR:

Nataša A. Spasić, PhD Student, Department of Philology and Arts, University of Kragujevac, Jovana Cvijica bb, Kragujevac, 34000, Serbia. E-mail: natally.spasic@gmail.com

ОБ АВТОРЕ:

Спасич Наташа, докторант, Факултет филологије и искуства, Универзитет у Крагуевцу, ул. Јована Цвијича, бб, г. Крагуевац, 34000, Србија. E-mail: natally.spasic@gmail.com